

ВЛАДИМИР ГВАНОВСКИЙ

ТРОПА ПЬЯНОГО МАТРОСА



18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Владимир Михайлович Гвановский

Тропа пьяного матроса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68518631

SelfPub; 2024

Аннотация

Герой романа Вадим Рейган пьёт вино над Севастопольской бухтой и размышляет, почему вынужден начать свою жизнь заново. Успешная карьера учителя неожиданно завершена, рок-группа распалась, любовь осталась в прошлом. Кто виноват в его бедах – администрация школы, испугавшаяся перемен, тоталитарная секта почитателей Шамбалы или чёрная карма, нагнавшая юношу? Читая книгу, вы окажетесь на крымских улочках начала двухтысячных, увидите быт крымской рок-группы глазами музыкантов, заглянете за порог сельской школы, посетите сектантскую медитацию устремления к Владыке Света. Моего героя в подростковом возрасте убедили, что мысль материальна и может убить других людей. Он расскажет, как пытался контролировать мышление, избавляться от тёмных мыслей, – и что из этого вышло. В поисках Надземного вы пройдёте тропами ночного Херсонеса, узнаете, куда ведёт путь Кыл-Копыр и как вести себя, если вам вдруг повстречается леший.

Содержание

От автора	4
Пролог	6
Глава 1. Леший	12
Глава 2. Белый монах	21
Глава 3. «Свинтили, шайтаны!»	34
Глава 4. Космический зов доцента Уриновой	63
Глава 5. «Заповедник ангелов»	75
Глава 6. Вареничная паранойя	96
Глава 7. Аттестация	114
Глава 8. Кыл-Копыр	124
Глава 9. Запрещённый перевал	134
Глава 10. Чёрная карма	151
Глава 11. Последний урок	166
Глава 12. Каркаде	181
Список литературы	216

Владимир Гвановский

Тропа пьяного матроса

От автора

Приветствую тебя, путник! Сегодня ты отправишься в путешествие Тропой пьяного матроса. Рядом пойдёт мой герой, Вадим Рейган, который уже открыл бутылку вина в доме над Севастопольской бухтой и размышляет, почему вынужден начать свою жизнь заново. Его успешная учительская карьера неожиданно завершена, рок-группа распалась, любовь осталась в прошлом. Кто виноват в этих бедах – администрация школы, испугавшаяся перемен, тоталитарная секта почитателей Шамбалы или чёрная карма? Читая книгу, ты окажешься на крымских улочках девяностых и двухтысячных годов, увидишь быт крымской рок-группы глазами музыкантов, заглянешь за порог сельской школы, посетишь сектантскую медитацию устремления к Владыке Света. Моего героя в подростковом возрасте убедили, что мысль материальна и может убить других людей. Он расскажет, как пытался контролировать мышление, избавляться от тёмных мыслей, – и что из этого вышло. В поисках Надземного вы пройдёте тропами ночного Херсонеса, узнаете, куда ведёт путь Кыл-Ко-

пыр и как вести себя, если вдруг на дороге повстречается леший. Но, путник, будь осторожен со знаками времени. Мой герой живёт в другой эпохе и только начал свой путь к толерантности, бывает груб и невыносим. Он провёл несколько лет в оккультной секте, ушёл из неё и теперь смеётся над любой религией; ироничен по отношению к меньшинствам, хотя никогда не опускается до ненависти. Поступки и суждения, привычные герою, из сегодняшнего дня могут выглядеть странными и нетерпимыми.

Я желаю тебе лёгкой тропы. И, пожалуйста, не выключай свой фонарик!

Пролог

«Здравствуй, милая Алиса! Спасибо за письмо – я так радовался, когда получил его. В то утро я шёл со смены, мечтая о горячем душе, чашке крепкого кофе с пастилой и сне до обеда. Над утренней бухтой клубился туман, из него торчали мачты и трубы кораблей, в мареве поднималось солнце. Кричали чайки, на корабле кто-то резко говорил в рупор, и туман многократно усиливал звуки. Я отворил скрипучую дверь подъезда, вынул из почтового ящика газету, и из неё выпал белый конверт, подписанный твоей рукой. Мне сразу расхотелось спать, я вернулся под козырёк входной двери, закурил, открыл конверт. Теперь перечитываю письмо каждое утро, когда варю кофе, – и улыбаюсь. Ты помнишь, я уволился из школы почти восемь месяцев назад, но никак не привыкну, что не вижу наш любимый класс – одиннадцать мальчиков и семь девочек. Вот-вот я должен проснуться, и всё будет по-прежнему: вы зайдёте по одному перед первым уроком улыбаясь, оставите куртки и пальто на вешалке у дальней стены класса, потом оглянётесь, уходя на математику; а вторым уроком, как всегда, литература: вы сядете по местам, я назову всех по именам, и мы начнём.

Я теперь работаю сутки через трое в старом ангаре, где в огромных аквариумах нелегально выращивают для рестора-

на королевскую кроватку. Моя задача – кормить кроватку, чистить аквариумы и следить, чтобы мои питомцы не сожрали друг дружку во время линьки. Я беру из дома рабочую одежду, обед в пластиковой коробке и книжку, а вчера взял и твоё письмо. Утром возвращаюсь в квартиру, сажусь на старенький рассохшийся стул на балконе и смотрю на город.

Знаешь, с моего балкона – лучший вид в Севастополе. Дом стоит на Городском холме, это исторический центр. По левую руку – Северная сторона, там расположен дикий пляж с красивым названием – Любимовка; на Северную все добираются на рейсовых катерах, и мне видно из окна, ходят сегодня катера или нет. Прямо перед моими окнами – судоремонтный завод с огромными кранами, а за ним в ясную погоду можно разглядеть гору Чатыр-Даг. По правую руку – Малахов курган и недавно открытый филиал МГУ. Начни он работать на несколько лет раньше – и я учился бы, наверное, в этом филиале, не поехав в Симферополь, и никогда не встретил бы вас.

Этой зимой случаются совсем тёплые дни, и с моего балкона не хочется уходить. Курю и наблюдаю, как посреди зимы неожиданно расцветает миндаль и поют птицы, но прохожие по привычке – в пальто и шапках.

Я скоро приеду к вам и надеюсь собрать наш класс, сходить на прогулку, как раньше. А пока самая большая радость – это увидеть утром белый конверт в почтовом ящике. Напиши мне, пожалуйста, как дела у твоих одноклассников, ведь

они мне пока не пишут. Берёте ли вы читать книги в библиотеке, которую мы сами собрали? На какие кружки вы ходите? Ездите ли с учителями в другие города?

Алиса, хоть до каникул остаётся ещё несколько месяцев, но вы уже можете готовиться к летнему походу. Спросите родителей, есть ли дома палатки, спальники и рюкзаки. Когда мы встретимся, я раздам всем ребятам листочки со списком необходимых в горах вещей.

Высылаю текст песни Константина Никольского. Кроме слов, я написал и аккорды: может, ты захочешь научиться играть на гитаре?

Буду очень ждать твоё новое письмо».

Девять месяцев назад я уволился из сельской школы Симферопольского района, в которой работал учителем русского языка и литературы в течение четырёх лет. Сначала эта работа казалась мне неизбежным злом – я должен был отработать учителем три года, потому что получал образование на бюджетном отделении ТНУ. А ещё мне совершенно не хотелось служить срочником в армии, и вакансия сельского учителя давала такую лазейку. Но потом моё отношение к работе изменилось: я увидел, что у двоечника Паши из шестого класса – мимика Джима Керри, и Павлик очень хочет играть в моём театральном кружке; что восьмиклассники упрашивают учителей сводить их класс в турпоход, но никто из педагогов и бровью не ведёт; что выпускники, которым я на переменке показал аккорды «Звезды по имени Солнце», сидят дотемна

с гитарой на крыльце школы. На третий год работы я получил классное руководство над 5-м «А» и понял, что уже не могу уйти. Ну а в 2004-м уволиться всё-таки пришлось, и я вернулся в Севастополь, в квартиру, где живёт мой старший брат-моряк.

Под Новый год я отослал своим ученикам открытки – сохранилась тетрадь с адресами, и вот первое письмо в ответ, от отличницы Алисы. Мне двадцать шесть, и всё закончилось. Надо начинать жизнь сначала, с кроветок и ржавого ангара. А ведь в прошлой жизни была не только школа – там осталась моя рок-группа, которая успешно давала концерты. Ещё я когда-то любил. Та девушка стала мерещиться мне на зимних улицах: я выскакиваю из дверей топики, увидев мельком знакомый нежный силуэт, бегу по улице и каждый раз понимаю, что обознался.

В квартире я один – брат ушёл в море на полгода. Курю на пустом балконе в густых синих сумерках. С тополей кричат грачи, от домиков Северной стороны тянутся в небо жидкие струйки дыма. Вынимаю из конверта тетрадный листок, на полях которого наклейки – три Микки-Мауса и Винни-Пух. Листок в клеточку, исписанный ровным, примерным почерком семиклассницы.

«Здравствуйте, дорогой Вадим Викторович! Я получила открытку и была очень рада, потому что не ожидала. У меня всё хорошо, вот только русский язык и литература превратились из самых любимых предметов в самые ужасные. Каж-

дый урок начинается с письменной проверки правил. Новый учитель ставит минимум три кола за урок и говорит, что в пятом и шестом классах, похоже, у нас не было уроков по этим предметам! Но книгу Рэя Брэдбери, которую вы мне посоветовали, я читаю. Мы по вам очень скучаем. Летом, когда вы уезжали, я пришла к ДК попрощаться – помните, был ливень, – но никого из ребят уже не было, и вас тоже. Я немного постояла и ушла. Будете удивлены, но сон про то, что вы к нам вернулись, снился и мне два раза. Наши мальчики обсуждают план, как вас вернуть, но девочкам не говорят. Вообще, они совсем непослушные стали, к нам даже участковый приходил и сказал, что если на Ваню ещё хоть один учитель пожалуется, то его отправят в детскую колонию. Ваня два часа после этого разговора вёл себя тихо, а потом снова за своё. Мы уже не знаем, что с ним делать, но ему хоть будет что своим детям рассказать!

В прошлую пятницу я была в больнице, у окулиста. Оказалось, у меня близорукость. Теперь ношу очки, и знаете, это намного сложнее, чем я думала. И вообще, я не подозревала, что люди такие любопытные! Все вокруг начали спрашивать, фальшивые ли очки или я действительно много читаю.

Новая учительница по географии узнала, что мы с вами ставили пьесы в школьном театре, и предложила нашему классу поставить пьесу-сказку про лесных жителей, которые борются за чистоту и порядок в лесу. Я играю русалку, Тая – фею, Марина – кикимору, Ваня и Миша – мусор, а Лида –

листву. Но репетиций ещё не было.

У меня к вам большая просьба: пришлите слова той песни о художнике и поэте, которую пели нам под гитару? Помните, мы собирались в поход на Демерджи? Давайте сходим летом? Мама сказала, что с удовольствием сходит тоже, несмотря на угрозы нового классного руководителя. Вот и все мои новости на сегодня. Напишите, пожалуйста, про свою жизнь. Надеюсь, вы скоро приедете к нам! С любовью, Алиса».

Они скоро вырастут. Два-три письма. Если повезёт, мы сходим в горы. Всё, чем я жил, чем болел, становится воспоминанием. Я стою над бухтой, наблюдая, как облако накрывает, как вязаной шапкой, далёкий Чатыр-Даг. Мне нужно всего лишь накинуть косуху, выйти на набережную, пожать руку уличному гитаристу, поджемовать с ним, потом пропустить по паре-тройке шотов в «Ринго Стар», подсесть за столик к девчонкам. Но я опять никуда не иду, перечитываю письмо. Если будет совсем нехорошо от воспоминаний, у меня в шкафчике есть початая бутылка «Киндзмараули», да и пачки «Честера» на сегодня точно хватит. Решено – весь вечер курить и вспоминать! Может, мне удастся понять, почему всё так сложилось.

Глава 1. Леший

Всю ночь мне не давала спать мысль об этих дурацких коровах. Вчера, наспех закончив подготовку к контрольной по теме «Предложения с обращениями, вводными и вставными конструкциями», я схватил рюкзак, пробежал сократом к автостанции Западная, где меня ждала Надя, и мы едва успели на последний автобус до села Счастливого. Уже в темноте прошли в Многоречье по грунтовке и за селом встали на ночёвку в старом ореховом саду: несмотря на начало апреля, там было очень тепло. Мы решили долго не сидеть, поужинать и лечь спать – с утра нам предстоял непростой подъём на массив Бойка. Я принёс охапку дров. Пока разжигал костёр, Надя уже сама поставила палатку, уложила внутрь рюкзаки, карематы, спальники и, улыбаясь, посматривала на меня – до этого у неё не получалось справиться с палаткой в одиночку. Потом я отправился за водой и тут-то увидел в темноте искорки зелёных глаз. Коровы! Разлеглись в саду под орехами и, видимо, ночевать тут будут. А если палатку затопчут? Я решительно ничего не понимал в коровьей логике и поделился своими сомнениями с Надей, у которой бабушка жила в настоящей деревне. Надя засмеялась:

– Да они утром пойдут, на рассвете. Ну а если затопчут нас – значит, судьба такая. Ты лучше открой вино, а то каша

с тушённой остывает.

Разложив кашу по мискам, девушка прикрепил к веткам ореха разноцветную гирлянду, подключённую к миниатюрному аккумулятору – и начался праздник. Я не мог отвести от Нади глаз – от её золотистых волос, озорного взгляда, красивых коленок, выглядывавших из-под клетчатой юбки.

– Вот что, Надя. Я себя запрограммирую – когда коровы пойдут, сразу проснусь.

К одиннадцати мы уже лежали, обнявшись, в состёгнутых спальниках. Я дремал, уткнувшись носом в Надины волосы, и из ущелья вместе с журчанием холодной речки в мою голову проникали странные сны. Минотавр с бензопилой вёл допрос в стеклянной комнате, угрожая отрезать мне правую руку. Я не выдал тайну, прошёл испытание и сел пить водку с другом, закусывая ломтиками говяжьей бастурмы, как вдруг с ужасом подумал, что говядину не проверил ветеринар и она может быть заражена, а соль не нейтрализует паразитов. Но тут из подвала вышла обнажённая Надя в белом чепчике с красным крестом, обняла меня за плечи, прижавшись твёрдыми сосками к моей спине, и ласково прошептала:

– Пей водку, если не уверен в качестве мяса, она всё нейтрализует!

Коровы, действительно, пошли на рассвете – я дёрнулся из спальника, облизывая пересохшие губы, расстегнул тамбур. Стадо проходило в метре от нашей палатки, не обращая на меня никакого внимания. Гордый своим внутренним бу-

дильником, я снова залез в нагретый спальник, и мы ещё час валялись.

Когда пришло время надевать рюкзаки и покидать поляну, начался мелкий дождь. Колея была глубокой, полной ржавой жижи, поэтому я прокладывал путь через кустарник над дорогой, и к моему лбу, к очкам ежеминутно прилипала мокрая паутина. Днём дождь усилился и назойливо барабанил по дождевику. Мы вошли в густой туман, и, казалось, будем идти в нём бесконечно. Вдруг дорогу преградил старый трухлявый бук, который упал на тропу совсем недавно. Я повёл девушку в обход и остолбенел: из центра пня торчало железное дуло винтовки. Осторожно, стараясь отклонить дуло в сторону, я вытащил оружие и сразу узнал легендарную винтовку Мосина: она была не ржавая, что странно, вот только приклад совсем сгнил. На корпусе виднелась гравировка: «1938». Винтовка оказалась заряженной, но спусковой крючок не нажимался. Я решил, что в просторном дупле был схрон партизан, а потом их убили, и винтовка осталась в дупле на полвека. Оставлять такое сокровище в лесу, конечно, мы не могли: замотали остатки оружия в целлофан, который обычно стелили под палатку, и продолжили путь.

К турстоянке Баш-Дере пришли под вечер, едва волоча ноги по грязи. Лучшее место оказалось занято – три молодые женщины грели руки над высоким костром. Одну из них я сразу узнал – Пелагея, радастия из Костромы, ходила со мной в один из первых походов. Тогда, в конце девяти-

ностей, книга Евдокии Марченко «Радастея» набирала популярность в СНГ, пропагандируя теософию, оккультизм, неоязычество, и Пелагея попыталась рассказать мне про Ритмологию, Арийско-Вавилонянскую расу и Метод 7P0. В ответ я пошутил про ню-эйдж и оккультные практики, после чего мы больше не ходили в совместные походы. С тех пор прошло пять лет, и, судя по внешнему виду Пелагеи, в её мире ничего не изменилось: на шее болтались амулеты, нашитые руны покрывали камуфляжную куртку. Подруги выглядели ещё суровее: брюнетка щеголяла в довольно грязном самодельном костюме единорога и всё время косила взгляд куда-то вбок; третья девушка, бритая наголо, стояла в тельняшке и трусиках, невзирая на промозглую погоду.

Пелагея прищурилась, поглядев на нас; Надя ответила ей взглядом, полным презрения. По кислому лицу моей подруги я понял, что она хочет уйти куда-нибудь подальше, но впереди уже начинался каньон. Мы поставили палатку метрах в тридцати от странной компании. Из ущелья неприятно тянуло, травы покрылись изморозью, поэтому я быстро разжёг костёр, сварил глинтвейн, и Надя заулыбалась, щёки порозовели. Напившись горячего вина, мы всё бросили – недоеденную кашу в мисках, котелок, сладости – и полезли в палатку.

Проснулись глубокой ночью от странного звука – далёкого ритмичного гула, похожего то ли на музыку сельской дискотеки, то ли на рёв двигателя трактора. И этот трактор-праздник быстро приближался, ломал на своём пути деревья, дви-

гаясь со стороны вершины Сотира – а дороги оттуда в нашу сторону не было и в помине, там обрыв и буковый лес. Я хотел сказать Наде, которая тоже проснулась и вцепилась в мою руку мёртвой хваткой: «Это невозможно!» – но не мог разжать губы. Вибрация вжала меня в спальник, лишила сил, наполнила страхом. Такое состояние случилось со мной только однажды, в детстве, когда я подростком во сне увидел над дверью комнаты огромные опущенные веки, а под ними невыносимое пламя. Веки приподнялись чуть-чуть – я услышал тихий гномий смех в углу и свой собственный хрип. И теперь я не мог пошевелиться, как будто меня сверху придавила могильная плита. Словно вторя этой мысли, вибрирующее нечто остановилось у палатки и начало сминать её сверху. Над головой лопнул альпеншток, и сквозь пелену ужаса в голове пронеслась мысль: «А палатку-то я у физрука взял! Как же возвращать?» Внезапно в стороне раздался высокий женский голос – он отчётливо и неторопливо начал произносить мантру: «Распроёбанец хуев, зело разъёбанный до требухи пиздодыры вселенской хуеглот, яко вздрочённый фараонов уд, промудохуеблядская пиздопроёбина, архиерева залупа, оной плешь, Иерихонская пиздищи елдачина, зарубка Алексашковой наизнатнейшия мотни, блудоебливый афедрон, ёбанный Приаповой дубиной стоеросовой, Вавилонския блядищи выблядок, мудило вельми отхуяренный, пиздоебательной пиздины пиздорванец особливо охуелый, кляп вздыбленный ебливище пиздоторчащего хуищи аллилуйя!»

И пока раздавалась эта странная матерщина, вибрировавшее нечто оторвалось от палатки и устремилось прочь, ухнуло упавшее неподалёку дерево, посыпались камни. Ко мне возвращались силы и возможность двигаться, а вместе с ними накатывала злость. Я трясущимися руками расстегнул полог палатки.

На поляне под дождём стояла совершенно голая Пелагея с фонарём в руках, её лицо было перекошено, глаза вращались, по телу стекали струйки воды.

– Что это было? – еле выговорил я.

– Лешак приходил, – медленно ответила девушка, которой тоже давались с трудом обычные слова.

– Ты прогнала его Большим загибом Петра Великого!

– Не Большим загибом, а Малым, филолог хренов. Загиб обращает в бегство любую нечисть, вселяет ужас во врагов России! Всю прану сожрал этот лешак, иди он лесом!

Пелагея зло плюнула, потрянула мокрыми рыжими волосами и ушла в темноту.

Надя медленно приходила в себя, но разговаривать отказывалась. Я оделся, накинул куртку, кое-как поправил надломленный альпеншток и пошёл к Пелагее. Костёр снова горел, и девушка, стоя под навесом и завернувшись в спальник, грела руки над пламенем. Подруг нигде не было видно. Я присел на бревно напротив.

– Скажи, а чем мы ему не угодили?

Девушка подняла глаза:

– У вас каша по всему лагерю разбросана, еда в пакетах. Неужели сложно убраться? Лешие не любят такого, приходят и мстят. Их только матом прогнать и можно – ну что я тебе объясняю, ты и сам знаешь, это слова из нашего языческого прошлого.

– Слушай, Поля, я думаю, он не из-за еды пришёл. Мы вчера кое-что нашли в дупле старого бука и забрали. Это старое ружьё.

Девушка отшатнулась от огня, спальник упал, открыв её большую белую грудь.

– Ну ты и придурок! Ты магниты охранные нарушил, сигнальная цепь зазвонила, и лешак явился! Это же священный массив Бойка – точка контакта с Тонким миром, место для сокровенных медитаций. Тут нельзя трогать всё подряд, а тем более – красть! Куда ты скачешь, мальчик, кой чёрт тебя несёт!

– Ладно, не кипятись, не буду я это ружье домой забирать, а то ещё эта нечисть ко мне в гости придёт, на чай. Зарою в листву и пусть забирает. Спасибо.

Когда я залез в палатку, мой спальник был отстёгнут, Надя лежала в своём.

– Надь, Пелагея на поляне руны из камней выложила, говорит – леший больше не придёт.

– И чего ты явился? Спал бы уже у этой ведьмы в её палатке, дрожали бы с ней вместе! Возвращайся, она ждёт!

– Пусть ведьма, но она помогла, мы должны быть благодарны.

– Не знаю, как ты всё провернул, но я уверена – это одна из твоих идиотских шуточек. Леших не бывает в природе. Лишь бы на сиськи чужие пялиться, а так всё обставишь, как будто Армагеддон случился. Мистификатор! – Надя замолчала и отвернулась.

Я нащупал её сигареты в боковом кармане рюкзака, выбрался из палатки, закурил, разжёл костёр. Собрал продукты, залил миски водой, плеснул в железную кружку немного коньяка «Коктебель», выпил залпом. Дождь закончился, и надо мной в обрамлении буковых веток сияли апрельские звёзды. Я думал о странном случае, произошедшем час назад. Меня с детства будоражили истории, в которых невидимый грозный мир вторгался в жизнь обывателей и переворачивал её с ног на голову. Когда в Херсонесе заметили призрак Белого монаха, было очень страшно, но я всей душой желал встретить его. Если сегодня на этой поляне действительно леший валил нашу палатку, то его существование полностью меняло мою картину мира. И Поля, которая смогла найти в себе волю прогнать его, Поля, над сектантскими привычками которой я смеялся! Ведь она могла отомстить мне за язвительные шутки над Ритмологией. Просто не подошла бы к нашей палатке и не сказала бы нужных слов. Розыгрыш? Вряд ли. Чтобы проверить такое шоу, нужна целая команда киношников, а те мата уж точно не боятся. Смогу ли я что-то по-

нять в этой истории? Леший сбежал в темноту вместе со своими секретами. Но ведь у меня осталось ружьё, его можно использовать как приманку! Придётся забрать. Кстати, про Белого монаха. А ведь история с ним случилась осенью девяносто четвёртого года, когда я учился в десятом классе и угодил в секту.

Глава 2. Белый монах

Николая знают все фотографы Севастополя. Кто-то смотрит на него с завистью, кто-то – с одобрением, кто-то – с восторгом. Николай – фотограф первой в новейшей истории города коммерческой газеты «Вечерний Севастополь», издания альтернативного, скандального, эпатажного. На вооружении у мастера – новейшая автофокусная камера Canon EOS-1 со сменными объективами, купленная в Америке. Нам, снимающим на отцовские «Зениты» и «Зоркие», и смотреть на это чудо техники страшно. Но самое главное в Николае – умение сфотографировать невозможное. Несколько месяцев тому назад город только и говорил о его фотоснимке, на котором призрак, Белый монах Херсонеса, идёт среди ночных развалин древнего города. И сегодня репортёр читает лекцию у нас, в фотокружке Дворца детства и юности! Учитель, Александр Игоревич, разрешил прийти на встречу с известным фотографом только старшеклассникам – тема привидений зыбкая и опасная. Мы сидим в общем зале на деревянных стульях, расставленных полукругом. За металлическими решётками окон видны декорации фестиваля «Золотая рыбка», еле освещённые фонарём – на улице уже осенние сумерки. У окна – стол нашего руководителя, на нём пузатый электрочайник, стаканы и бородин-

ский хлеб, который всегда приносит Иван Александрович – опытный фотограф, друг нашего учителя. Слева от стола – книжный шкаф с альбомами известных фотохудожников и архивом плёнок кружковцев по годам; справа – дверь в лабораторию, не простая, а двойная, с небольшим помещением между дверями, чтобы во время печати можно было входить и выходить, не засветив фотобумагу. В лаборатории почти всегда горит красный свет фотофонарей, вдоль стены стоят простенькие увеличители «Таврия», на которых учатся мальцы; мы же, старшеклассники, печатаем фотографии на громадном «Азове» с электрическим управлением и сменными объективами. Ещё есть небольшая кладовка, заваленная списанными кинокамерами «Красногорск», бобинами с киноплёнкой, которую мы перед съёмкой отматываем «на глаз» и заряжаем в пластиковые кассеты; также в кладовке лежат софиты, светящие невыносимо горячим жёлтым светом, от которого у девушек-моделей течёт макияж. У входа, на полочке, стоит сломанное чудо советской промышленности – фотоаппарат «Алмаз-103», который так похож на обожаемый мной Nikon, но, в отличие от безотказного японского коллеги, он с секретом: если сначала опустить рычаг автоспуска, а потом взвести затвор и нажать на спусковую кнопку, то аппарат ломается. Сначала – затвор, потом – автоспуск, только так. О неприятной особенности камеры предупреждали всех учеников кружка, и, конечно, кто-то однажды решил проверить, правда ли это. С тех пор «Алмаз» не

фотоаппарат, а экспонат.

Мы – ученики десятого класса, и этот год в кружке – предпоследний. Чего только не было за три года: и поездка в Москву с оркестром народных инструментов под управлением Людмилы Королёвой; и фестиваль «Золотая рыбка» с концертами на набережной, выездами в Ласпи и обязательной ежедневной стенгазетой. Эта газета размером полтора на два метра стала нашей гордостью: утром мы фотографировали, потом проявляли и печатали снимки, наклеивали фото на ватман и к вечернему концерту вешали газету в фойе Дворца! Вспоминалась и опасная, напряжённая съёмка пресс-конференции Мешкова, объявленного президентом Крыма. Снимали «Звёздный прибор», на котором блистала вся пост-советская попса: и Пугачёву, и Киркорова, и «Кар-Мэн» мы видели. А вот привидений – нет! Осталось сфотографировать Белого монаха – и можно с лёгким сердцем во взрослую жизнь.

Николай стоит в центре зала с фотографией в руках. Снимок очень зернистый – плёнку проявляли по пуш-процессу, поднимая её чувствительность. Но белая фигура посреди херсонесской улицы явственно различима.

– Дежурю я уже которую ночь, наслушавшись рассказов о Белом монахе, – рассказывает фотограф, – ночь тихая, летняя, ни души, только на старом монастырском пляже едва слышны голоса ночных купальщиков. Уже уходить собирался. Вдруг дрожь меня пробрала. И через несколько секунд –

он, ослепительно белый, даже не идёт, а плывёт мимо меня по улице. Я машинально давлю на спусковую кнопку – так и жал, не отпуская, мотор перематывал кадр за кадром, пока плёнка не закончилась. А фигура, не поворачиваясь ко мне, проследовала мимо Туманного колокола и растворилась в ночи.

Мы сидим не дыша. Нарушает тишину уфолог Деев, приглашённый в качестве консультанта:

– Нам известно, что советская власть в 1923 году закрыла православный монастырь, расположенный на территории Херсонеса. Колокола сняли со звонницы храма и один из них установили на берегу, чтобы в туман подавать сигнал проходящим кораблям. Монахов же расстреляли, всех до одного. Мы склонны считать, что описанное известное привидение – так сказать, неразложившийся эфирный двойник одного из монахов, который отделяется от тела при смерти. Если смерть была насильственной, двойник мог остаться привязанным к месту убийства. Когда люди обращают внимание на такое привидение, оно напитывается их эманациями, страхами, переживаниями – и, так сказать, «живёт», бродит по окрестностям. Современные фотоплёнки могут зафиксировать привидение, даже если оно неразлично глазом. Сильные маги древности использовали эфирных двойников для охраны своих замков от обывателей, «привязывая» привидений к башням, дорогам и кладбищам.

– Я говорил с архиереем, – аккуратно вклинивается в раз-

говор Николай, – показывал ему фотографию. Архирей изучил снимок и удивился, почему это монах белый. Ведь в православии инок – чернец! Выходит, засланный казачок гуляет по Херсонесу, не доминиканец ли? А я архиерею говорю уверенно: «Так это ж иномирие, там всё наоборот! Как на негативной плёнке – если монах в жизни чёрный, то на плёнке он будет белым. Монах – в негативе!»

В зале слышится одобрительный шёпот, учитель улыбается и кивает:

– Коль, а давай нашим мальчикам устроим праздник – сводим их в ночной Херсонес! Уважаемый Деев, что скажете? Не губительно ли это для молодой психики?

– Если я пойду с вами, то не опасно, – широко улыбается Деев. Но, конечно, все участники экспедиции должны сохранять самообладание и без промедления делать, что я скажу: с астральным миром шутки плохи.

– Коль, а ты пойдёшь с нами? – продолжает учитель.

– Саша, своего монаха я уже встретил, и думается мне, что никакой он не астральный двойник, а самый настоящий гость из иномирия, личность, – Николай глянул на Деева исподлобья, – и история его появления – хороший повод подумать о Боге, о своей душе. Мне после встречи с Белым монахом хочется бросить мышиную возню в мире и самому стать послушником. А юноши – пусть ищут, и найдут, я уверен. Сделают снимки, а может, и шаг к спасению своих душ.

– А можно вопрос задать? – неожиданно раздалось из угла

комнаты.

Все разом повернулись к Ивану, нашему однокурснику, который сидел, откинувшись на спинку облезлого стула и безостановочно взводил и спускал затвор своего маленького фотоаппарата «Вилия-Авто». Не дожидаясь разрешения, он продолжил.

– Вы не читали разоблачение этой истории в государственной газете «Слава Севастополя»? Если кратко, там написано, что Белый монах – выдумка алкоголиков, которые забросали весь заповедник бутылками от портвейна. Они увидели профессора-сибиряка, который приехал заниматься историей древнегреческих полисов и ходил ночью в мокрой простыне, потому что изнывал от крымской жары. Так вот, эти пьяницы...

– «Слава Севастополя» – пережиток совка, – взвизгнул Деев, – они уже утонули в чернухе, статьях про бутылки и бомжей. Я не удивлён, что они накалякали такой пасквиль. Но если ты не веришь, бери свою щёлкалку в ночной Херсонес – я уверен, наша группа вступит в контакт с эфирным двойником монаха!

Встречу участников загадочной съёмки назначили у входа в кинотеатр «Россия» в шесть вечера, через неделю после встречи с Николаем. Стояли последние дни октября, ночной ветер вяло жевал мою куртку с ватной подстёжкой. Я стоял один в луче жёлтого фонаря, и вокруг меня летали рва-

ные газеты, пакеты, луковичная шелуха – днём у кинотеатра работал стихийный овощной рынок, который с наступлением темноты закрылся. В начале седьмого пришли кружковцы Лёша и Коля, сразу за ними – учитель и уфолог. Когда уже собрались идти, прибежал Иван с «Вилией» в руках. На территорию Херсонеса зашли со стороны пляжа Солнечный – в конце дня кассир уходила оттуда, оставляя ворота открытыми, и в заповедник начинали проникать любители портвейна и ночных купаний, ну а в октябре пришло и время охотников за привидениями. Когда миновали ворота, Александр Игоревич достал из кожаной сумки кассеты с фотоплёнкой и раздал нам:

– Каждому по две кассеты. Это свежая аэрофотоплёнка чувствительностью четыреста единиц по ГОСТу. Экспонируйте как тысяча шестьсот, при проявке будем пушить на две ступени.

– А как же мы свет замерять будем? – возмутился Иван, – если этот Белый монах объявится, что, сначала к нему с точечным замером лезть?

– Так, развёл тут демагогию! – повысил голос учитель, – если кто-то уже три года учится в фотокружке и не знает, что делать, то пусть открывает диафрагму, ставит одну тридцатую и снимает. А кто знает, тот уже экспозицию выставил. Стоп, погоди, какой ещё точечный замер? У тебя же «Вилия», Ваня. Совсем без царя в голове!

Я зарядил ценную плёнку в кружковский «Зенит-11», ко-

торым мог пользоваться без ограничений и брал на все съёмки. Учитель погасил фонарик, и мы окунулись в крошечную темноту ночного Херсонеса. Каменистая дорога едва угадывалась – месяц ещё не поднялся; в море, по левую руку, горели шесть огней – это два корабля стояли недалеко от берега, ветер усиливался, и мы спешили поскорее спуститься к Базилике в базилике – там, в низине, ветер не должен был лютовать. На камнях средневекового храма Иван предложил разложить бутерброды и перекусить, но Деев зашипел на него, и бутерброды с сожалением были спрятаны обратно в школьный рюкзак. Не включая фонарики, мы медленно вышли на древнюю улицу и отправились к Туманному колоколу. Я чувствовал себя не в своей тарелке из-за непривычного контроля: Деев шагал впереди, учитель шёл замыкающим, и уйти в сторону, побыть одному среди руин не позволяли. А для меня эти улицы с самого детства означали такую сладкую волю. Здесь проходила незаметная глазу граница с невидимым миром, в котором всё искрилось и сверкало, девушки в белых одеждах ходили по волнам, а на горизонте сверкал тугой парус на кривой перекладине. Мы прибегали на руины с Игорем, другом детства, чтобы облазить каждый метр странной земли, от которой, как пар от Южной бухты в холодный день, поднимались образы далёкого прошлого. Я читал на Херсонесе «Полярного лётчика» Водопьянова, усевшись на нагретые камни, – под шум волн и стрекот сверчков. Приходил сюда подростком тайно поглазеть на студенток, которые

поздней весной купались после лекций голышом: оглянувшись по сторонам, быстро снимали бельё и прыгали в море с плоского камня, а потом, выходя на берег, набрасывали на мокрые плечи белые блузки. Заповедник почти не охранялся, и его обрывистая часть за Солнечным считалась диким пляжем.

Пройдя до бывшего монастырского пляжа и никого не встретив, мы вернулись к Туманному колоколу, высившемуся на фоне звёздного неба чёрной громадой, и начали мучительно пялиться в темноту, но Монах не появлялся. Достали бутерброды и жевали, пустив по кругу крышку от термоса, наполненную крепким чаем, в котором постоянно попадались чайники. Потом чай кончился, и мы начали мёрзнуть. Через полчаса учитель сказал:

– Мальчики, как и говорил уфолог, привидения могут быть невидимы глазом, но фотоплёнка их зафиксирует. Мы сейчас пройдем ещё раз к Базилике в базилике, и вы будете снимать наугад – возможно, после проявки мы что-нибудь увидим.

Так и поступили: отсняли за пятнадцать минут по одной плёнке, вторую заряжать пока не стали. Счётчик кадров моей камеры показывал «36», но, так как я отматывал плёнку на глаз, видимо, отрезал чуть больше обычного и кадр-другой ещё был в запасе. Мы подошли к руинам собора св. Владимира, взорванного германской армией при отступлении, а потом через главный вход покинули Херсонес. Недалеко

от кинотеатра «Россия» остановились в скверике – наш учитель и уфолог о чём-то горячо спорили, и мы ждали. Ко мне подошёл Иван.

– Вадик, у тебя же остались кадры? Сними мой портрет вот в этой телефонной будке!

– Ваня, ну света нет совсем, снимать надо на «В», а штатив не брали, кадр выйдет смазанным.

– Тебе что, жалко? На пустоту ночную, на этот бред собачий всю плёнку потратил, а на меня жаль, да?

– Ладно-ладно, не тошни, лезь в будку.

Иван зашёл в жёлтую будку с выбитым стёклами, схватил трубку и картинно улыбнулся. Я поставил длительную выдержку, нажал спусковую кнопку и подождал три секунды, потом отпустил.

– Так, что вы там дурью маетесь, – услышали мы голос Александра Игоревича, – быстренько смотайте плёнку и отдайте мне кассеты!

Мы протянули плёнки учителю, дошли с ним до остановки троллейбуса и разъехались по домам.

В историю про фиксацию плёнкой невидимых призраков я не верил – ведь Николай сначала увидел Монаха своими глазами, а потом уже начал снимать. Просто все замёрзли, а какие-то пробные кадры, ну хоть для галочки, полагалось сделать. Поэтому на проявку плёнок я не пошёл, с ними должен был справиться Илья, лаборант. Меня больше интересо-

вали альбомы Виталия Бутырина и Вильгельма Михайловского, которые Александр Игоревич купил в Москве, и я шёл в фотокружок в надежде их полистать, заварив стакан сладкого чёрного чая. Было время лекции для мальцов о приёмах репортажа, и я, как старшеклассник, всегда мог рассчитывать на стул в углу комнаты. Сдав пальто в гардероб, я спустился по широкой лестнице на нулевой этаж и пошёл по неосвещённому коридору в наш кабинет. Дверь оказалась заперта, внутри – ни звука. Стучу, потом стучу громче. Слышу торопливые шаги, и через минуту учитель впускает меня, сразу запирая входную дверь на замок.

– Вадим, у нас внештатная ситуация, я отпустил всех кружковцев и печатаю твою плёнку. Деев только что ушёл, настрого запретив показывать снимки подросткам – они опасны. Я закончу печать, передам плёнку и фотографии уфологу, и мы на этом закроем проект – я не хочу, чтобы кто-то из вас сошёл с ума.

– Александр Игоревич, погодите. Неужели я что-то снял? Это действительно Белый монах?

– Нет, это какое-то неизвестное уфологии привидение. Деев классифицировал его как астрального вампира. Я не знаю, как у тебя получилось. Видимо, надо было больше снимать наугад, отснять по две-три плёнки, и тогда у других кружковцев тоже что-то было бы. А может быть, у тебя дар. В любом случае, вам видеть это фото нельзя. Деев говорит, что один взгляд на изображение вампира может бесповорот-

но изменить психику.

– Учитель, а зачем тогда мы ходили на эту съёмку, если теперь вы нам даже фото не покажете?

– Мы рассчитывали встретить безопасное привидение, Белого монаха, а столкнулись с чем-то иным. Уфолог уже билет в Москву купил, проведёт там тест на подлинность фотографий, ну а потом... Он сказал, что последствия могут быть серьёзными, вплоть до объявления Херсонеса аномальной зоной.

Слова учителя мне не понравились. Во-первых, меня лишили права увидеть свой же снимок, который, кстати, мог сделать меня знаменитым, как Николая. Но хуже было второе. По вечерам я слушал лекции восточного учителя в эфире радио «Маяк». В них регулярно говорилось о том, что в духовном мире, как и в физической реальности, подобное притягивает подобное. Николай встретил монаха, который символизирует святость, чистоту, спасение. А я – какого-то астрального вампира! Значит, во мне самом – зло! Надо было срочно разобраться в этой неприятной ситуации.

– Александр Игоревич, – начал я решительно, как автор снимка я имею право его увидеть. Понимаю, что снимал на вашу плёнку кружковской камерой, понимаю, что архив отснятых плёнок принадлежит Дворцу детства и юности, но я – автор. Покажите мне снимок.

Учитель посмотрел на меня с усмешкой.

– Вадим, хорошо, но только при свете красного фонаря

и недолго. Как мне кажется, уфолог перегибает, но рожа на фото и правда премерзкая. Ты же понимаешь – для меня история с привидениями новая, я в МГУ научный атеизм изучал. Поэтому давай доверимся специалисту. Если он говорит, что есть опасность, то надо действовать очень осторожно. Я, как учитель, не могу рисковать здоровьем ученика.

Мы вошли в лабораторию, освещённую тусклым красным светом. В промывочной кювете плавал единственный отпечаток, изображением вниз. Я взял в руку пинцет и медленно перевернул фотографию. На меня глянуло ехидное расплывшееся лицо с чёрными провалами вместо глаз и широкой улыбкой Джокера. Одно ухо существа было нормальным, а второе – огромным, слоновьим. Внезапно я всё понял и согнулся пополам от хохота. Учитель мгновенно вырвал снимок из моих рук и потащил меня за воротник рубашки к выходу, распахивая обе двери в лабораторию, засвечивая фотобумагу.

– Александр Игоревич, всё хорошо! Я не свихнулся! Это же Иван! На фото Иван в телефонной будке, последним кадром снят его портрет, – задыхаясь от смеха, кричал я.

Глава 3. «Свинтили, шайтаны!»

В работе молодого учителя есть приятный ежегодный бонус – это длинный отпуск. Если отношения учителя с администрацией школы ещё тёплые, его могут отправить на восстановление нервных клеток уже в начале лета, не привлекая к сдаче выпускных экзаменов. В июне две тысячи третьего года в кабинете директора мне ещё улыбались, вручили зарплату за май и паёк, состоявший из двух тощих синеватых кур. С отпускными всё обстояло хуже: директор ванговала выплаты в июле-августе и обещала сразу позвонить; я же не ждал денег до осени и решил подработать где-нибудь на Южном берегу Крыма. Но сначала мы с Надей устроили друг другу праздник.

Моя девушка оканчивала третий курс факультета «Экономика и финансы» и жила в общежитии студгородка ТНУ. Она как раз расправилась с летней сессией и была готова к приключениям, прежде чем уехать на лето к родителям в посёлок Затока Одесской области. Мы собрали рюкзаки и отправились вдвоём в поход – через горы к морю. Ели чебуреки в Соколином, поднимались узким горным лазом на Барскую поляну, обходили петлёй лесничество Ай-Димитрий, где бешеный егерь объявил свою территорию заповедником и бросался, как зверь, на туристов. Из Байдарской долины

доехали до Фиолента и там, сторевшие под летним зноем, уставшие, исцарапанные и счастливые, с криками разделись догола и долго не вылезали из моря.

Ночь. Мы только что искупались в лунной дорожке, наспех вытерлись коротким полотенцем и лежим в палатке. Я целую волосы Нади, они солёные от морской воды, и мне кажется, что я обнимаю русалку.

– Вадик, расскажи на ночь сказку, – шепчет девушка, поворачиваясь ко мне, – как ты умеешь, дикую.

– Ладно, слушай сказку.

Садимся на каремат у палатки, я набрасываю на плечи Нади свою клетчатую рубашку. Несколько минут молча сидим обнявшись, слушая шум волн, наблюдая за луной, склоняющейся к горизонту. Потом я начинаю.

– С незапамятных времён в горах Тибета живут Семеро. Точнее, живут они не в самих горах, а в другом измерении, называемом Тонкий мир, и над Тибетом находится дверь в него. Занимаются эти Семеро тем, что держат мир. Люди Тибета говорят, что как только их вахта прекратится – всем нам хана.

– Вадик, я читала, что есть до сих пор люди, верящие, что Земля – плоская. И её удерживают на спинах три слона, которые стоят на черепахе, плавающей в море, – Надя положила мне на живот и медленно начала опускать её вниз. – И эти Семеро тоже Землю на себе держат?

– Нет, образно, – улыбнулся я и легонько укусил девуш-

ку за мочку уха. – Тёмные-тёмные силы зла каждую минуту стремятся уничтожить наш мир, а семеро махатм им противостоят, посылая людям огненные мысли, несущие очищение. А те махатмы, которые в данный момент не на вахте, периодически садятся в круг и размышляют, как ещё помочь страдающему человечеству, погрязшему в пороках, то есть нам с тобой. Махатмы владеют универсальным учением, в котором описано строение мира и как жить, чтобы спастись. Все религии на Земле – отголоски единого учения, все пророки и боги – эти самые Семеро, рождающиеся каждую эпоху под новыми именами.

Я выложил из гальки круг, обозначающий общий сбор Владык Шамбалы, и начал рассказывать в лицах:

– Махатма Будда!

– Я!

– Люди погрязли во тьме бытовой магии. Твоя задача – дать им свет истины, рассказать о мощи Великой Пустоты!

– Я готов!

– Махатма Будда, на воплощение – пошёл!

Сквозь черноту холодных миров летит в горячее земное тело махатма Будда, чтобы научить людей важнейшей истине: их на самом деле нет. Будда приносит человечеству учение, которое становится древнейшей религией. Проходит время.

– Махатма Иисус!

– Я!

– Люди снова всё испортили. Вместо того, чтобы познать радость Нирваны, они поклоняются золотым статуям. Махатма Иисус, твоя задача – идти в мир и снова дать наше учение, показать невеждам отделение зёрен от плевел. Иисус, ты готов к воплощению в новом физическом теле?

– Готов!

– На воплощение – пошёл!

Надя убрала руку с моего плеча и прикоснулась к маленькому серебряному крестику на обнажённой груди.

– Вадик, не надо так про Иисуса. Я, конечно, большая грешница, но я верю в Бога, верю с детства, и меня задевает, когда о нём так говорят.

– Надя, я тоже верю в Бога, я уважаю его. Но когда мы начинаем бояться говорить о нём свободно, боимся размышлять и сомневаться – мы можем очень быстро стать фанатиками и пропасть. Я попробую объяснить, что Бог значит для меня. Когда я закончил девятый класс, к нашим соседям на каникулы приехала их племянница. Тоненькая девочка с голубыми глазами, тихая и улыбочивая. У нас во дворе стояла резная беседка, там мы познакомились и общались по вечерам. Однажды я взял из дома синий советский магнитофон, купив к нему дорогие батарейки, поставил недавно купленную кассету Элтона Джона «The One» и вышел к Оле. Да, все смеялись над моей любовью к музыке Элтона Джона, думали, что я гомик; даже парни, которые продавали мне кассету Euro Star в белом трейлере у танцплощадки «Ивушка»,

не удержались и хихикали. А Оля влюбилась в эту кассету. Запись была палёная, пиратская, без первой песни «Simple Life», и сразу начиналась с крика чаек. Мы с Олей брали магнитофон, она включала его сама и приставляла динамик к уху; вступали чайки, и девушка улыбалась. Мы шли к морю, Оля надевала в ржавой раздевалке сплошной синий купальник, мы подолгу плескались в тёплом море, прыгали с пирса, болтали. Потом шли под вечер во двор, Оля улыбалась мне, и ей не приходило в голову, что кто-то считает меня гомиком.

– Ты совсем бессовестный, начал о Боге, а рассказываешь мне о какой-то девчонке. Ты хочешь, чтоб я ей волосы повыдёргивала, когда она приедет?

– Не приедет. Оля умерла от рака много лет назад и лежит на севере в мёрзлой земле. У нас никогда не было ничего. Только долгий взгляд и этот крик чаек с кассеты. И единственный человек в мире, который помнит Олин взгляд, прогулки у моря с магнитофоном – это я. Но у меня есть надежда, что эти закатные летние дни в беседке сохранены, что их знает, хранит ещё один...

– Бог?

– Да. И что Оля, благодаря ему, живёт где-то в домике в параллельном мире, и ей хорошо. Вот, послушай. Это стихи моего учителя, Николая Ярко.

В янтаре сентября мы уже не состаримся.
Ни слова, ни листва там вовек не сгорят.

Всё на свете пройдёт, только мы и останемся.

В янтаре сентября.

В янтаре сентября.

Возвращается всё на круги невозвратные.

Все придут и уйдут. Отгорят. Отцарят.

Но останутся дни – нет! – часы незакатные.

В янтаре сентября.

В янтаре сентября.

Снова ночью заноют дожди безутешные.

Совершится – увы! – ежегодный обряд.

Всё на свете пройдёт, но останемся те же мы

В янтаре сентября.

В янтаре сентября.

Глухо вскрикнет беда, и пути затуманятся,

И растают надежды, и дверь затворят.

Но Господь нас спасёт. Мы навеки останемся

В янтаре сентября.

В янтаре сентября.

Надя дрожала. Я достал из палатки термос с чаем, налил в кружку, обнял девушку. Перед нами в море возвышалась чёрная скала с крестом на вершине, и в этот крест упирался Млечный Путь.

– Вадик, тогда мы должны жить так, как требует Бог. Чтобы попасть в тот домик в раю...

– Надя, я уверен, Бог устал от нашего вранья. От разбитых о пол храма колен, от жизни по уставу. Может, он и имя своё забыл, потому что этим именем люди прикрываются, когда делают гадости. Он хочет, чтоб мы были честными. Не отличниками, которые хранят в страхе целомудрие и исправляют ошибки в словах у случайных людей, а ночью глядят себя под одеялом. А хулиганями, дерзкими битлами, Бродскими. И он улыбается, когда кто-то вдруг поднимает знамя.

Между тем звёзды за скалой начали быстро пропадать, их как будто сжирала матовая чернота ночи, а потом мы увидели первую вспышку, за ней вторую. На нас шла гроза. Минут через пять мы начали различать далёкие раскаты грома. Парочки, сидевшие на гальке, спешно уходили с пляжа, остались только мы и шумная компания с ярким костром. Гроза на Яшмовом пляже – это плохо. Укрыться негде, а во время дождя и сильного ветра с высокого берега, нависшего над пляжем, срываются камни. Но уходить совершенно не хотелось.

– Вадик, все ушли. Ты не боишься грозы? Точно Бог на нас гневается.

– Надя, ничего страшного не случится. Даже если мы сейчас пойдём купаться, всё будет хорошо.

– Ну я же не дуручка. Ты разве не знаешь, как хорошо вода проводит ток? Рядом с нами в море ударит молния, и

мы мгновенно умрём.

– Вот у меня была тысяча ситуаций, когда я мог умереть. Но ведь жив! Я тебе сейчас историю расскажу.

– Давай историю. Но только не про махатм и педиков!

– Эта история приключилась, когда я был третьеклассником, коллекционировал бабочек и ходил в Межшкольный краеведческий музей – узнавать основы энтомологии. Марина Павловна, сотрудник музея, решила приобщить меня к туризму и позвала в поход с шестиклассниками на охотбазу «Красный камень». Я пошёл. Была ранняя весна. Темнело, мы шли по узкой лесной тропинке, а с неба срывался снег. И вот – «Красный камень»: холодные комнаты с двухъярусными кроватями, тусклая лампочка на потолке. Мы собрались в тёмной камерке с железной буржуйкой, где поселилась наша предводительница, и слушали, как она настраивает гитару. Вдруг Марина Павловна говорит: «Вадик, ты сегодня в своём первом походе и должен пройти испытание. Вот ведро, набери воды из колодца!» Я вышел в морозную ночь и подошёл к колодцу, который прежде видел только в кино. Крутить ручку оказалось очень непросто. Когда ведро поднялось, я едва удерживал ручку, упираясь левой рукой в бортик. «Так. Если я отпущу левую руку, то мне не удержать ворот. Поэтому я сейчас убираю правую руку и быстро перехватываю ведро!» Руконятка бьёт меня в висок, и лицо заливают кровью. «Неправильно поступил, – думаю, – надо было всё-таки перехватывать левой рукой. А ещё попробую набрать полвед-

ра!» Вытаскиваю ведро, ставлю на бортик. Наливаю воду, несу в комнату, из которой несётся: «Сладострастная отравка, золотая Брич-Мулла!» Песня обрывается, все смотрят на меня... Утром мы катались на картонках с горы – за ночь навалило снега. На третий день началась оттепель, я шёл по проталинам под синим небом и рвал для мамы подснежники, складывая их в картонную коробку. Помню, как браво прохожу вечером по аллейке от Центрального рынка в красных шароварах, за спиной – советский коричневый рюкзак, а на виске – непривычная корочка. Захожу в квартиру и с порога кричу: «Мама! Через неделю мы идём на Чёртову лестницу!» Но... В свой следующий поход с ночёвкой я пошёл только на третьем курсе университета. Я недавно побывал на Красном камне. Всё перестроили, но колодец совсем не изменился. И кажется: если дожждаться ночной россыпи звёзд, набрать воды и вернуться в каморку, я обязательно услышу: «Мы залезли в долги и купили арбу, запрягли ишака со звездюю во лбу...» Я увижу в полумраке Марину Павловну с гитарой и шестиклассников, жующих мои бутерброды с жареной курицей.

– Железной ручкой колодца по виску – это как Смерть своим подолом тебя задела. А ещё я помню историю, как вы с дядей собирали грибы и наткнулись на огромного дикого кабана. Мне начинает казаться, что у тебя девять жизней!

Надя уже не дрожала и спокойно наблюдала, как последние звёзды гаснут над чёрной скалой.

– И Бог любит тебя. Почему?

– Я должен что-то понять, очень важное. Найти какую-то маленькую шестерёнку, без которой мир не крутится, не печётся хлеб, без которой нет любви. Найти и всем рассказать!

– Вадик, обернись! Смотри вверх! На склоне!

Там, куда показывала Надя, происходило нечто странное. В лесу, на склоне горы, сверкали огни – яркие, белые, и они постоянно двигались, поэтому мы не смогли сосчитать их точное количество. Я предположил, что это люди с фонариками на лестнице, ведущей наверх, к монастырю. Внезапно огни замерли, а потом двинулись вниз по склону, один за другим.

– Вадик, мне страшно! С моря гроза, а от монастыря гуманоиды идут!

– Я думаю, это спасатели. Случилось что-то нехорошее.

Мы наспех натянули джинсы, закрыли палатку и пошли по гальке к спасательной станции. Огни тоже спускались, мерно раскачиваясь, миновали последнюю каменную лесенку и выстроились на покато бетонном спуске. Вдруг сверкнула молния, и мы увидели в руках мужчин носилки с человеком, с головой завёрнутым в тёмную ткань. Двое других спасателей держали под руки девушку в коротком сарафане, с расчёсанными волосами. Я вспомнил: час назад, когда только начиналась гроза, она уходила с пляжа с лысоватым мужчиной за руку, смеясь, а в другой руке несла бутылку шампанского. Следующая вспышка – я разглядел её лицо подробно:

тушь размазана, глаза закрыты, на руках – кровь. Процессия вышла на пляж, и тут я заметил катер, подошедший к берегу. Люди с фонарями быстрыми движениями погрузили на катер носилки, помогли подняться девушке, залезли сами и быстро отчалили, даже не посмотрев на нас.

– Надя, я всё понял, – я обнял девушку, стоявшую в оцепенении, – эти двое поднимались пьяными к монастырю, ты помнишь, какая там лестница крутая и без перил? Видимо, человек потерял равновесие, упал с высоты, разбил голову и умер. А спасатели забирают потерпевших по морю.

– Они решили убежать от грозы и... всё. Знаешь, а ты прав. Бояться глупо. Давай вернёмся к палатке. Ты напоишь меня вином и будешь любить крепко-крепко, а после этого мы пойдём купаться в грозу. Мы доверимся Богу и будем беспечными, как дети.

Мы, держась за руки, пошли по берегу. Вспышки молний становились реже, начался мелкий тёплый дождь. Я снял с Нади одежду и забросил в палатку, потом поцеловал в упругую грудь, в живот, опустился перед девушкой на колени. Когда мы заходили в море, вокруг всё уже кипело и клоко-тало, косые струи дождя били нам в спины, а мы смеялись, передавая друг другу бутылку с недопитым вином. Её пару раз накрыла волна, вино стало горьковатым и солёным. Мне вдруг представилось, как сквозь дождь идёт в Балаклаву лодка и на полу каюты лежит ещё не остывшее тело, а рядом дрожит от ужаса хрупкая девушка, для которой этой ночью

всё изменилось. Я с силой прижал Надю к себе и шепнул любимую цитату из повести братьев Стругацких: «Сказали мне, что эта дорога приведёт к океану смерти, и с полпути я повернул обратно. С тех пор всё тянутся предо мной кривые глухие окольные тропы...»

Когда мы проснулись, солнце уже стояло высоко. Над тихой водой парили белые облака, и только небольшое пятно крови на лестнице к монастырю напоминало о полуночной грозе, забравшей одну нелепую жизнь.

Я посадил Надю на автобус до симферопольского вокзала и поехал на квартиру, где жил мой брат-моряк. Скромная учительская зарплата была почти потрачена, оставалось решить, как прожить оставшиеся два месяца лета. Работать вожатым в этот раз не хотелось, я уже собирался стать торговцем солнцезащитными очками на центральном рынке, но тут из Симферополя позвонил мой друг Гриша, сказал, что есть место в фотомагазине Алушты, и дал телефон его владельца. Голос в трубке ответил с сильным акцентом: «Приезжай завтра». Я уложил одежду в спортивную сумку, прихватил десяток кассет и плеер, дал телеграмму Наде, пообещав заработать кучу денег и по возвращении снять номер на двоих в каком-нибудь приморском отеле.

В Алуште я занёс сумку Гене, которого знал по крымским рок-н-рольным вечеринкам, и отправился устраиваться на работу. Ахмет, владелец бизнеса, оказался суровым

мужчиной лет сорока пяти, с пристальным взглядом карих глаз. Мы пили крепкий кофе, невзирая на полуденную жару, под выгоревшим зонтиком «Чернігівське світле» у автовокзала. Услышав слово «фотомагазин», Ахмет улыбнулся и сказал, что магазин обязательно будет через год-два, а пока есть ларёк на набережной, продавец которого внезапно заболел и уехал. Условия работы крайне просты: я до вечера нахожу жильё в Алуште, утром прихожу на склад и получаю по накладной коробку с фототоварами, грузю товар на «казённую» кравчучку, самостоятельно везу к точке и продаю. Вечером сдаю выручку отцу Ахмета и делаю ему же заказ на те позиции товара, которые закончились. Хранить коробку с аксессуарами для фотографии в ларьке опасно, поэтому на ночь я грузю всё обратно на кравчучку и везу на своё съёмное жильё. В качестве гарантии, что я не смоюсь с товаром и деньгами, я должен буду отдать Ахмету свой паспорт.

– Ахмет, а если меня остановит милиция для проверки документов?

Крымский татарин повёл густыми бровями:

– Так ты же не в Симферополе. Здесь не проверяют. На ЮБК, чтоб ты знал, мы все без паспортов ходим. А те, кто пьют алкоголь, – Ахмет поморщился, – свободно с бутылкой по набережной гуляют. Юг же! Не бойся, через два месяца сдашь мне остатки товара по накладной – верну твой паспорт.

Я попрощался до утра с бизнесменом и отправился искать

комнату. Алушта, расположенная на холмах под амфитеатром Главной гряды крымских гор, сдавала самое дорогое жильё у моря, и чем дальше на холмы – тем жильё дешевле. На набережную я не пошёл, денег было в обрез. Бродил по району над автовокзалом, среди многоэтажек, окружённых ласково шелестящими платанами. После получаса поисков мне на глаза попало огромное объявление на воротах трёхэтажного дома: «Жильё недорого». Я позвонил. Ворота открыл седой улыбчивый мужчина лет шестидесяти, выслушал и пригласил в тенистый дворик, выложенный диким камнем.

– На два месяца, говоришь? У меня есть свободная комната с общим входом, могу её предложить. Соседок, думаю, не испугаешься, – и хихикнул.

Сергей Сергеевич повёл меня к деревянной двери первого этажа, которая оказалась оклеенной с внутренней стороны фотообоями с изображением котят, жестом пригласил внутрь, приложив палец к губам:

– Ты погляди, а поговорим потом, спят.

За дверью был тёмный узкий пяточок с одеждой на вешалках, на полу кучей валялась летняя обувь. В первой комнате спали в обнимку две девушки, укрывшись простынкой. Из комнаты был сквозной проход в следующую, свободную. Я оглядел аккуратно застеленную двуспальную кровать, облезлую тумбочку, старомодное зеркало, столик в углу. Мы вернулись во двор и уселись в белые пластиковые кресла с ручками.

– Туалет и душ на улице. Ключ дам. Подружек с улицы, извини, приводить не позволю.

– А девушки не будут против, что я буду жить рядом с ними?

– Ну я же вижу, что ты нормальный парень. Да и девчонки не промах, танцуют в стрип-баре, не стеснительные. Уверен, договоритесь, – подмигнул седой мужчина. – Заплатишь за месяц вперёд и отдашь мне свой паспорт до дня выселения.

Я рассмеялся:

– Документ у меня уже забирает хозяин точки, на которой я буду работать. Хотите – ксерокс паспорта дам. Но зачем он вам? Я же всё равно вперёд заплачу.

– Эх, Вадим, наивный ты человек. Всякое бывает. Ладно, давай ксерокс, – ответил седой мужчина устало.

К вечеру я вернулся с сумкой и заселился. С девчонками действительно никаких проблем не возникло, они оказались милыми и общительными. Саша, худенькая блондинка с короткой стрижкой, курила на крыльце и угостила меня ментоловой сигаретой. Голубоглазую Женю украшали веснушки. Я неожиданно представил последнее школьное лето Жени в скаутском лагере, у костра под соснами: простенький купальник, мокрые волосы, бутылочка Stella Artois в руке. Между кронами деревьев – огромные звёзды, про которые думаешь: «Я обязательно придумаю, как стать ближе к звёздам, я увижу эти невероятные миры. Всё обязательно будет». И то, что случилось потом: «А далі був лиш холод...» У Же-

ни на левой ноге был шрам от укуса крупной собаки.

Девушки немного рассказали о доме. У Сергеича обычно жили не отдыхающие, а приезжие работники сферы услуг, которых «дед» селил как попало – в смежные комнаты, во времянки. В прошлом году, когда совсем не было мест, он даже одну девушку поселил прямо под яблоней, вытащив в сад железную кровать. Сам Сергеич живёт на втором этаже с женой, а их доча – на застеклённом чердаке с просторным балконом, увитым плющом и диким виноградом, – в «пентхаусе». Дед души не чает в этой фифе, приезжающей каждое лето на каникулы, и ходит перед ней на цыпочках, приговаривая: «Моя доча в столице учится», имея в виду Симферополь. Как зовут дочку деда, девушки не знают, потому что она отмороженная и не здоровается с плёбсом. Я внимательно слушал девчонок, лёжа на кровати, застеленной плотным выгоревшим покрывалом, не без удовольствия наблюдая в зеркале на стене, как они одеваются. Потом достал чистую одежду и отправился в душ.

Первый рабочий день прошёл гладко – отдыхающие активно покупали фотоплёнку Kodak Color, альбомчики с пальмами на обложке и дешёвые камеры Skina. Мой ларёк оказался состоящим из двух секций: во второй помещалась точка по торговле пивом, орешками и сигаретами, также принадлежащая Ахмету, там работали молодые супруги – Олег и Ира. Мы быстро подружились. Теперь было кому приглядеть за моим товаром, когда я ненадолго уходил. Прав-

да, выходных не намечалось – работая с посторонним человеком, мне пришлось бы каждый раз пересчитывать товар по накладной, отдавая и возвращая ему коробку. Да и кому резон работать день-два в неделю? Пробыть в Алуште больше двух месяцев мне не позволяла школа, поэтому к отсутствию свободных дней я отнёсся философски. Однако на четвёртый день работы Ахмет сказал, что завтра на набережной собираются снимать кино, и у меня образовался неожиданный выходной.

Я проснулся в одиннадцать и пошёл в душ. Мои соседки спали в бесстыжих позах, отшвырнув покрывало в угол, к коврику с мишками на Севере. Пообщаться с ними никак не удалось – когда моя работа заканчивалась, они уже танцевали в ресторане; утром же, когда я уходил, спали как убитые. Душ вышел бодрящим – вода в баке ещё не успела прогреться солнечными лучами. Потом я сварил чашку крепкого кофе, распечатал плитку шоколада «Світоч», достал из кармана жёлтую пачку Camel и расположился под раскидистым абрикосом во дворе с плеером Casio и кассетой «Joshua Tree». Спелые палые абрикосы лежали на земле и пахли, листва шелестела под порывами ветра, врываясь в музыку, облака неслись над крышей дома. Я курил, откинувшись на спинку дешёвого кресла, следя за облаками. Потом отворилась дверь с котиками – и на пороге показалась Женя в белой растянутой футболке. Мы обнялись, я понял девушку без слов и пошёл к миниатюрной газовой плитке, стоявшей под навесом, что-

бы сварить ещё кофе.

– Женя, пойдём на пляж? – я принёс ей дымящуюся чашку и протянул шоколад.

– У меня купальника нет, – хихикнула девушка.

– Мы можем на дикий пляж сходить. Там можно купаться в чём угодно, хоть в твоей футболке.

– Вадик, я ходила недавно на местный нудик, под горой Кастель. Там ужасно! Идти к пляжу долго, он узкий, и там одни противные мужики с огромными залысинами и внушительными животами, никого красивого. Эти дяди всё время пялились, когда я заходила в море по скользким камням. Чуть не упала, поскользнувшись под их взглядами. Не ходи туда, прошу.

– Если ты так за меня переживаешь, идём вместе.

– Не-не, я пойду дальше дрыхнуть. Жарко! Мы с Сашей, как из ресторана уходим, ночью купаемся. Такое солнце, что днём лучше валяться в тени.

– Ну тогда приятных снов.

– Спасибо за кофе, он вышел очень вкусным, я теперь буду тебя каждый раз просить сварить его мне, и ты не сможешь отказаться!

Женя чмокнула меня в щёку, обдав приятным ароматом духов, отдала пустую чашку и пошла в комнату, на полпути повернулась, задорно улыбаясь:

– Вот правду говорю, пойдёшь сейчас на море – получишь солнечный удар! Приходи лучше к нам с Сашей валяться –

не стесняйся!

На следующий день у меня появилось двое странных знакомых. Сначала я пообщался с Хищником – совершенно лысым мужчиной лет пятидесяти, крепким и мускулистым. Он пользовался уважением всех бизнесменов на набережной, хотя работал обычным грузчиком – с ним учтиво здоровались за руку. Оказалось, что Хищник в прошлой жизни служил бойцом элитного подразделения, но получил травму в автокатастрофе и немного тронулся умом. Хищник мог поднимать без усталости огромный вес, мгновенно ставил на место всех забияк и приезжую гопоту. Когда грузчик заканчивал работу, ему приносили душистый татарский плов в тарелочке, тандырную самсу и дымящийся стаканчик с чаем. Мужчина приветливо наклонял голову и говорил громко: «Я – Хищник!», а потом принимался за еду.

Второй мужчина, Жора, купил пиво у Иры, а потом подошёл ко мне за фотоплёнкой, и мы разговорились. Двухметровый Жора носил джинсовые шорты, но майку не надевал, и отдыхающие с содроганием наблюдали его искусно выполненные татуировки, занимавшие всю грудь и спину. Там были изображены пауки, скорпионы и фантастические паукоподобные существа, пожиравшие обнажённых мужчин, женщин и детей, из изувеченных тел которых торчали разорванные внутренности. Но полненьких мамочек в розовых купальниках пугали не только рисунки – на всём теле Жоры были следы от крючьев. Разумеется, я понимал их происхож-

дение, но мне нравилось думать, что греховод полчаса назад сбежал из ада, растолкав чертей с баграми, отобрал у бродяги джинсовые шорты и лениво вышел из подворотни на набережную Алушты выкурить трубку с вишнёвым табаком и поговорить о галогенидах серебра. Подобные ему ребята мне иногда встречались – они слушали Venom и Cradle of Filth, сжигая в своих головах северные церкви средневековой постройки. Пальцы Жоры украшали перстни, на железной пряжке кожаного ремня красовалась массивная эмблема War Pig. Жорик опирался на трость с набалдашником в виде головы пуделя – именно так я и представлял эту вещь, когда читал свою любимую книгу. Довольный беседой, новый знакомый купил ещё две бутылки пива «Славутич», одну сразу протянул мне – возражения не принимались.

Как только на набережной зажгли огни, я погрузил коробки в кравчучку, попрощался с Иррой, которая заканчивала работу на три часа позже, и покатил тележку по улочке вверх. Шум веселящейся набережной скоро начал стихать, улочка пустела, и в густых сумерках я увидел перед собой освещённую луной гигантскую трапецию Чатыр-Дага. Ночь манила и завлекала, подстрекала сбросить тележку в канаву и уйти тропой по сосновым иголкам к водопаду Головкинского, на Узен-Баш, к Беседке ветров. Так, поднимая глаза к силуэту горы, я дошёл до ворот. Сергеич жарил во дворе шашлык и приветливо помахал рукой, фифа сидела рядом в кресле, уставившись в новенький розовый мобильник Siemens, и не

подняла голову. Я поставил чайник на плиту, потом залил «Мивину» кипятком, достал из холодильника принадлежавший мне кусок сыра и пошёл на крыльцо ужинать.

Проснулся глубокой ночью от поцелуев в шею и мгновенно понял, что Женя, придя с работы, забралась в мою постель. Немного полежал без движения, наслаждаясь поцелуями и прикосновениями, а потом повернулся и поцеловал девушку. Её губы и кожа оказались солёными, и я понял, что она опять купалась в ночном море. Тут же представил картину: искрящиеся огнями рестораны и гостиницы, шумная набережная, смеющиеся модники и изящные красотки. Из толпы гуляющих выходит девушка, спускается на гальку пляжа, которую с шумом ворочает волна, сбрасывает платье и заходит, обнажённая, в июльское море, и до неё никому нет дела, хотя полчаса назад она ловила десятки жадных взглядов, раздеваясь под софитом. Надевает платье на мокрое тело и идёт ко мне через ночной город, подставляя ветру лицо. И ничего не просит от меня, как ничего не просит у моря. В лунном свете, который сочился сквозь полосатую занавеску, Женя была видна вся, её тело блестело, как будто его намазали кремом или маслом. Я целовал, любовался и не мог налюбоваться. Наши ласки вдруг прервал обиженный голос:

– И как мне вас понимать, любовнички? Понимаю, что вам хорошо, а меня кто ласкать будет?

– Саша, мы думали, что ты спишь, – смеясь, ответил я.

– Иди к нам, моя милая, – прошептала Женя.

На следующий день Женя пришла в ларёк и принесла обед из McDonald's для двоих. Она знала, что я работаю «где-то на набережной», ходила и высматривала меня, но я всё равно увидел её первым. Девушке очень шло короткое тёмно-синее платье в белый горошек.

– Я помогу тебе торговать и сегодня сделаю кассу!

– Вижу, как на тебя все пялятся. Покупают что-то и даже не смотрят, что покупают, лишь бы из твоих рук. Уже начинаю немного ревновать.

– Эй, собственник! Если будешь ревновать, я пойду сейчас на дикий пляж загорать голой, и все толстые нудисты будут смотреть на мою упругую попку, – ответила Женя игриво.

– Ты про них постоянно вспоминаешь, – ласково парировал я, – запали тебе в душу. Будешь меня злить – пойду после работы знакомиться с кем-нибудь, с полной кравчучкой у меня есть все шансы.

Мы долго целовались, а потом Женя ушла отсыпаться. Вечером, за час до закрытия, Ира позвала меня:

– Вадик, мне нужно отлучиться. Олег вот-вот подойдёт, а я через полчаса вернусь, присмотришь за точкой?

Я кивнул. Но Ира не вернулась, Олег не пришёл. Когда зашёл Ахмет, я сказал ему. Шеф проверил кассу – пустая. Не было бутылок с импортным пивом и дорогих снеков. И тут возник Жора.

– Вадик, а где эта прошмандовка из киоска? Пивка бы мне купить.

– Молодой человек, ларёк закрыт, – ответил сухо Ахмет, – купите в другом месте.

– Понял. Может, вам нужна моя помощь?

Ахмет оценивал татуировки.

– Пожалуй, нужна. Свинтили, шайтаны. Я в милицию пойду, а товар в ларьке утром считать будем, с папой. Вадик, побудешь тут со своим приятелем до утра? Нужно киоск постеречь. Завтра выходной тебе дам, чтоб отоспался.

Я был не против, слово «выходной» меня взбодрило – я сразу подумал о Жене.

– Говно вопрос, – кивнул Жора.

– Молодцы, пацаны, по пивку возьмите, сейчас я иранскую шаурму вам куплю. Рано утром вернусь.

Жорик забрался в киоск и мгновенно открыл пиво о дверной косяк, потом схватил вторую бутылку. Я ему не препятствовал – товары были хорошенько разграблены супругами-воришками, и даже если б мы выпили ящик пива, он был не в счёт. Собрал в коробку свои плёнки и альбомы, потом мы уселись на асфальт, ещё горячий после жаркого дня, закурили. Пришли кореша Жоры – татуированные, но без следов крючьев, наглые. Когда начало светать, я услышал сквозь дрему свист и хамовитые выкрики:

– Красотка, ты заблудилась? Хочешь ко мне на колени?

– Да пошёл ты, придурок. Что тут за шабаш?

Я вскочил, услышав знакомый голос. Передо мной рассказывались три тёмные фигуры, а за ними, на аллее, стояла Женя, воинственно зажав сумочку в кулаке. Я выбежал к девушке, обнял её и начал рассказывать. Друзья Жорика приоткрылись, отвернулись, вновь присели на асфальт у киоска.

– Подумала, что ты и правда приревновал, сидишь у моря, грустный, с бутылкой вина, – устало сказала девушка. – А тут, оказывается, ложь, коварство, предательство.

Я рассмеялся:

– Моя хорошая, ну жулики приморские, бывает. Зато завтра у нас целый день. Приду через пару часов, а ты спишь в моей постели без ничего. Обниму тебя, и мы уснём до обеда, а потом пойдём гулять. В следующую ночь ты опять заберёшься ко мне под одеяло и разбудишь ласками, и наше лето не закончится.

– Ведь лето – это маленькая жизнь, – заулыбалась Женя, поцеловала меня и ушла.

Я открыл новую бутылку из холодильника и уселся на асфальте.

Мы сидим в кафе на набережной, слушая шторм. Заведение небольшое, на три столика, но с собственной фишкой – когда вечерет, официант приносит и ставит на стол миниатюрную свечу в стеклянной вазочке. На Жене серое платье и крупные серебряные серёжки ручной работы. Неподалёку играет уличная группа из пяти человек – качественно, звуч-

но, без лажи. Говорю об этом Жене, она смеётся.

– Сразу понятно, что у тебя по английскому двойка! Ну послушай же, что он поёт:

I want my MTV,
Money for nothing, chicks for free.

А дальше полная ахиня, набор слов!

– Ты права, я с английским не очень дружу, – я почувствовал, что краснею. – Мы с ребятами вообще-то тоже думали этим летом на набережной поиграть, но барабанщик уехал в Киев и там женился, а вдвоём не то.

– Я ещё не слышала твоих песен, но уверена, что они прекрасные. Если, конечно, ты не пишешь на английском, – сказала Женья и больно ущипнула меня за ногу под столом. – Вот как ты мог приехать ко мне без гитары? Когда ты сочинишь колыбельную для меня?

Я гладил её коленки. Музыканты заиграли хит Боба Марли, толпа оживилась, вокруг группы начались какие-то странные танцы.

– Опять чушь собачья! Ну я не могу! Они только припев выучили. Ты когда-нибудь думал, о чём эта песня?

– Ну тут и дурак поймёт: «Нет женщины – нет слёз»

Женья округлила глаза:

– Вадик, ты меня иногда поражаешь. Вообще-то «Не плачь, сестра, не плачь».

– Вот прямо больно сделала.

– Задела, да?

– Да брось. Я думал, песня душевная.

– То есть, я могу сделать вывод, что без женщины тебе лучше?

Она игриво начала собирать вещи в сумочку.

– Верно, лучше. Без моей бывшей девушки, Нади. Да, я к ней больше не вернусь. А с тобой мне так хорошо.

Женя взяла мои ладони в свои и начала целовать. Потом мы вышли из кафе и, держась за руки, пошли вверх по улице. Шторм усиливался, начался дождь, деревья гнулись от порывов ветра. Прохожие бежали по домам, прикрываясь пакетами и сумками, и скоро улицы опустели. Мы зашли в тёмный парк с туями и кипарисами, с которых на нас стекали струйки воды. Платье Жени совсем промокло и превратилось из строгого в откровенное.

– Я не буду ждать, пока мы придём домой. Буду любить тебя прямо здесь.

Девушка не ответила, вздрогнула, прижалась ко мне и начала гладить по прилипшей к спине рубашке.

В ту ночь я простыл. Жора, явившись наутро с дежурным пивом, оценил мой охрипший голос, молча ушёл и вернулся со шкаликом медовой перцовки Nemiroff. Над морем висели тяжёлые тучи, накрапывал мелкий дождь, отдыхающие проходили мимо в цветных пайтах и дождевиках.

– Волшебную девочку ты встретил, – заговорил мой зна-

комый задумчиво, наливая водку в стаканчики, и я подумал, что ещё ни разу не слышал от него подобных мягких слов.

– Ты прав. С ней так легко дышится. Мне остался всего год, чтобы отработать диплом в школе, а потом я заберу её в Севастополь. Завтра ей всё и скажу.

– Я пью за вас, а потом уйду. Потому что под такой разговор напою тебя в хлам, а тебе ещё весь день работать, а потом кравчучку в гору тянуть, – громко засмеялся Жорик и залпом допил перцовку.

Вечером в дверях дома я столкнулся с женой Сергеича, которая выносила постельное бельё.

– О, вы свежую постель принесли, это очень приятно, спасибо, – улыбнулся я.

– Так у тебя и так свежая, трёх недель не спал на ней, – хмуро ответила она. – Это бельё твоих соседок-танцовщиц, которые сегодня съехали.

Я молча зашёл в пустую комнату и присел на кровать. Потом, не раздеваясь, лёг. Вспомнил, что в сумке была бутылка коньяка «Коктебель», достал её, налил в железную кружку. Выпил. Снова лёг, положив руку под подушку, и почувствовал пальцем бумагу. Женя оставила мне письмо. Белый лист, аккуратно сложенный пополам.

«Здравствуй, любимый. Прости, что уезжаю не попрощавшись. Я вчера не смогла тебе сказать. Автобус уходит в двенадцать, а вечером у нас билеты на киевский поезд. Мы с Сашей собирались ехать ещё неделю назад, но я всё тянула.

Знаю, что ты любишь правду, и скажу, как есть. Эта поездка на юг была прощальной, мы не планировали заработать, просто хотели провести время так, как в прежние годы – жить в дешёвых комнатах, пить крымское вино, танцевать в ресторане, купаться ночью голыми.

Я выхожу замуж за канадца. Уже всё готово, через две недели я улетаю. Если бы я знала заранее, что встречу тебя, всё сложилось бы иначе. Я была уверена, что здесь меня ничего не держит, хотела просто ещё раз побывать у моря, и вдруг – наша любовь. Но ломать планы я не могу. Всё готово к свадьбе, моя мама так ждёт её. Я забираю мамочку в Канаду, для неё куплен отдельный дом. Полечу через океан на самолёте, увижу другие города, иных, незнакомых людей и, возможно, полюблю их. А у тебя всё будет. У меня есть одна примета – если я бросаю мужчину, у него сразу всё становится замечательно. Но мне так легко дышалось с тобой. Я тебя очень люблю. Женя».

Наутро я пошёл к Ахмету увольняться – мне больше нечего было делать в Алуште, я не хотел спать ещё одну ночь в пустой комнате. Ахмет посмотрел на меня с прищуром:

– Любовь?

– Да.

– У тебя есть ещё что-то?

– Горы. Осенний костёр. Ученики. Гитара.

– Немало. У тебя всё наладится. Давай-ка товар считать.

Через час я уже шагал по аллее к автобусу. Я не стал

прощаться с Жорой и попросил Ахмета при встрече сказать ему, что мы с Женей сняли кассу и уехали в неизвестном направлении. И хрипло добавить: «Свинтили, шайтаны!» Пусть Жорик думает, что в его мире, кроме чертей с баграми и пауков, пожирающих людей, есть и счастливые влюблённые. Ведь он уже начал верить.

Глава 4. Космический зов доцента Уриновой

Когда я вспоминаю себя пятнадцатилетним, всегда задаю себе один и тот же вопрос: как сумасшедшая рассеянная пенсионерка завладела моим сознанием? Ведь я успешно занимался фотографией, неплохо шутил, заглядывался на девочку. Но всё-таки глубоко в душе уже был подготовлен к встрече с безумием – и слишком ранними поисками Бога, и грёзами о бесплотном, и трепетом перед монотонным голосом восточного гуру с радио «Маяк».

Мой 10 «А» являлся экспериментальным классом с углублённым изучением русского языка и литературы. СССР три года как развалился, и вместе с государством разрушилась традиционная советская система образования – в школах возникали профильные классы, внедрялись различные новомодные методики преподавания, тестировались спецкурсы. Поэтому никто из моих одноклассников не удивился обязательному курсу «Этика жизни», который появился в школьной программе в начале ноября девяносто четвёртого года, почти сразу после неудачного контакта фотографов-любителей с духами Херсонеса.

Предмет вела по четвергам шестидесятилетняя доцент

Уринова, которая пообещала нам подробный рассказ об основных философских системах и религиях, существующих на Земле, но совершила подмену методического плана учением Агни-йоги, якобы полученном Еленой Рерих из Шамбалы по ментальным каналам связи. Спецкурс стал обязательным, но не являлся уроком, поэтому отовсюду доносились шёпот, возня и хихиканье. Никто из моих одноклассников не воспринял всерьёз слова доцента о предыдущем воплощении Елены Рерих под именем Жанны д'Арк, не говоря уже о заявлении, что строка Пушкина «жили-были старик со старухой у самого синего моря» несёт в себе великий оккультный смысл. Про нелегкую космическую судьбу пушкинских пенсионеров из «Сказки о рыбаке и рыбке» расскажу подробнее. На языке Агни-йоги старик – это «сто-рик», символ бесконечного времени: сто (в значении «много лет») + год («рік» с украинского языка). Старуха – никакая не пожилая женщина, а «сто-рух-а», то есть бесконечное движение: сто + движение («рух» с украинского). Ну а синее море – это сам океан Абсолюта. В итоге, вся фраза – символическое описание мироздания до начала бытия, в спячке. Выходит, сказка Пушкина – хранилище эзотерической истины! Любой филолог разнёс бы в щепы эту смехотворный семантический подлог, но, независимо от приведённых аргументов, тут же стал бы для Уриновой «врагом Света».

Мои одноклассники смеялись, а я купил билет в Индию духа. Почему? На улице стояли бандитские девяностые, по

улицам Севастополя разгуливали наголо бритые ребята в малиновых пиджаках, с бультерьерами на поводках, и над ними никто не подшучивал. На Большой Морской находился магазин Ratt's Houll, набитый недоступной техникой Akai, и всё, что ты мог себе позволить, – это записать раз в месяц в этом подвале альбом The Beatles на кассету. Твоя одежда для школы – старый папин свитер с пришитыми на локти кожаными заплатками. Что выберешь: серую, бедную жизнь или лестницу в небо? Ты задумываешься о том, чему посвятить себя в жизни, и вдруг слышишь, что двери в невидимый мир – открыты. Что есть практики, которые развивают сверхспособности, и можно увидеть иные миры, не выходя из дома. Уринова рассказывала про Шамбалу, в которой живут Владыки Света, спасающие Землю от Князя Тьмы и его пособников. Самый светлый из Владык, самый близкий нашему сознанию – Мория, потому что когда-то он принял образ Христа, придя в нём на Землю. Рассказывала про полёты в астральном теле, про утончение чувств и общение с Миром Огненным. А на шестое занятие, когда я увлекся романтикой астральных миров, рассказала про силу мысли. Оказалось, что согласно учению Агни-Йоги, мы не являемся полноценными хозяевами своих мыслей. Да, наш мозг вырабатывает самую грубую форму мысли, когда мы размышляем, но по-настоящему ценные мысли и образы приходят из пространства. И если ты думаешь о возвышенном, божественном – притягиваешь энергии света; если помышляешь о низких страстях,

вожделениях, задумываешь обман или злой поступок – притягиваешь тьму. Самое неприятное в этом процессе, что все эти мысли – и возникшие в твоей голове, и «притянутые» – могут тут же влиять на других людей. Вот стоит человек на крыше и думает: прыгнуть вниз и умереть или не прыгать? А тут, откуда ни возьмись, пролетает рядом с ним твоя случайная мысль про самоубийство! Несчастный притянул её, весы внутри его души дрогнули, и вот уже на асфальте мёртвое тело, кровь и мозги, а ты – невольный соучастник убийства, и Владыки Кармы уже пишут этот эпизод в твою скрижаль перевоплощений! Поэтому думать о плохом – запрещено! Злиться – запрещено! Самая ничтожная, мимолётная мысль может вызвать гром в духовных мирах, отправить тебя на перевоплощение к крокодилам. Неофиты, контролируйте мышление!

Очень эффектно звучало и имело серьёзные последствия – если принять хотя бы один этот тезис про мышление за аксиому и жить по нему. Ведь такой подход полностью уничтожает критическое мышление – как же можно спорить с заявлением, утверждением, теорией, если ты не будешь думать о них? Ошибочные мысли рассеиваются логическим рассуждением и цепочкой доказательств, а не изгнанием из головы. К тому же, человеческая психика устроена так: если я пытаюсь не думать о каком-то предмете, он начинает возникать в моём сознании в виде навязчивой мысли. Но если внушить человеку, что мысли рождены не в его голове, а притянуты из

каких-то духовных сфер, что навязчивые мысли – это «голо-са» и взаимодействие с ними может привести к возникновению чёрной кармы, болезням и страданиям близких людей, то можно тотально поработить его сознание. Больше всего на свете я боялся сделать кому-то плохо, и зёрна тёмной оккультной романтики упали в подготовленную почву.

Когда я примерил услышанную теорию на себя, то пришёл в смятение. Чем больше я пытался не думать о зле, убийствах, лжи, тем сильнее мысли о тёмных делах лезли мне в голову. А поздней ночью, когда я уже лежал в постели и пытался заснуть, в голове сверкнула короткая фраза: «Владыка Мория – гей».

– Нет, нет, стоп! Я не хочу так думать про Владыку Шамбалы! Это не моя мысль! Она порождает чёрную карму, уничтожает мою душу, я не хочу притягивать подобные мысли!

– Мория – гей! Мория – гей! Мория – гей!

Я был в ужасе. В моей голове возник посторонний голос и с наслаждением измывался над именем, которое я уважал, бесконечно любил и не хотел оскорбить. Ждать до четверга – нет, невыносимо, и на следующий день, утром воскресенья, я позвонил Уриновой и попросил поговорить со мной. Доцент жила в том же дворе, где находился магазин Ratt's Houl – в маленькой квартире на третьем этаже, окна которой были увиты лозой дикого винограда. Я выпил чашку невкусного чая, в котором плавали чайинки, собрался с духом и начал исповедь.

– Елена Петровна, со мной начали происходить странные вещи. Как только я увлёкся книгами, которые вы мне дали: первым томом «Агни-йоги» и «Космическими легендами Востока», – в моей голове начали возникать мысли, которые я не хочу думать, чёрные, страшные. Про Владыку Шамбалы, семью Рерихов, про христианских святых. Эти мысли – как бегущая строка в поле зрения Терминатора Т-800, их не прогнать, от них не избавиться! Что я делаю не так? Не хочу, чтоб эта гадость была в моей голове!

– Вадик, – ласково заговорила Уринова, – так и должно быть. Пока ты находился в спячке повседневной жизни, твои мысли были спокойны, они незаметно ткали карму, формировали события будущего. Но как только ты встал на Путь Света, начал читать Учение, то проснулся и стал видим в духовных мирах. И ангелы, и бесы начинают тянуться к тебе, пытаясь повлиять на выбор, поманить за собой. То, что ты слышишь, рождено не в твоей голове, это бесы, лярвы и прочие тёмные сущности шепчут. Если хочешь, чтоб они замолчали, – прекрати читать Учение и живи как обыватель, всё уляжется со временем, бесы потеряют к тебе интерес. Если же выберешь путь вперёд, по минному полю духовных миров, если решишь присоединиться к Архатам – привыкни к тому, что вся эта свора астральных шакалов будет выть из грязных канав по обочинам твоего Алмазного пути. Но шепчут не только бесы. Учись распознавать голоса ангелов.

Уринова внезапно посмотрела куда-то вверх, потом резко

оглянулась на пустую стену:

– Я сама уже много лет слышу голоса, привыкла. Дам тебе совет, как поступить. Если к тебе приходит какая-то неприятная мысль, старайся обозначить её в мозгу, но не думать о ней, держи на периферии сознания, и на хвост этой гадкой мысли ставь печать: «Непригодно!» Так она не сможет повлиять на твою карму. Дай-ка я тебя проверю. Это моё обручальное кольцо, напитанное мощными энергиями экстаза, выработанными когда-то с моим мужем, ныне покойным. Я сейчас подвешу кольцо на верёвочку и буду держать над твоей головой. Через некоторое время кольцо начнёт крутиться, влекомое энергией, исходящей из чары в твоей голове, Сахарары. Если оно закрутится по часовой стрелке – ты идёшь по пути Света. Если против – то во Тьму.

Уринова усадила меня в старое кресло, от которого несло кошачьей мочой, встала сзади, попросила закрыть глаза и начала колдовать с кольцом. Минут через пять был вынесен вердикт: я не шёл, а кубарем летел во тьму, прямо в пасть Люциферу или одному из его рогатых корешей, потому что кольцо бешено крутилось против часовой стрелки.

– Вадик, тебе не стоит бояться, ведь всё в конечном счёте определяет наш выбор. Чтобы изменить направление кольца и вернуться на Путь Света, тебе нужно сделать что-то необычное, что выведет душу из оцепенения. Ты можешь сходить, например, в церковь – учение Агни-Йоги такой поступок не порицает, ведь все религии даны из одного источ-

ника. Просто выбери древний храм – бесы боятся многолетних молитвенных наслоений, сгустков позитивных эманаций, которых нет в новых церквях. А ещё лучше – купи трёхтомник «Агни-йоги» и читай, читай, напитывайся токами Эпохи Огня. Если ты совладаешь с собой, отбросишь сомнения, отсецёшь сладкие голоса сирен похоти, тревогодия, жажды любых плотских наслаждений и захочешь стать ближе к Шамбале – приходи в моё эзотерическое общество «Сообразительный». В нём я и мои ученики не ограничены рамками школьной программы и светского этикета, мы в полный рост двигаемся к Богу. Уверяю тебя, мы найдём решение всех твоих проблем.

Я вышел из квартиры доцента совершенно раздавленным. Поговорить мне больше было не с кем – с одноклассниками и одноклассницами я не дружил, не мог влиться в их восхитительный подростковый флирт, а новый спецкурс они открыто презирали. На фотокружке же после истории с Белым монахом любое упоминание о чём-то эзотерическом, эфемерном также вызывало хохот. Я смеялся бы в голос вместе с ними, увидев себя со стороны в обоссанном котами кресле, с золотым кольцом на верёвочке над головой – если бы не испугался до смерти, что моя мысль может кого-нибудь убить.

Очнувшись, я понял, что стою с потерянным видом посреди Большой Морской под мелким декабрьским дождиком. Часы показывали одиннадцать. Я решил не откладывать и сходить в церковь.

Церквей в Севастополе много, и почти все – старинные. Самый популярный собор – Покровский на Большой Морской. В советское время он так мозолил глаза большевикам, что было решено покончить со зданием и взорвать его. Заряд заложили под восточную стену, но, когда прогремел взрыв, собор устоял, разрушилась лишь небольшая пристройка. Более мощный заряд запретили использовать минёры – пострадали бы соседние дома. Большевики сплюнули сквозь зубы и переделали собор в архив: если ты такой крепкий, сохраняй наши документы! Я с уважением относился к этому белокаменному красавцу, но внутри этого храма мне всегда было неуютно, зябко, и ноги понесли меня дальше, на Городской холм.

Брусчатка улицы Суворова выводила прямиком к собору святого Владимира, но я по пути подошёл к Петропавловской церкви. Точнее, я стоял перед Домом культуры, но знал, что на самом деле это здание – собор с древней и богатой историей, построенный по заказу адмирала Лазарева. Архитектура собора выполнена в стиле афинских храмов с белой колоннадой. Если бы здесь проходили богослужения, я бы обязательно пришёл – душа этого храма имела норов косматый и разрушительный, несмотря на белоснежный облик. Ещё год назад перед Петропавловской церковью стоял обветшалый памятник Максиму Горькому: без головы, но с шляпой в руке. Устрашающий булгаковский сюжет недавно

убрали, но я хорошо помнил безголовый ужас в скверике и не сомневался: голову статуе советского писателя снёс дух собора.

Наконец, я подошёл к храму св. Владимира, который выглядел бывалым ветераном – его стены были изрешечены пулями и осколками времён войны. Здесь, у тёмных колонн, за тяжёлой дверью, обитой железом, ко мне всегда приходило спокойствие. Богослужение недавно закончилось, но у алтаря стоял священник и беседовал с прихожанкой. Когда женщина отошла в сторону, я приблизился к священнику:

– Отче, я могу поговорить с вами? Со мной происходят нехорошие вещи.

– Юноша, в такой ситуации нужно выдержать пост, покаяться и исповедаться, сразу станет легче.

– Отче, я слышу голоса в своей голове, и они проклинаяют Бога, святых. Что мне делать, я очень боюсь.

Священник странно посмотрел на меня, перекрестил и сказал тихо:

– Я ответил тебе, что надо делать. Молись.

Он пересёк большими шагами зал храма и вышел на улицу. Из углов тянуло сыростью, свечи потрескивали и гасли на сквозняке. Я постоял немного и вышел вслед за священником.

На следующий день наш классный руководитель объявила, что завтра в рамках изучения курса русской литерату-

ры девятнадцатого века в кинотеатре «Дружба» нам покажут две серии кинофильма Сергея Бондарчука «Война и мир», а следующие две серии – в среду. А я вдруг подумал, что «Дружба» – бывший католический костёл. Может, в этом здании есть необходимые мне эманации?

Кинозал заполнили десятиклассники. Звук батальных сцен стал почти неслышным – в зале стоял хохот, крик, лай, вой. С верхних рядов под сиденьями пускали вниз стеклянные бутылки, в воздухе проносились бумажные самолётики и жевательные резинки, скатанные в шарики. Когда повествование дошло до воспоминания князя Андрея о купании солдат в реке и мужчины на экране разделись догола, группа школьников слева от меня начала скандировать хором: «Педик, вспоминает! Педик, вспоминает!». Я не мог больше сидеть в зале, чувствуя себя изгоем, и кое-как выбрался из зала, пробежав мимо бледных билетёрш. Как будто обычный мир, в котором я как-то существовал до этого времени, выдавливал меня из своих привычных тёплых дней навстречу гималайским ландшафтам, по которым, не касаясь ступнями ледников, разгуливали махатмы с бездонными глазами.

Утром субботы я проснулся в неожиданно прекрасном расположении духа. Солнечный луч, пройдя через занавеску, ласкал собрание сочинений Грина на книжной полке, потом соскользнул на стопку аудиокассет. Подойдя к окну, я глянул на утреннюю бухту и с удивлением подумал:

– Чёрт возьми, все гадкие мысли пропали, моя голова –

чистая.

И, словно в ответ на мою радость, я услышал откуда-то сверху хохот:

– Мория – затраханый гей!

Я задохнулся и сел на кровать. Уринова рассказывала, что оккультное общество «Сообразительный» собирается по воскресеньям в библиотеке недалеко от Детского городка. Я должен пойти туда завтра, иначе сойду с ума.

На следующее утро я уже уверенно шёл по ухоженной улочке между двухэтажных домиков, разыскивая детскую библиотеку. Было по-декабрьски тепло, под бордюрами растянулись толстые коты. На лоджии одного из двухэтажных домов я краем глаза заметил девушку и оторопел: она была совершенно голой. Ничуть не стесняясь, красавица развешивала внутри лоджии разноцветные трусики, стоя ко мне спиной. Мне захотелось прыгнуть в кусты и не дыша рассматривать круглую загорелую попку. Но, как пьяный, я сделал шаг вперёд, потом ещё один шаг: «Вадик, ты же знаешь – это дракон порога. Он отвлекает тебя, чтобы ты не сделал шаг к духовному, к высокому. Шамбала зовёт».

И с этой мыслью, очутившись вдруг на пороге библиотеки, я с силой толкнул дверь.

Глава 5. «Заповедник ангелов»

Мы с Гришей стоим на балконе симферопольской хрущёвки и курим. Начались февральские окна: ночью выпал снег, а в одиннадцать утра он уже тает, с крыши течёт, с хрустом падают сосульки. Выглядываешь из окна, подставляешь щёки солнечному свету – ласковому, уже совсем весеннему, получаешь порцию капель за ворот джинсовой рубашки, ёжишься. Крымский февраль всегда врёт, нащёптывая про скорую весну: настоящие холода всегда приходят в марте, с метелями, десятиградусными морозами, ледяной крошкой в лицо, и цветущие абрикосы стоят, припорошённые снегом.

Моему другу двадцать два, он улыбчивый, увлекающийся и очень надёжный. Мы живём в одной квартире с сентября и каждый день репетируем песни, чтобы к лету наконец-то выступить в каком-нибудь рок-н-рольном пабе: у нас дуэт на две гитары. Гриша только что приехал с автовокзала, он встречал передачу – клетчатую сумку с продуктами. Там солёная красная рыба, окорочка, оливье, сыр, копчёная колбаса. Гришин дядя присылает сокровища с Херсонщины раз в месяц, и у нас наступает пир. Но мой друг невесел. Он выбрасывает бычок за окно и сразу прикуривает новую сигарету, вертит в руках студенческий билет в коричневой обложке. Я знаю, что под этой обложкой – чёрно-белый снимок То-

ни из Киева, она подарила корочку Грише, закончив университет. Удивительная девушка с добрыми карими глазами. Я случайно познакомил своего друга с Тоней прошлой зимой.

– Вадик, я должен с ней поговорить. Каждый раз, когда я начинаю, она улыбается и уводит разговор в сторону. Но нужно всё сказать, этой зимой. Я не могу ждать, сорвусь в Киев на несколько дней. И, если она откажет, досрочно сдам экзамены и улечу куда-нибудь. Например, в Сан-Франциско. Сейчас работает программа для студентов, Work and Travel. Возьму с собой только плеер с кассетой U2 и акустическую гитару. Буду петь до полуночи в клубах русские песни – Юрины, Витины, Борины и твои! А потом – пропивать полученные деньги, выходить с бокалом виски на залитую огнями улицу, вспоминать заснеженный Подол и её... Какой ты дурак, Вадик. Как ты мог бросить лучшую девушку в мире? Проморгал ты своё счастье.

– Эй, мы договорились.

– Ладно. Понимаешь, она одна такая. Тихая, красивая. Умница. Но самое главное – может пойти с любимым до конца, отправиться хоть в Сибирь или на Северный полюс, она будет верной. Не закричит, не станет истерить и ревновать, лишь улыбнётся – и ты ей принадлежишь навсегда, не захочешь сделать больно или изменить. Такая девушка встречается раз в жизни.

– Гриша, понимаю. Часто вспоминаю Тоню, её взгляд, голос. Как она брала меня за руку. Наши дни у летнего моря.

Но я очень глупо поступил с ней, и уже ничего не исправить. Это как пытаться собрать из осколков разбитую вазу: склеить получится и цветы можно будет поставить, а всё равно не то. Поговори с Тоней, я вам не помешаю. И, ты же знаешь, мне очень нравится Даша.

– Вадик, Даша – девушка-рысь. Я помню её глаза – этой красотке нужна опасность, адреналин. Она ещё учится в твоей школе?

– В этом году заканчивает.

– А с Надей твёрдо решил порвать? Мне кажется, она тебя до сих пор любит. Недавно спрашивала о тебе, когда мы случайно встретились на улице.

– Да уже полгода прошло, как я её бросил. Мне приятно вспоминать Надю, её ласки, но она слишком уж ревнивая.

– Ну как знаешь. Такая чувственная, нежная девушка. Я был рад за вас, – Гриша бросил очередной бычок в снег, мы вернулись на кухню, залитую ярким солнечным светом. Нарезали балык и сыр, я достал из холодильника две бутылки пива «Славутич».

– Ты говорил, у вас с Тоней не было ничего серьёзного? – снова заговорил Гриша, закуривая прямо на кухне.

– Я не мог поступить как подлец. Если ты начинаешь отношения с такой девушкой, надо уже не расставаться никогда. Она ведь до меня даже не целовалась ни с кем.

– Всё бросил бы и уехал с ней.

– Я не мог.

– Ну и дурак!

– Ты как будто хочешь меня переубедить и свести нас
ВНОВЬ.

– Да нет, всё будет как обычно. Ты будешь страдать от своей любви к Даше и писать новые песни, а я поеду в Америку, зализывать раны. И, может, быть, когда-нибудь из этих мучений получится музыка, которая тронет людей. Музыканты не могут быть счастливы. Нам – пыльная дорога, крепкий алкоголь, ночная сигарета и воспоминания о прошедшей любви.

Гриша допил пиво и стал обуваться в прихожей:

– Вадик, давай я твоё ржавое ружьё продам? А то валяется
с весны на лоджии без дела. Деньги – пропьём!

– Да жалко мне его продавать, раритет. На днях почищу
от ржавчины. И я же лешего жду в гости, ты забыл?

– Ага, так я и поверил, почишишь. Будешь таскать в целлофане с квартиры на квартиру. А леший тебя уже нашёл, только в зеркало погляди на свои волосы и бороду. Мне вот интересно, какое погоняло тебе детишки в школе дали, – хихикнул Гриша и ушёл бродить по городу.

Я прилёг на старую скрипящую тахту на кухне, поставил на пол пепельницу, положил рядом сигареты. Вспоминал ноябрьский поход с ребятами на Беседку ветров, которая находится на краю Гурзуфской яйлы, над посёлком Гурзуф. Мы решили подняться на яйлу с севера, из Бахчисарайского района. Ночью, тайком от охраны, пробежали по дамбе Счаст-

ливенского водохранилища, в водах которого отражались крупные осенние звёзды, мимо бетонных оснований старых фонарей, похожих на буддийские ступы, мимо ржавой колючей проволоки. Пересекли едва заметные речки Манаготра и Стиля. Наутро брели без тропы по буковому лесу, заваленному ржавой огненной листвой, поднялись на склон Кемаль-Эгерек. И каждую секунду Даша была со мной. Нет, в это время она спокойно дремала на своём диванчике, расчёсывала волосы, выходила на прогулку, но всё равно шла рядом незримо. Я знал, что вернусь из похода и Даша заглянет в мой кабинет под каким-нибудь предлогом. Тогда я всё расскажу: про столетние буки, про холодную красоту звёздного неба в горах, а она будет смеяться и нежно смотреть на меня. Девушка-рысь. Я шёл по листве с чувством: обернусь – а она за моей спиной. В сумерках мы вышли на вершину и увидели километрах в двух Беседку ветров на краю обрыва. Яйла погружалась в ночь, и только каменная белая беседка отражала последний солнечный свет, была похожа на маяк. Её построили в заповеднике для Хрущёва, но генсек так и не приехал. Мы сильно рисковали, придя с палаткой в самое сердце заповедника, но попасть сюда официально не могли, поэтому приходилось нарушать. Через час мы стояли под сводами беседки на цветной мозаике, изображающей розу ветров. Сразу за беседкой начинался обрыв, и осенние облака, сквозь которые просвечивали огни Гурзуфа, клубились у наших ног. Там, на побережье, скорее всего, шёл дождь,

а над нами искрилось звёздами небо. Я достал из рюкзака бутылку портвейна «Алушта», вытащил пробку, мы пили из горлышка, и Даша, спавшая при свете жёлтого уличного фонаря, заглядывавшего в её комнатку, была рядом со мной, я чувствовал её руки на своих плечах.

Я валялся и курил до вечера. День прошёл бессмысленно, стало зябко, пусто и одиноко. Наутро предстояло идти в школу, но проверять тетради и готовиться к урокам я не стал. Тормознув на Севастопольской маршрутную «Газель», поехал в центр города. Шёл мокрый снег, хлопьями лип к моей косухе и сразу таял, снежинки падали на ресницы, щекотали кончик носа. Я пошёл без цели к площади Советская, спустился мимо клуба «Два капитана» к Салгиру. Здесь всегда попадались пьяные, хотя особо опасным считался район Петровской балки, расположенный рядом с Неаполем Скифским, там же находилась печально известная Лестница любви. Не проходило и вечера, чтобы на той лестнице кого-нибудь не ограбили или не избили. Но я любил Симферополь, несмотря на его дикий нор. Симферополь принимал любого человека, даже самого пропащего, на которого другие города смотрели свысока. Симферополь – город свойской беседы с ночным незнакомцем, у которого за пазухой нож. Город бабушек, которые вытрут твою запёкшуюся кровь и накормят. Город библиотек с огромными стеклянными стенами, за которыми шумят сосны на фоне голубого неба. Город палёной водки и кулаков, разбитых в кровь.

В крошечной темноте звонит будильник. Приподнимаюсь на тахте: за окном, подсвеченный фонарём, летит снег. Сегодня мой день рождения. Я принял душ, позавтракал и отправился на работу пешком через телезавод. Мои одноклассники зашли перед первым уроком всем классом, махали руками и желали мне счастья, любви и побольше денег. Алиса с мамой испекли пирог. Мой стол оказался завален апельсинами, шоколадом, конфетами, и я начал урок совсем счастливым. На большой перемене Даша влетела своей лёгкой походкой в класс, одетая в белую обтягивающую кофту и короткую джинсовую юбку, её русые волосы были собраны на голове фиолетовыми заколками-цветками, зелёные глаза сверкали, духи пьянили и звали в запредельную, нескончаемую весну. Даша поцеловала меня в щёку и протянула продолговатую коробочку синего цвета, в которой лежали металлические часы с гравировкой на обратной стороне: «Вадиму Викторовичу от Даши в знак благодарности». Мне казалось в эти секунды, что я выхожу из потрёпанной штормами лодки, залатанной, чуть не утонувшей в шторм – на горячий песок первобытной земли, делаю первые шаги, оставляя следы босых ног, а вдали шумит лес, над головой проносятся чайки, и всё, что случится, сложится иначе, чище, лучше. После уроков я поехал в Третье общежитие филфака, где меня ждали друзья. Мы до ночи пили коктейль с коньяком, закусывая ветчиной, громко пели хором под гитару про белого голубочка на моей руке, пока не пришла вахтёр-

ша и не потребовала разойтись, и было сладко от тайны, которой я не поделился ни с кем, кроме Гриши. Мой друг уехал в Киев под утро, пока я спал. Толстая тетрадь с черновиками песен лежала раскрытой, и поперёк страницы было написано Гришиной рукой: «Первый шаг на талый снег. Если не ты, то кто пойдёт вверх?»

Если ты загорелся желанием собрать рок-группу в Симферополе, то у тебя, по сути, только одна проблема – в этом городе нет ударников. Полным-полно гитаристов – с манией величия, играющих кое-как и сидящих на каких-то опасных «колёсах». Но, если хорошенько поискать, найдётся неплохой гитарист, и даже не фанат Блэкмора. Басиста тоже можно отыскать – по канону, тихо пьющего своё пятничное пиво и рассказывающего у барной стойки очень странные истории. Нет проблем и с клавишником – если, конечно, ты сможешь написать его партию нотами. Хотя всё-таки это будет не клавишник, а клавишница. А вот бить в барабаны не хочет никто, и все достойные ударники играют в трёх-четырёх проектах. Поэтому барабанщика для группы нужно искать начинающего, стеснительного, учащегося в какой-нибудь вечерней школе и играющего не ахти как сложно, но с правильным кумиром а-ля Джон Бонэм. Главное, чтоб ровно ритм держал, остальное разучит. Глеб был как раз таким. После ночного отъезда Гриши я поехал на студию «Новый день», расположенную в подвале симферопольского Дворца пионеров,

чтобы пообщаться с её владельцем Владом о записи демки. Пошёл слух, что «Бангладешь-Оркестр» отлично записался «вживую» и местные группы начали бронировать даты для записи своих альбомов. Я пришёл как раз вовремя – в студии сидел Глеб с барабанными палочками в руках, мы познакомились. И вот впереди первая репетиция в акустике с Глебом и Гришей, который накануне вернулся.

– Ты так и не рассказал мне, как съездил к Тоне, – спросил я друга, когда мы вышли из маршрутки на площади Советская и спустились к Салгиру.

– Вадик, «джинсы воды набрали и прилипли», – Гриша ответил с нервным смешком. – я был у Тони дома, она представила меня родителям как своего крымского друга, потом пили чай с тортиком, и её мама постелила мне в отдельной комнате, окна которой, представь, выходят прямо на Крещатик. А утром Тоня сварила кофе, мы отправились гулять по Владимирской горке, прошли по Андреевскому спуску к музею Булгакова. И я всё время говорил о своих чувствах, а она делала вид, что не понимает меня. Всё как обычно. Мы попрощались, и я пошёл в офис Work and Travel и подал заявление. Я больше не могу тут находиться. Досрочно сдам экзамены и в конце весны улечу в Сан-Франциско. Найду какое-нибудь кафе на побережье океана, подружусь с местным блюзовым пианистом или гитарюгой со слайдером и акустикой National. Мы будем играть зло и дерзко, моя рубашка к середине концерта промокнет от пота, а гости станут коло-

тить кулаками по деревянным столам и невпопад подпевать. А после концерта я наброшу на плечи куртку, возьму в баре бокал, положу лёд, налью бурбон, выйду за стеклянную дверь на порог, к ночному простору океана, к грохоту волн. Присяду на траву рядом с тропинкой, спускающейся к пляжу, закурю, прикрывая зажигалку рукой от ветра. И буду думать о самой лучшей украинской девушке.

– Звучит здорово. Но скажи, а зачем мы тогда ударника ищем, если тебе скоро лететь?

– Если твой Глеб – парень толковый, мы и концерт сыграем, и демку запишем. Летом вы будете ритм-секцию укреплять, а я в сентябре вернусь, и надеюсь, вернусь другим.

Глеб жил в частном доме Петровской балки с родителями и вышел к калитке в ватнике, наброшенном на голую спину. На кухне за столом, покрытым выцветшей клеёнкой, отец Глеба курил сигарету в мундштуке и кивнул нам, прищурившись. Красный деревянный пол поскрипывал, по ногам тянуло, и в тонких носках было холодно стоять. За запотевшим окном женщина в платке – видимо, мать Глеба – убирала снег с дорожки совковой лопатой. В комнате нашего нового друга над железной кроватью висел прошлогодний календарь с изображением Казанской Богоматери, в углу лежали книги, на подоконнике находился магнитофон и стопка кассет. Чистая одежда была разложена на широких деревянных полках, у входа стояли начищенные натовские берцы. О хобби Глеба рассказывали только барабанные палочки, бро-

шенные на кровать, – мы знали, что родители не позволяли парню играть на установке дома и он тренировался поздними вечерами в репетиционной точке «Рокада». Впрочем, мы таки могли попробовать – Глеб вышел в коридор, а потом вернулся в комнату с небольшим барабаном джембе.

– Гриша, мне Вадик дал вашу кассету, записанную с предыдущим составом, квартетом. Мне очень понравились песни – честные такие, напоминают «ДДТ». Я только название группы никак понять не могу – «Заповедник ангелов»! Вы мне поясните, как это? Ведь ангел где хочет, там и летает, помогая людям, неся благодать. А у вас за забором и под охраной живёт, что ли?

Я подмигнул Грише и ответил:

– Глеб, ты же знаешь, что мир во зле лежит и делами мира правит Сатана. Вот ангелов всех и изловили перед концом света, сделали для них заповедник, проводят экскурсии, показывают за деньги. Название подчёркивает хрупкость добра в современном мире, его уязвимость, но, в то же время, и готовность идти до конца – ведь ангелы даже в такой трудной ситуации не стали демонами.

– Красиво, – улыбнулся Глеб. – Мне давеча ребята предлагали играть в своей группе, очень технично играют, и чем-то похоже стилистикой на наш «Проклятый пророк», но, когда я услышал название, то сразу ушёл. Даже забыл, как оно звучало – то ли «Геноцид», то ли «Суицид». Ваше название мне нравится, но, может, что-то более броское придумать? Ну

как у великих было – «Кино» там, «Зоопарк». Вот мне очень нравится имя «Контрольный выстрел», может, его возьмём? Я понимаю, оно не христианское, как бы мне хотелось, но можно же стрелять не только пулями – а словами, образами.

– Глеб, такая группа уже есть, в Питере, и даже не одна. Да и как-то глуповато это название звучит, если честно. Но ты ещё варианты предлагай, обсудим!

– Хорошо. А ещё мама очень боится, что я свяжусь с сатанистами и отрекусь от Христа. Она очень ругалась, когда я пошёл заниматься в репетиционку «Рокада».

– Поясни, – хмыкнул Гриша.

– Ты видел их новые визитки и флаера? Там название написано на манер алисовского альбома «БлокАда» – «РокАда!». У мамы нюх на сатанистов.

– Глеб, ну мы же не сатанисты, – улыбнулся Гриша. – Давай сыграем, а?

– Конечно, располагайтесь. Но только негромко, ладно?

Мы расчехлили гитары, проверили строй и начали. Глеб играл на джембе аккуратно и ровно. После третьей песни Грише стало жарко, он снял вязаный свитер, и ударник сразу побледнел.

– Ты обманул меня, на тебе бесовская метка.

Я обомлел: на моём друге красовалась чёрная футболка с надписью «Ozzy».

– Если мне кто даст послушать кассету этого Оззи, я сразу её сломаю, а потом человеку деньги отдам, – продолжал

Глеб, – потому что этот тип – настоящий сатанист! А ты его имя на груди носишь.

– Ну какой же он сатанист, что за бред? – начал Гриша, но я его перебил.

– Глеб, ты не понял посыл творчества Оззи Осборна. Музыкант издевается над западным христианством, которое уже давно изменило своей сути, потому что начинает благословлять браки между геями. Глеб, тебе нравятся католики?

– Нет, конечно, их вера искажённая.

– А в песнях Осборна ты слышал что-то про православие?

– Нет.

– И за что тогда ты так ненавидишь Оззи?

Глеб задумался, потом улыбнулся и взял в руки джембе.

Через неделю мы уже ехали в Ялту на квартирник – знакомые студентки звали группу давно, и появление Глеба с джембе развязало нам руки. На остановке междугородного троллейбуса группу ждали четыре девушки и двое молодых людей. Стоял тёплый и солнечный день, и ялтинцы сразу предложили пикник в ущелье Трёх Гор – так в Ялте называли Уч-Кош. Мы пошли по тропке, усыпанной сухой хвоей, вверх, под гигантские сосны. Слева в овраге звенела речка, впереди виднелись скалы Ялтинской яйлы с остатками снега. Я шёл в кожаной косухе, с наброшенным на шею гриффиндорским шарфиком, связанным мамой моей ученицы; Гриша щеголял американской мотоциклетной курткой, а Глеб

надел тельняшку Балтфлота. Мы уселись полукругом на полянке, выпили по стакану «Кровавой Мэри» и начали с акустического риффа «Метров»:

Если земля – это просто земля,
Если душа – это просто слова,
Если мы вышли из древних морей —
Где оправданье тому, что есть я?
Если борьба ускользящих чувств —
Только рефлексy на холод и боль,
И под одеждой скрывается зверь,
Что стоит миг между мной и тобой?

Студенткам нравилось, они пили из горла розовый мускат, передавая бутылку друг дружке, смеялись, но негромко, не мешали играть. Через пару часов, допив коктейль и вино, надышавшись хвоей, наша компания отправилась назад, в город. Желających послушать нашу музыку нашлось человек тридцать, поэтому мы сыграли концерт прямо на Массандровском пляже. Уже почти стемнело, волны шуршали галькой, из ресторанчика пахло жареной рыбой. Студентки прихватили из общежития одеяла, и лежали, закутавшись, около нас. Горящие свечи в поллитровых банках и музыка привлекали всё больше местных – они рассаживались неподалёку, открывали вино. Росла иллюзия, что мы в советской Ялте восьмидесятых и сейчас из темноты выныр-

нут БГ с Майком, подсядут к нам. Глеб был в ударе: в песне «Шесть лет в ашраме» он сыграл вначале на варгане, потом на самодельной перкуссии, сделанной из пустой бутылки, наполненной до половины галькой, а потом в песню вошел его неистовый барабан. Гриша не отставал – все партии соло он сыграл отлично и с бэк-вокалом не подкачал. Я чувствовал себя немного пьяным, пелось хорошо, несмотря на вечерний холод. За полночь мы, разгорячённые, румяные от водки, уже были в общажной комнате, где нас обещали разместить на ночь. У стен стояли две двухэтажные кровати, между ними – телевизор с видеомагнитофоном. Таня, одна из студенток, уже переодевшаяся в халатик, включила кассету с первой частью «Властелина колец», а потом начала нас распределять по кроватям:

– Парни, у нас вышла заминка со свободными кроватями, поэтому я могу вам постелить на полу, на матрасах. Или... вы можете спать на кроватях с нами, если хотите!

Желающих спать на полу не нашлось. Я ждал проблем с Глебом, но он молчал и глаза его сверкали. Мне помахала рукой Оля со второго яруса железной кровати, я разделся и поднялся к ней, под цветное одеяло. Курили прямо в постелях, и мы смотрели кино сквозь клубящийся дым. Девушка лежала на боку, я обнял её, а потом провёл рукой по бедру – там заканчивалась короткая маечка, и больше никакой одежды не было.

Приближались последние выходные марта, настолько тёплые, что расцвели все деревья на площади в центре села; постамент Ильича, растрескавшийся от времени, но выкрашенный свежей серебрянкой, покрывали белые лепестки. Я поджидал Дашу у памятника и курил, присев на бордюр. Солнце только взошло, осветив крышу сельсовета и верхушки елей, и лучи постепенно подбирались к огромной ушастой сове, дремавшей в кроне туи – совы много лет подряд жили на ветках хвойных деревьев, окружавших Ильича, на них никто не обращал внимания. Накануне я предложил девушке однодневный поход на Чатыр-Даг, она согласилась, и потому было очень волнительно – мы ещё ни разу не выезжали на природу вдвоём. Между тем, солнечный зайчик скользнул по голове совы, та вздрогнула, взмахнула крыльями и пропала, и в этот момент на дорожку вышла Даша – в синих джинсах и в светлой пайте, с рюкзачком за спиной. Мы забрались в маршрутную Газель и доехали до вокзала, где пересели в троллейбус номер 51 Симферополь – Алушта. Начали подъём с Ангарского перевала – сначала шли через ещё голый буковый лес, мимо Кутузовского озера, на дальнем берегу которого горел костёр и женщина в вязаном свитере приветливо махала нам руками; потом вышли по каменистой тропинке на вершину Ангар-Бурун, с которой открылось громадное нижнее плато, испещрённое карстовыми воронками. Когда мы поднимались по сыпучим острым камням, я взял Дашу за руку, и девушка посмотрела на меня с улыбкой. Я

рассказывал ей про горы, называя диковинные татарские топонимы. Прямо перед нами высились Демерджи-яйлы, Северная и Южная. За ними, на востоке, – бескрайняя Караби, а немного правее виднелся в дымке мыс Меганом, похожий на хрестоматийного удава, проглотившего слона. На юге – Алушта. На западе, частично скрытый от нас вершиной Эклизи-Бурун, находился Крымский природный заповедник: могучая Бабуган-яйла манила ещё не растаявшим снегом. На севере – Симферополь, из которого мы тайно сбежали: двадцатипятилетний учитель и семнадцатилетняя ученица. Постояв над Холодным кулуаром, по вертикальной тропке которого отчаянно ползли вверх пятеро туристов, мы начали спускаться на нижнее плато, и, войдя в его можжевеловое море, свернули с тропинки в огромную карстовую воронку, заросшую буками. Здесь нам никто не мог помешать – туристы держались тропы, опасаясь провалиться в карстовые щели, которые попадались здесь на каждом шагу. Я достал из рюкзака бутылку черного «Мускателя» и две железные кружки, бутерброды с колбасой и сыром, плитку шоколада «Світоч» и мандарины. У Даши обнаружился запечённый подчерёвок с чесноком, пластиковая коробка с варёной картошкой, обжаренной с луком, солёные огурцы и малиновый пирог. Я бросил куртку на листву, и мы сели на тёплую землю обедать, слегка соприкасаясь плечами. С девушками я обычно не робел, но в этот раз мне не хотелось испортить возвышенную красоту момента. Поэтому Даша чувствовала

себя в полной безопасности и после обеда начала резвиться, бросая в меня сухие листья. Я швырнул охапку листьев в ответ, девушка закинула листья мне за шиворот, и мы, смеясь, покатались по листе на дно воронки; скоро Даша вся, от волос до кроссовок, была в сухих буковых листьях. Я наслаждался её раскрасневшимися щёчками, видом задравшейся пайты, открывшей мне узкую талию, и секундными прикосновениями горячих ладоней. Но всё равно прижать девушку к себе, поцеловать её я не мог – это казалось мне кощунством. Я не мог представить, что снимаю с неё одежду: Даша словно светилась посреди сумрачного холодного леса.

Между тем, уже вечерело – по склону воронки гулял холодный ветерок, стало зябко, и я поспешил разжечь костёр. Мы сели у огня, я открыл пачку американских сигарет и закурил. Дым табака смешивался с запахом горящих буковых веток. Даша начала заплетать мои длинные волосы в косички, было щекотно и приятно, волосы пахли дымом. Мы согрелись, выпили ещё вина и никак не могли уйти, хотя почти стемнело. Наконец, пересилив себя, я залил костёр, мы собрали вещи и вернулись на тропу.

Вышли на дорогу у приюта «Точка» уже в полной темноте. Я начал искать Ишачью тропу, чтобы спуститься в Перевальное, и после получаса блуждания у пещеры Эмине-Баир-Хосар отыскал небольшой тур, пирамиду из камней, обозначающую поворот. Тропа уводила на холм, над которым сияли огромные серебрястые звёзды. Под ногами шуршала сухая

прошлогодня трава, справа и слева виднелись чёрные провалы обрывов, и казалось – мы идём по мягкому травяному мосту к звёздам и больше никогда не вернёмся к прежней жизни. Прошли вершину с триангулятором, и удивительное наваждение пропало – внизу сверкнули огни села и освещённая фонарями троллейбусная трасса. Спускались медленно – тропа стала каменистой, сыпучей. Потом нас услышали собаки, залаяли, и к одиннадцати вечера мы стояли на безлюдной остановке. А потом появился троллейбус, с совершенно тёмным салоном, и открыл для нас переднюю дверь – оказалось, он отвозил рабочих в Перевальное, а теперь возвращался в город. Мы оказались одни в салоне и поехали без остановок. Даша спала у меня на плече, а я смотрел на редкие огни посёлков, холмы и огромные звёзды над холмами.

Гриша взял билет в Киев на пятнадцатое апреля, а вечером шестнадцатого мой друг вылетал в Америку. Нужно было срочно искать новое жильё, до конца месяца оставалось два дня. Мы отдавали сорок долларов за аренду однушки, и Гриша вносил большую часть оплаты. У меня никаких сбережений не водилось, и я не смог бы оплачивать квартиру самостоятельно, только временку или комнату. В этот раз мне хотелось поселиться поближе к школе. Формально я работал в селе, но город за последние десятилетия так разросся, что его граница с селом совсем стёрлась. Из нашей квартиры я пешком доходил до школы за сорок минут. Грише переезд в

село был не очень удобен, но из-за двух оставшихся недель он не стал со мной спорить. Мы начали ходить по улицам, стучать в калитки и спрашивать, не сдаётся ли комната, но везде получали отказ. Порядком уставшие, мы подошли к мужикам, которые забивали козла под туями у сельсовета.

– Мужики, нам бы с другом комнатку найти на длительный срок, может, вы знаете, кто сдаёт?

Один из игроков, грузный, с большим кадыком, поднял на меня водянистые глаза:

– Пить будете? И девок, небось, приведёте? А ещё, судя по вашим курткам, и хэви-метал врубите ночью?

– Так и сделаем, – рассмеялся я.

– Я не всегда в этой дыре жил. Чтоб ты знал, я как-то свою аппаратуру Армену Григоряну давал для концерта.

Гриша присвистнул.

– Ну пойдём, молодая шпана, – мужик закашлялся, сплюнул на землю, схватил пакет и повёл нас за здание Дома культуры узким проходом между домами, заросшим свежей травой.

Тропинка привела к большому одноэтажному дому на краю села. На крыльце нас встретила красивая худая женщина лет сорока с безразличным взглядом.

– Это сиделка моя, Валя, – пояснил мужик, – делает уколы. У меня рак, надеюсь до зимы дотянуть. Но вас это особо не касается. Могу предложить отапливаемую времянку с душем и туалетом. Денег много не возьму, всё есть – а вот

тёплая компания не помешает. Кстати, я – Валентин.

Во времянку поднялись по скрипучей лесенке. В маленькой веранде поместились столик с пепельницей, старое кресло и шкафчик с книгами. Гриша схватил первую попавшуюся книгу и уселся с ней в кресло, закурил:

– Вадик, глянь комнату сам, ладно? Я тут Набокова нашёл, почитаю.

Мы с Валентином прошли через небольшую чистую кухню в комнату, в которой стояли две кровати.

– А теперь – сюрприз! – Валентин плотно зашторил окна и снова закашлялся, согнувшись.

Потом выключил свет. На потолке проступили созвездия, нарисованные светящейся краской.

Жить рядом с больным незнакомым человеком совершенно не хотелось, но выбора не было, и мы через день перевезли вещи во времянку. У нового дома имелась ещё одна черта – он стоял рядом с полотном Приднепровской железной дороги, и всю первую ночь я подскакивал от звука проходящего поезда.

Глава 6. Вареничная паранойя

Не стоило заселяться в этот дом. Только проходит один состав и я начинаю засыпать – идёт другой. Поезда тревожат, волнуют, зовут всё бросить, запрыгнуть в товарняк и ехать куда-то на север. Какая-то странная чувствительность появилась. А ещё ночью начинает стонать Валентин, и пока сиделка не сделает ему укол обезболивающего, я лежу и слушаю стоны. Дни и ночи стали тревожными, и я не могу понять, откуда приходит эта тревога. Как будто отовсюду сквозит, хотя в комнате тепло и комфортно. Встаю с постели, открываю бутылку с пивом, сажусь на крыльцо. И каждую ночь, когда Валентин затихает и наступает часовой промежуток между поездами, я вспоминаю дни, когда моя душа была во власти оккультных туманов. Восемь лет назад я оканчивал школу и поступал в университет, ведя двойную жизнь.

В первой жизни я довольно успешно учился, писал сочинения и сдавал экзамены, бегал с фотокамерой по бесконечным фестивалям Дворца детства и юности. Во второй жизни шла изматывающая ежедневная борьба с бесами внутри моей головы. Как будто вся помойка Астрального мира отвлеклась от своего пиршества и собралась вокруг меня – шептать, выть, кричать, поносить базарным матом далёкие за-

снеженные гималайские вершины, где обосновалась гордая Шамбала. Каждое воскресенье я приходил в тайную комнату детской библиотеки, где разношёрстная сева­стопольская публика устремлялась в коллективном молитвенном порыве к Махатмам Тибета. В комнате сидели размалёванные пенсионерки, попробовавшие в жизни всё, кроме мёда духовных миров; сорокалетние женщины, находившие в Агни-йоге изюминку, призванную разнообразить их поднадоевшую жизнь; любовники сорокалетних женщин, грузные, прокуренные, не понимавшие в золотых тропах духовных миров ни шиша. И надежда рериховских обществ – молодые люди и девушки, которых заманили душистым пряником новых возможностей. Старушкам с марксистской закалкой, размыш­лявшим за круглым столом о духовном, доставляло огромное удовольствие унижать нашу молодость, подавлять сексуальность, запрещать удовольствия прекрасного возраста. А мы, по разным причинам попавшие под влияние сто­рух, уже не имели своей воли. Наши умы жили отдельно от тел, совершенно неуправляемых, постоянно желавших ласки. Каждое занятие Уринова заканчивала так:

– Хочу напомнить нашим неофитам, что до следующего коллективного устремления к Владыке – целых семь дней. За это время, предавшись мерзким желаниям тела, можно создать себе карму на сотни жизней вперёд. Если вы не хотите жить из воплощения в воплощение похотливым кроликом, поднимайте голову над суетой. Помните, улыбаетесь не вы, а

лишь череп. Хотите кревоугодничать не вы, а тушка. Вожде-
леете женщину не вы, а бесплотные астральные лярвы, кото-
рые тянут руки из Тонкого мира и присасываются к вашему
телу, пьют желание, раздувая его. Вы – не тело! Вы – духи,
нерушимые и вечные! И когда девушка на свидании лука-
во расстёгивает пуговицы своей блузки, примените простей-
шую медитацию. Представьте блудницу старухой, а потом
мёртвой, разлагающейся. И желание снять с девушки трусы
сразу пропадёт – ведь отвратительно стягивать бельё со ста-
рухи или с мёртвой. Лучше помогите этой Магдалине стать
духом внутри себя, обрести Путь, прийти к Учению. Читай-
те на свидании Учение, мои дорогие! Помните, что однажды
каждому выпадет испытание на верность Иерархии Света.
Ваш путь пройдёт через Кыл-Копыр, или Волосяной мост,
описанный в сочинениях арабских мистиков. Лишь нить со-
единяет наш мир и высшие, огненные сферы. И только чут-
кий сердцем сможет пройти.

Тайное общество называлось «Сообразительный», и эк-
зотерическое, «внешнее» название преподносило нас как
воскресный клуб интеллектуалов. Мы медитировали в ма-
ленькой комнатке, набитой приключенческой литературой –
книгами Стивенсона, Жюль Верна, Шекли, Брэдбери, бра-
тьев Стругацких. Уринова ненавидела всё это «литературное
барахло», рассуждая, что есть лишь одна безопасная кни-
га – «Агни-йога», изучение которой ткёт огненную карму.
Остальные книжонки сеяли сомнения, лелеяли страсти, за-

тягивали обратно в колесо Сансары, поэтому на занятиях обсуждалось, книги каких авторов ни в коем случае не стоило читать, а каких – можно, но очень аккуратно, после оккультной подготовки.

Второе название тайного общества было скрытым, эзотерическим, хотя и звучало так же. «Сообразительным» назывался советский эсминец, который, по словам доцента, прошёл всю Великую Отечественную войну без единого повреждения корпуса и без потерь в личном составе. По замыслу Уриновой, мы должны были прожить жизнь так же – прийти всем библиотечным обществом в Шамбалу, никого не потерять. Прожить, как по струне над бездной пройти – красиво, бережно, стремительно. Эту цитату из «Агни-йоги» Уринова всегда произносила с придыханием, закатывая глаза. Я, правда, не мог до конца понять, когда же окажусь в Шамбале – при жизни или после смерти? Моя душа перенесётся в Гималаи или же случится Армагеддон и все, кто не сможет принять огненные токи Новой Эры, просто вымрут, а мы останемся? На эти вопросы Уринова отвечала уклончиво.

В июле девяносто шестого я поступил в Симферопольский государственный университет на филологический факультет, но продолжал каждое воскресенье посещать оккультные медитации в севастопольской библиотеке. Перед отъездом в общежитие меня напутствовали всем тайным обществом, рассказывая в подробностях, как нужно проходить

по струне над бездной студенческого разврата.

Облезлая пятиэтажная общага номер три оказалось тем самым гнездом порока. В здании имелся парадный вход, через который к друзьям-студентам ходили гости, оставив вахтёрше студенческий или паспорт. Однако выйти назад нужно было до двадцати двух часов, и желающие хорошенько покутить использовали чёрный ход, всегда открытый. Правда, он находился практически за спиной вахтёрши, поэтому старались ходить тихо и выдыхали уже на втором этаже, доставая из курток водку и коньяк. Благодаря чёрному ходу каждый вечер по общежитию слонялись неизвестные в кожаных куртках и спортивных штанах. Некоторые секции на этажах не были освещены, и иногда ночью, проходя мимо этих тёмных углов, я слышал доносившиеся оттуда возню, ласковый шёпот и постанывание; то же творилось и в кабинках душа, когда включали тёплую воду.

Я решил противопоставить себя скользкому похотливому миру, поэтому носил чёрный костюм даже в общежитии, подписав миру иллюзий смертный приговор. Девчонки в несвежих байковых халатах шарахались от меня в тёмных коридорах, когда я шёл в туалет с рулоном туалетной бумаги, в пиджаке и при галстукe.

Меня поселили на четвёртом этаже в комнату-тройку к двум моим однокурсникам. Сергей немного сутулился, носил металлические очки, перемотанные изолентой, говорил тихо, но смеялся звонко и заразительно, сразу показал мне

районный литературный сборник со своим стихотворением, представившись так: «Я – деревенский поэт, пока неизвестный». Вечером Сергей доставал засаленные карты с изображением голых женщин, выбирал одну карту и говорил: «Вот с этой подругой я бы сегодня залёг!»

Тревогу и оцепенение вызывал у меня второй сосед, Тимур. Он без смущения показывал всем, кто заходил на чай, альбомы с аляповатыми тропическими пальмами на обложке. Там хранились летние снимки, сделанные в Лисьей бухте. На фотографиях – сам Тимур, похожий на древнего бога, его спортивные друзья и изящные подруги: все совершенно голые, вымазавшиеся голубой глиной, или килом. Они позировали на камеру, не пытаясь прикрыться; на одном из снимков у Тимура были глиняные рожки и флейта Пана. Я понимал, что все эти люди ведут свободную половую жизнь и, скорее всего, не верят в Бога, а, значит, сгорят в аду. Как они могут быть такими беспечными!

Кроме того, Тимур очень любил включать на своём магнитофоне музыку неприятного человека, который пел так, как будто выплёвывал с презрением слова; с обложки кассеты чумазый певец смотрел с ненавистью, скрестив руки, и напоминал Демона Поверженного с картины Врубеля. Тимур ласково называл певца «Костя». Как только альбом заканчивался, я сразу включал кассету обожаемого мной Эдварда Грига. Сергей с удовольствием слушал Грига со мной – такая музыка ему нравилась.

Но настоящую оторопь вызывали у меня ребята с отделения украинской филологии. Они держались одной компанией и чувствовали себя в общежитии, как дома. Каждый воскресный вечер, когда один из них приезжал от родителей и привозил тушёное мясо, гречку, солёные огурцы и самогон, хлопцы устраивали пир, а потом ходили толпой по всем этажам, исполняя хором под баян хит «Агаты Кристи»:

А ночью по лесу идёт Сатана
И собирает свежие души.
Новую кровь получила зима
И тебя она получит. И тебя она получит!

Среди них выделялся изгой по фамилии Воронец. В его комнате совершенно не было вещей, потому что у бедняги постоянно всё крали, вплоть до зубной пасты. Поэтому парень держал вещи у сестры, жившей в другой комнате. Впрочем, один предмет постоянно лежал на пустом столе студента – Новый Завет, бесплатное издание от «Гедеоновых братьев», и на эту книгу никто не покушался. Воронец всё свободное время просиживал рядом с вахтёршей за стойкой – там никто не смел напасть, отпустить леща или посмеяться, а престарелая вахтёрша, похожая на старуху Шапокляк, жалела и подкармливала парня. Нам с Воронцом хватило двух минут разговора, чтоб начать испытывать друг к другу неприязнь, посчитав собеседника сектантом.

Но в мерзком общежитии, источавшем распущенность, жила удивительная девушка с моего курса, которая была не такой, как все. Рита выглядела как закарпатская мавка – пепельно-чёрные волосы заплетала в тяжёлую косу, носила длинные платья и кофточки с национальной украинской вышивкой, глядела печально, как будто ежеминутно переживала за мир, лежащий во зле. Мы быстро подружились и каждый день возвращались с лекций вместе, обсуждая высокое. Я долго не решался сказать ей о самом сокровенном – о Шамбале, о Ментальном мире, о грядущей Эпохе Огня. Но когда однажды на тенистой аллею, соединявшей филфак и главный корпус универа, я открыл секрет, Рита не удивилась.

– Когда я тебя увидела впервые, подумала про себя: «Молодой человек, герой Достоевского». Ты выглядишь как спешившийся всадник из Откровения Иоанна Богослова, одним взглядом обличающий пороки мира. Я никогда ещё не встречала человека столь цельного и восхищаюсь твоей внутренней силой. Теперь, когда я знаю точно, что ты идёшь путём Ученичества, мне приятно знать, что такие люди есть на Земле.

Я хотел возразить Рите, сказать, что меня днём и ночью одолевают призраки и никакой гармонии нет. Что я постоянно совершаю ритуалы призыва Владыки, просто жаря картошку и стирая футболку – лишь бы выстоять в битве. Но промолчал. Я чувствовал себя иноком с пробитой аурой, через которую в душу лезут тёмные сущности, и с удивлением

услышал, что кто-то считает себя грешным и несовершенным, а меня – почти святым. Так влюбилась в Риту моя душа, а вскоре девушку захотело и моё тело, которое жило отдельной жизнью.

Промозглым октябрьским вечером я пригласил девушку на концерт – приезжал какой-то знаменитый пианист и должен был исполнить с оркестром Крымской филармонии произведения Гершвина, в том числе «Rhapsody in Blue», а также «Volero» Равеля. В концертном зале оказались десятки моих двойников – молодых мужчин с бледными лицами, все в чёрных костюмах и фраках. Их спутницы надели вечерние платья, а вот Рита почему-то пришла в ярко-красных облегающих штанах, и я всю первую часть концерта не мог сосредоточиться на музыке из-за этих штанов на красивых бёдрах. Все медитации, призванные разрушить магию плоти, куда-то пропали – я чувствовал себя телом, кровью, бегущей по жилам, сердцем, выпрыгивающим из груди.

Время духа пришло со вторым отделением. Сцена с музыкантами, двойники в костюмах, даже Рита, сидящая рядом, – всё исчезло. Передо мной сиял столб света, возносившийся к небесам, и вокруг столба вились, как кусты дикой розы, узоры скрипок и виолончелей.

Когда мы вышли, ошарашенные, из зала, Рита прошептала:

– Неужели после этого мы снова сможем жить как люди, готовить ужин и обсуждать невыученные уроки? Ведь каж-

дый из нас – дух!

В тот вечер в тёмном, мокром после дождя парке я впервые поцеловал Риту.

Мы с Ритой стали парой, на которую окружающие смотрели с восхищением: не пьют, не курят, носят строгую одежду, всё время вместе, рука в руке. На все вопросы о наших отношениях я отвечал с улыбкой, что, согласно учению Платона о разделённых когда-то душах, я встретил свою половинку. Но с первым поцелуем тёмные сущности вокруг меня никуда не делись; я изнывал, отбиваясь от них молитвами и чтением оккультных книг; молил бесов оставить меня в покое хотя бы тогда, когда лежал у Риты на коленях, слушая в полумраке Второй концерт Рахманинова с кассеты. Мы много времени проводили в комнате девушки, но что-то останавливало меня от того, чтобы попробовать раздеть её. Мне казалось, что для этого нужен какой-то особый обряд, благословение свыше. Грезился белоснежный балдахин над кроватью где-то в лесу, из которого доносятся птичьи трели, и главное – я воцелел снежной чистоты мыслей в моей голове.

Однажды мы с Ритой остались в общежитии на выходные, решив в воскресенье поехать на водопады Красных пещер. Я понимал, что впервые за два года пропущу коллективную медитацию в библиотеке, но успокоил себя мыслью, что мы с Ритой сядем у водопада и помолимся вместе.

– Вадик, ты сегодня переночуешь у меня в комнате? Со-

седки уехали, а рогули за стенкой снова пьянствуют, мне страшно ночевать самой.

– Конечно, любимая.

Мы выпили чаю с пирогом и залезли под одеяло. Прикосновения девушки были очень приятны, она лежала так близко в тонкой голубой ночнушке. Но я опять был лишён ощущения телесности: мой дух метался где-то под потолком, тело жаждало Риту, но, связанное по рукам и ногам, с кляпом во рту – извивалось и металось. А ум то пытался развязать невидимые пути тела и сам вяз в них, то отбивался от привычных демонов, гроздьями повисших на платяном шкафу, раскачивавших люстру, тянувших ручонки из-под кровати.

– Милый, ты не против, если я рубашку сниму? Очень жарко.

– Рита, милая, конечно. Но давай поговорим. Мне кажется, мы с тобой ещё не готовы к любви.

– Дурачок, так я тебя и не заставляю. Мы не будем спешить. Просто обними меня, и будем спать.

Она сняла ночнушку, оставшись в одних трусиках, закинула на меня ногу, и мы уснули. Утром, немного смущаясь друг друга, пили некрепкий кофе и Рита сказал мне:

– А ты разговаривал ночью.

– Вот как! И что же я сказал?

– Ты убежал от тигров, вполне успешно. Но, что самое интересное, ты при этом галантно общался с какой-то дамой! Я уже начинаю ревновать.

– Так это была ты, моя единственная Прекрасная дама!

Рита, улыбаясь, поцеловала меня. Она выглядела такой близкой, родной в байковом красном халате, и её губы пахли кофе с молоком.

– Любимая, я хочу тебя спросить. Ты знаешь свою группу крови?

Девушка удивлённо приподняла брови:

– Вторая. Резус-фактор положительный. А какое это имеет значение? Меня ещё никто не спрашивал про группу крови. Впрочем, я начинаю привыкать, что ты мыслишь другими категориями, – и улыбнулась. – А ещё мне иногда кажется, что мы с тобой живём внутри какой-то удивительной книги, смысл которой я пока не поняла.

– Я подумал, что надо проверить нас. Как говорит в своих письмах Елена Рерих, в Эпоху Огня люди будут сочетаться по стихиям – огонь к огню, вода к воде; а ещё у настоящих половинок одной души должна совпадать группа крови.

– В твоих словах, Вадик, всё логично – если перед нами одна душа, разделённая когда-то на две половинки, у этих половинок должна быть одна и та же группа крови. Мне только не нравится слово «сочетаться», это вроде уже и не «спариваться», но ещё и не «любить». Так какая у тебя группа?

– А я не знаю! Пойду сегодня сдавать анализы.

– Скажи мне сразу, как узнаешь, ладно?

И я отправился сдавать кровь. Анализы принимали на улице Жуковского в облупленной душевной комнатке. Мед-

сестра резким жестом дала понять, что занята, и копалась в раскрытой пухлой папке, беседуя с другой сестрой.

– Так чё там этот фраер, всё по бабам ходит?

– Конечно, ходит.

– Холодно же.

– Он горячий парень.

Когда странный диалог закончился, медсестра пригласила меня во вторую комнатку и перевязала руку жгутом.

– Назови фамилию, имя и отчество.

– Рейган, Вадим Викторович.

– Регент?

– Рей-ган: такая же фамилия, как у бывшего американского президента.

– Давай руку, быстрее!

Над моей головой навис огромный бюст медсестры – казалось, что халат сейчас лопнет и меня придавит к стулу этим бюстом.

– Через три дня приходи, вопросов не задавай! На подоконнике коробка, в ней будут лежать листочки с результатами, сам возмёшь.

Я вернулся через три дня и начал перебирать листочки. Своей фамилии не отыскал.

– Девушка, простите! Здесь нет моей фамилии.

– Значит, ищи похожую! Вы все так невнятно мямлите свои фамилии, что невозможно правильно записать.

Я снова повернулся к коробке. На одном из мятых листоч-

ков было написано: «Ренегат В.В. Группа крови – А (II) Rh +». Фамилия – не моя, но ничего более похожего на «Рейган» в коробке не обнаружилось, и инициалы совпадали. Вторая положительная, как у Риты. Мир оказывает мне сопротивление в виде хамовитой девки, но это чепуха. Важно то, что я получил подтверждение: мы с любимой – половинки одной Платоновской души!

На следующий вечер я заканчивал подготовку к зачёту по античной литературе и уже собирался идти ночевать к Рите, как в мою дверь увесисто постучали. На пороге стояли Богдан и Чёрт – парни, которые разгуливали с баяном по этажам.

– Вадим, ты куда-то собрался? – начал Богдан, закуривая вонючую самокрутку.

– Да, уже ухожу, к девушке.

– А, мы видели, как ты с нашей соседкой зажимался. И как она, сладенькая? – влез в разговор Чёрт, но Богдан его одёрнул.

– Вадим, ты бы к нам как-нибудь заглянул, горилки нашей выпил. Мы же не кусаемся.

Чёрт хихикнул и рыгнул.

– Я не пью.

– Какая жалость. А мы хотели тебя ласково попросить о помощи. Понимаешь, у нас праздник, а водка закончилась, совсем. Уже одиннадцать, нас на улицу не выпустят, и чёрный ход со вчерашнего дня почему-то заперт. Ты человек

новый, примерный, тебе поверят. Мы выбросим из окна одеяло, а ты скажешь, что вытряхивал его и уронил. Чтобы не проебать одеяло, вахтёрша тебя выпустит. Ты в ларьке купишь водки, замотаешь её в одеяло и принесёшь нам!

Парни были так довольны своим планом, что улыбались до ушей, за которыми вдруг на миг показались серые рожки, и я понял, что это – испытание. Помогу ли я купить им зелье, подыграю ли Сатане? Любимая сделала ко мне шаг, согрела своей любовью; я получил от Неба подтверждение, что мы – половинки одной души. Самое время для Империи – нанести ответный удар.

– Я не могу вам помочь, ведь водка – от дьявола. Не просите меня больше ходить за ней.

Чёрт захохотал козодоем, Богдан смачно сплюнул мне под ноги:

– Ты вроде этого блаженного, Воронца. Но он, хоть и дурачок, но наш, украинец. А ты чужой. Нет бы проставиться, поляну пацанам накрыть, подружиться. Ходишь фраером, кацапья морда. Теперь берегись.

И пропали в темноте. Водку они всё равно где-то раздобыли, и до глубокой ночи мы с Ритой слушали новый хит под баян в исполнении десятка пьяных глоток:

Моя ты школьная любовь,
Тебя я не забуду, нет.
Твои зелёные трусы,

И ноги волосатые!

Слова хулиганов запали мне в душу. Разумеется, я не собирался сближаться с этими хамами, но вдруг понял, что сторонюсь и своих соседей – хороших, честных парней. Можно наладить общение, напитать нашу комнату энергиями Света, зарядить токами Шамбалы – и тогда Тимур бросит слушать песни этого гадкого Кости, купит на лето плавки и встанет на путь спасения! Мои мысли привели Риту в восторг, и она предложила приготовить праздничный ужин. Мы решили налепить вареников с картошкой, обжарить их с луком и накормить Тимура, Серёжу и подругу Риты, Маричку.

Всем ребятам идея очень понравилась. Они сели в комнате втроём и откупорили вино, мы же с Ритой надели фартуки начали лепку. Маричку я увидел впервые. Она пришла в джинсах и клетчатой рубашке, на груди студентки блестел золотой крестик. Девушка посмотрела на меня с прищуром и молча пошла курить на общую кухню. Потом Тимур включил кассету какой-то богохульной группы, Маричка засмеялась и попросила поставить её на паузу:

– Тим, такая песня классная. Давайте сами споём?

Она сняла со стены гитару Тимура, заиграла перебором и начала петь:

С причала рыбачил апостол Андрей,
А Спаситель ходил по воде.

И Андрей доставал из воды пескарей,
А Спаситель – погибших людей...

Между тем, «вареники любви» кипели уже десять минут.

– Милая, вареники уже должны свариться!

– Зайчик, давай я попробую. Нет, тесто ещё твёрдое. Ещё пять минут поварим.

– Эй вы, зайки, нам долго ещё ждать? Мы жрать хотим!

Из комнаты слышался звук трения металла о металл – кто-то точил нож о вилку. Результат нашей вареничной любви мне определённо не нравился: вареники вышли ровными и красивыми, но совершенно дубовыми, жёсткими.

– Рита, надо что-то делать. Уже понятно, что наш ужин не получился. Я очень боюсь отравить наших гостей и думаю, что вареники стоит выбросить.

– Милый, ты прав. Если у друзей заболят животы, виноватыми станем мы. Но ты понимаешь, что гости нам не простят испорченный праздник, они нас возненавидят!

– Милая, нам нужно привыкать идти против течения и говорить правду, даже если она неприятная. Ты понимаешь меня, ты со мной, и пусть весь мир будет против! Открой мне дверь, я выхожу с кастрюлей.

Осторожно, стараясь не привлечь внимание друзей, я выскользнул в коридор, дошёл до туалета и прошептал: «Господи, благословенны дела Твои. Дай мне сил справиться. Ом мани падме хум!»

И вывалил дымящееся содержимое кастрюли в унитаз.

Глава 7. Аттестация

С домом, расположенным у железной дороги, постоянно соседствовало серое небо. Оно нависало над крыльцом, как бетонная плита, и по утрам хотелось выкурить сигарету, а потом залезть под одеяло и спать до обеда. На смену тёплым дням, как часто бывает ранней весной, пришли заморозки. Я нехотя выходил на холодную кухню, включал кассету «Алисы» «Танцевать» и, готовя омлет с ветчиной, думал о питерских крышах, на которых я ещё не был, о ледоходе на Неве и о поездах, которые идут в Санкт-Петербург.

В школе полным ходом шла аттестация – каждый день приезжала главный методист района в компании других работников районо. Они ходили на открытые уроки, оценивали работу учителей и, похоже, были не очень довольны. Я обратил внимание, что для методистов не накрывали столы в школьном кафе, что выглядело нетипичным для подобных мероприятий: в этот раз – только работа по протоколу и разговор сквозь зубы. Я плевать хотел на отношения директора школы и районо, никогда не участвовал в учительских сплетнях; в этом сером здании, покрытом пятнами зелёной плесени, меня интересовали только мои ученики и Даша.

С осени мы с шестиклассниками готовили театральную постановку Филатовского «Федота-стрельца» в переложении

для средней школы. Некоторые острые моменты пьесы пришлось опустить, зато мы с родителями учеников, хохоча, вставили в постановку элементы злободневной политической сатиры. Например, в тот момент, когда Федот обсуждал с царём возвращение оленя в Багдад, он произносил классическую фразу:

Коли ты и так богат, —
Я верну его в Багдад.
Кто там нонича у власти? —
То-то парень будет рад!..

И, улыбаясь, доставал из кармана портрет Джорджа Буша-младшего.

Постановку запланировали на середину мая, и я пригласил на неё весь методический отдел.

Кроме театрального кружка, я вёл ещё и кружок гитары – мне выделили малюсенькую гримёрку у актового зала, где собирал всех школьных хулиганов и писал мелом на доске тексты с аккордами песен «ДДТ», «Аквариума», «Алисы» и «Кино»; помогал и менять струны на гитаре, и настраивать инструменты; учил аккомпанировать и давал первые уроки вокала. Шиком для моих учеников стал вход через окно: я разрешал залезать в кабинет с улицы по пожарной лестнице.

Разумеется, аттестация затронула и мои уроки. Я расска-

зал методистам о внеклассной работе, о кружках и планах на будущее, а потом показал итоговый урок по повести Пушкина «Дубровский». Мои шестиклассники, одевшись в сшитые родителями костюмы, показали у доски несколько сцен из книги. Девочки играли значительно лучше мальчиков, поэтому я отдал им почти все мужские роли, потребовались только накладные бороды. Урок заканчивался проведением параллелей с современностью и отслеживанием интертекстуальных связей: я исполнял под гитару песню БГ «Дубровский»:

Не плачь, Маша, я здесь.
Не плачь, солнце взойдёт.
Не прячь от Бога глаза,
А то как он найдёт нас?
Небесный град Иерусалим
Горит сквозь холод и лёд,
И вот он стоит вокруг нас
И ждёт нас, ждёт нас.

Урок понравился методистам, замечаний не возникло. Правда, занятие по русскому языку было принято прохладно. Дело в том, что, рассказывая детям о языке как о живом явлении, постоянно меняющемся, заимствующем новые слова и отбрасывающем устаревшие формы, я увлёкся и представил на уроке новомодные тенденции из российской сто-

лицы. Например, сказал, что слово «кофе» теперь может употребляться не только в мужском, но и в среднем роде. Когда ученики вышли на перемену, методист с жаром отчитала меня за «кофе», заявив, что он может быть только мужского рода и я должен в работе руководствоваться официальными источниками, а не жёлтой прессой. Но потом заулыбалась, назвала меня надеждой района и пообещала любую поддержку в работе.

Аттестация завершилась к середине апреля. Официальные документы учителям не показали, но ещё до объявления результатов все знали, что работа школы подверглась жёсткой критике районо. Штат учителей был неполным, уроки проводились с грубыми ошибками, внеклассная работа велась формально. Положительную оценку получили, похоже, только мои уроки. Но завуч с директором сделали свои выводы: посчитали, что методисты, выделяя и поощряя меня, растят собственного агента, которого можно через несколько лет поставить во главе школы. Открыто в школе мне ничего не сказали, но начали общаться в приказном порядке, сквозь зубы. Внезапно оказалось, что в план обязательной внеклассной работы на следующий год уже вписаны два моих спектакля, которых ещё не существовало даже в уме. На эту работу не выделялись дополнительные часы, не планировалась доплата. Но в случае невыполнения – кара. Инициативу пытались сделать обязательной, отбивая у меня желание делать что-то новое, свежее.

Когда директор школы собрала учителей на небольшой банкет по поводу завершения ненавистой аттестации, мне предложили сказать тост. Я был краток:

– Уважаемые коллеги, мне хотелось бы выпить за наших замечательных, талантливых учеников. Ведь без них весь этот педагогический процесс не имеет никакого смысла.

Завуч осадила меня:

– Вадим Викторович, ну хватит с нас этих учеников, они всех достали! Мы собрались здесь расслабиться, отвлечься: на работе всё время эти ученики, а дома – долбаные тетради, подготовка. Думайте, прежде чем говорить тост!

А через несколько дней я понял, что руководство школы нашупало моё слабое место, точнее, я сам подсказал, где оно – своим тостом. Мои шестиклассники, отличники и отличницы, неожиданно стали не успевать по другим предметам, получали замечания по поведению, чего не было никогда прежде. Я понял, что теперь моим детям начнут мстить только за то, что они – мои ученики. И я поневоле задумался о том, чтобы на деле стать агентом районо. Мне было известно, что по закону уже через год имею право претендовать на пост директора школы, потому что такое назначение требует минимального пятилетнего стажа. Хочу ли я такой судьбы? Пожалуй, нет. Стать директором сельской школы – это быть им до конца жизни, выкладываться, внедрять новые методики, менять подход преподавания. Это почётно и достойно, но – никаких путешествий и дальних дорог, никакой

рок-группы, никакой свободы, и все поезда уйдут на север без меня. Разговаривать с администрацией было бесполезно, такая беседа выглядела бы как попытка оправдаться, а если оправдываешься – виноват. Завуч с директором сами толкали меня к революции, но, когда я понимал последствия своей возможной победы, мне становилось не по себе. Нависший выбор очень тяготил, но я решил немного потянуть с ним, не спешить: может, острый момент пройдёт – и я смогу спокойно работать, как прежде.

И я отвлёкся на изготовление каркаса для картины. Папа одной из моих шестиклассниц нашёл у себя на чердаке огромное полотно, написанное маслом, – копию картины Николая Ге «Пушкин в селе Михайловском». Копия оказалась неплохо выполненной, отлично сохранилась и имела внушительные размеры – полтора на три метра. Несколько дней мы с родителями делали каркас и натягивали полотно, а потом торжественно водрузили картину на классную стену, на зависть ученикам всей школы, которые каждую перемену приходили поглядеть на неё – картина казалась им вестницей новых времён, светлых и праздничных.

Вечером четырнадцатого апреля, перед отлётом Гриши в Америку, мы гуляли с ним и Глебом по весеннему Симферополью, прихватив гитару и закинув в рюкзаки коньяк, портвейн и тёмное пиво. Шатались по дворикам, выпивали на какой-нибудь скамейке, шли дальше. Из подъездов выходили незнакомые небритые мужчины в подштанниках и жен-

щины, закутавшиеся в выцветшие халаты, выкладывали на деревянные столы сыр и ветчину, разливали вино по гранёным стаканам, улыбались, а дети с криком носились вокруг них на трёхколёсных велосипедах. Иногда нас жестом звали к столу и просили спеть, мы обнимались, выпивали, знакомились и тут же забывали имена новых друзей. И чем больше я хмелел, тем сильнее хотел увидеть Дашу и обнять её. С нашего похода на Чатыр-Даг прошло почти три недели, но я всё тянул с тем, чтобы показать девушке свои чувства. Мне казалось, что она живёт в каком-то хрустальном мире, который можно обожать, воздухом которого можно дышать, но вот прикоснуться, поцеловать, расстегнуть блузку – нет, кощунство. Я очень боялся, что она отшутится или сделает вид, что не понимает, о чём я говорю. Но всё больше мне казалось, что Даша – мой новый светлый дом. И пока она улыбается мне, пока верит в меня, мне достаточно косухи, гитары и блокнота, чтобы записывать тексты новых песен. Всё остальное как-то случится, найдётся вино, тарелка супа и постель.

К вечеру, прогуливаясь по парку Шевченко, я решил про себя: в пятницу, шестнадцатого, уйду в поход с двумя ночёвками, а как вернусь – объясню Даше в любви, скажу, что у меня всё серьёзно, и будь что будет. Мне сразу стало легко. Я откупорил бутылку коньяка «Коктебель», сделал глоток из горла и протянул бутылку ребятам.

– Вадик, на днях один человек написал на электронную

почту, – сказал Гриша, принимая бутылку. – Ему попалась кассета с моими песнями, он сказал, что сделает из меня звезду рока. Только нужно в Москву переехать.

– Ух ты, круто! И как поступишь? Может, тогда лучше поехать не в Америку, а в Москву? Такие предложения бывают нечасто.

– Да я его послал. Сказал, что играю в лучшей группе мира.

– Слушай, ты вот так легко отказываешься от возможностей. А если из нашей группы ничего не выйдет?

– Вадик, знаешь, я недавно слушал концерт Iron Maiden. У них миллионы поклонников, платиновые диски, концерты. Но если взять нашу Вселенную – что для неё эта группа? Так, песчинка, мгновение. Или – чем наши с тобой жизни ценнее для Вселенной, чем жизнь этой белки на дереве в парке, где мы сегодня пьём? Молчишь? Вот-вот. Я думаю, что слава и успех ничего не значат, важен лишь тот кайф, который ты сам переживаешь. И он важен не для Вселенной, а для тебя лично и для меня, потому что ты мой друг. А остальное – картонные декорации, в которых мы живём и мечтаем. Сейчас для меня кайф – полететь в Сан-Франциско и там пить бурбон за здоровье Тони. И не быть в Москве странным ковбоем, идущим на компромиссы.

Мы выпили ещё коньяка. Гриша повернулся к Глебу.

– Глеб, ты верующий человек, вот и скажи мне. Куда уйдёт душа этой белки, когда она умрёт? Есть ли для животных

рай и ад?

– Гриша, в Библии сказано, что лев сядет в раю рядом с ягнёнком. Значит, Создатель не считает инстинкт льва, из-за которого он убивает ягнёнка, грехом. Все звери будут в раю вместе с нами.

– А если этот лев съест укротителя, будет ли это грехом?

Глеб задумался. Коньяк был выпит, и мы пошли за пивом. Когда покупали в ларьке «Славутич» с синей этикеткой, Гриша наклонился ко мне и по-заговорщицки шепнул:

– Вадик, я сегодня останусь у Глеба. Свои вещи уже закинул к нему. Решил сделать тебе сюрприз. Если я ошибся – не серчай, пожалуйста. Просто ты в последнее время какой-то мрачный стал, раздражительный. Тебе нужны простые мужские радости. Я сегодня тебя напоил, теперь иди домой – там твой сюрприз!

Мы обнялись, и я, пошатываясь, пошёл на маршрутку. Гриша явно пригласил домой какую-то девчонку. Испортит ли вечер с ней мои отношения с Дашей? Вряд ли. Я не знаю, как подступиться к её раю, к её хрустальному миру. Может, Гриша и прав, я слишком много живу в своей голове, стал опять вспоминать эту мерзкую секту. Надо развеяться, привести мысли в порядок, как раз и поход завтра начнётся. Поглядим, что там за сюрприз.

Дверь в веранду оказалась открытой, Гришин ключ аккуратно лежал на подоконнике. Комната оказалась освещена несколькими свечами, от света которых зажигались и созвез-

дия на потолке. В моей постели лежала Надя, и, когда я вошёл, она открыла глаза.

– Вадик, я очень соскучилась. Понимаю, как изводила тебя своей ревностью, но ведь нам было так хорошо вместе. Я не прошу о будущем, просто побудь со мной вместе сегодня, – и протянула ко мне руки. Одеяло соскользнуло на пол, я увидел сверкнувшую золотую цепочку на бёдрах Нади и почувствовал, что проваливаюсь в матовую чёрную бездну, у которой нет названия.

Глава 8. Кыл-Копыр

Я проснулся среди ночи от головной боли, которая началась от затылка и поднималась вверх глубокой трещиной. Надя спала, обнимая меня сзади. Её объятия были приятны, но с моей душой происходило что-то совсем не то. Нет, не стоило ложиться в постель с бывшей. По моей душе гуляли ветра из той же безрадостной страны, куда семь лет назад ехала наша с Ритой электричка. Не люблю вспоминать тот вечер, но сегодня, видимо, его время. Я высвободился из объятий Нади, вышел, голый, на холодную веранду. Головная боль начала стихать, и я достал бутылку пива из холодильника, открыл, сделал глоток. Оделся, присел с бутылкой на крыльцо. За цветущими весенними деревьями пронеслись огни пассажирского на Москву. В доме стонал Валентин. Я достал бензиновую зажигалку Zippo, подаренную Гришей, закурил. Да, в тот далёкий вечер мы сели в неосвещённый вагон.

Февральским днём я гулял с Ритой по Бахчисараю. Зимний город выглядел почти пустым, на что мы и рассчитывали. Во дворике Ханского дворца нам улыбались старики, кормившие голубей. В кафе других туристов не было – мы неторопливо пили душистый кофе с парвардой и медовой

пахлавой, а потом искали на узких улочках древние мавзолеи ханов.

Когда зашли в электричку, стоял уже поздний вечер. Вагон оказался совсем тёмным – только в противоположном его конце тускло горела одна лампочка. Мы сели друг напротив друга. Рядом застыли какие-то усталые люди, но из-за темноты они казались манекенами, и мы оба почувствовали острое желание поговорить откровенно.

– Милый, завтра у тебя день рождения. Но я хочу вручить подарок прямо сейчас. Я сама его сделала. Хотела непременно и придумать сама, но потом всё равно скопировала. Конечно, ты вспомнишь оригинал. Но знай, что я подражала искренне.

Рита протянула мне небольшой пакет с чем-то мягким, и я чиркнул спичкой. В моих руках оказалась чёрная вязаная шапочка с вышитой буквой «М». Восхитительный подарок, любимая попала в точку. Я поцеловал Риту, почувствовав, что девушка сильно волнуется.

– Мне правда нравится. Жаль, что я пока ничего не написал. Я обещаю тебе – обязательно сочиню роман, как только поборю всех своих демонов.

– Может, тебе стоит попробовать договориться с ними? Вадик, мой дорогой Вадик. Я подарила шапочку сегодня, потому что завтра, наверное, ты не захочешь со мной общаться. Знаю – не стоит портить тебе праздник, но не могу молчать больше. На днях я слышала по радио одну странную песню:

Он, наверное, хочет меня открыть,
Как простой чемодан, он знает одно:
Даже в самом пустом из самых пустых
Есть двойное дно.

Она впервые говорила так напряжённо, и я замер от дурного предчувствия.

– Мой милый, и у меня есть двойное дно, о котором ты не знаешь. И оттого, что я ношу в себе тёмный секрет, а ты боготворишь меня, говоришь всем, что мы – половинки Платоновской души, что нас свёл божественный свет, что наша любовь продлится и на небесах – я чувствую себя отвратительно. Мне нужно всё сказать, и будь что будет. Ты относишься ко мне как к священному сосуду, но я не чиста. До тебя у меня были отношения с другим парнем, и мы были с ним близки. Ты понимаешь, о чём я? Прости меня, если сможешь – что я не оправдала твоих высоких надежд.

Я сидел молча, потрясённый. Грезил о любви с Ритой под какими-то балдахинами в лесу, слушая птичьи трели; думал, что я впервые буду ласкать Риту, когда мои тело и душа договорятся между собой; думал, что я тоже буду у неё первым... А на деле... Нет, об этом невозможно было думать.

Мы сидели в темноте, окружённые картонными фигурами. За окном тускло вспыхивали огни, по стеклу ползли первые капли дождя. Может, мы сели не в тот поезд, который

повёз нас в чужое будущее? Но ведь Рита ясно сказала...

Внезапно я ощутил, что бреду по горло в липкой лжи, и она захлёстывает меня волнами, сбивает с ног и несёт куда-то. Ложь заставляет улыбаться, дёргаться в припадках бесконечных молитв, и без стандартного бормотания я не могу ни прикоснуться к девушке, ни поест, ни прочитать текст. Я как кукла на ниточках, которую ежеминутно дёргают – чтобы кукла смотрела вверх и молилась. Кукле и не нужно понимать, что происходит вокруг, не нужно жить в гармонии души и тела – нужно только пялиться в небо пуговицами глаз. Вдруг вспомнилось: я, третьеклассник, открываю книгу дяди, который приехал из Ленинграда. На картинке изображены два великана, к пальцам которых привязаны верёвки, а к верёвкам – дёргающиеся лилипуты. Человечки лишь думают, что живут, веселятся, играют, а на деле ими управляет великан. Снизу находилась подпись: «Люди – лишь игрушки в руках могущественных демонов».

Кто же управляет мной? Почему после того, как я прикнул к адептам Агни-йоги, моя жизнь стала такой мучительной? В ней нет никакой великой любви, только выдумка и экзальтация. Я и Рита – нет, мы не половинки единой души. Потому что мы не синхронны. Потому что есть эта мерзкая тайна. Потому что я видел в Рите отражение себя, а за зеркалом был другой, живой, человек.

А если и Махатмы Шамбалы – выдумка? Но так нельзя думать, это большой грех.

Хотя почему нельзя? Моя любовь рухнет прямо сейчас. Не всё ли равно, какая карма ударит меня в будущем?

Я прищурился.

Взяв поникшую Риту за руку, вышел из электрички, и мы побрели к остановке троллейбуса под мелким дождём. Всегда, когда наступала минута неловкого молчания, мне хотелось заполнить её чем угодно, бестолковой болтовнёй или хотя бы дежурной улыбкой – а сейчас я продолжал молчать, и это новое чувство мне нравилось. Так мы доехали до студгородка и дошли до общежития; уже у самых дверей я увидел мелькнувшую чёрную тень, услышал рычание, а потом почувствовал резкую боль в ноге.

– Чегевара, мразь! Пшёл прочь от людей! Что, укусил? Вот гнида! Вы не бойтесь, он не бешеный, домашний, только ебанутый слегка. Простите великодушно!

Выпивший мужчина в засаленной клетчатой кепке оттащивал от меня упитанного чёрного пуделя. Рита увидела разорванные штаны, кровь на асфальте и заплакала, потом схватила за руку и потащила в комнату – обрабатывать рану.

Через полчаса я вышел из комнаты девушки, деревянным голосом пожелав ей доброй ночи. Нога ныла – укус оказался довольно глубоким, но рана совершенно не волновала меня. Хотелось лечь в постель и пробыть в ней неделю; силы кончились, мой сверкающий мир рухнул, я чувствовал себя жалким и запутавшимся. В секции, погружённый в свои мысли, я вдруг наткнулся на Богдана и случайно выбил из его рук

стеклянный стакан, который со звоном разбился о пол.

– Да ты совсем охуел, фраер, кацапья морда! Смотри, что ты наделал, бык!

Я неожиданно почувствовал злость и понял, что больше не хочу её сдерживать.

– Да пошёл ты, козёл, пить надо меньше.

Богдан посмотрел на меня с изумлением.

– Ты скоро ответишь за всё, гад – и зашёл в комнату.

Я поднялся на четвёртый этаж, закрыл дверь на ключ и лёг на кровать, не раздеваясь. Так хорошо, что сегодня нет моих соседей – можно не заставлять себя общаться с ними. Смотрел на отклеившиеся обои, на календарь с изображением Казанской Богородицы. Внезапно в коридоре послышались голоса и хохот, а потом раздался громкий стук в дверь.

– Выходи, Леопольд, или дверь сломаем. Убивать тебя будем.

Я подошёл к двери и открыл её. Передо мной стояло шестеро парней – впереди Богдан, слева Чёрт. Справа стоял Рыжий – боксёр-левша, о подвигах которого знала вся общага. Имена ещё троих я не знал. И вдруг, глядя на эту компанию, я понял одно.

Все голоса внутри моей головы смолкли, все бесы пропали. Они притихли уже после разговора в электричке, но сейчас не было вообще никого – ни на люстре, ни за колонной, ни на моей спине. Никто не шептал в ухо. Если целью бесов, лярв и ещё каких-то тёмных существ было уничтожение

меня, то сейчас – лучший момент! Князь Тьмы может запросто убить меня руками этих выпивших парней, так почему же в моей голове – эта запредельная, снежная чистота? Почему черти не помогают хулиганам, не накидываются на меня из Тонкого мира?

Мория —гей? Нет? Нет, не работает!

Может, потому что все мысли всегда были только моими? Даже чёрные, богохульные – все мои! Мне никто не шептал. Я боролся с ветряными мельницами. А когда случилась настоящая, не придуманная жизнь, призраки сгнули.

И я улыбнулся.

– Что ты скалишься, идиот? Сука, да он издевается над нами!

И в этот момент я получил удар слева в глаз, меня отбросило назад в комнату, к шкафу. Звать на помощь было бессмысленно – парней с баяном боялась вся общага, никто бы не вышел. Я встал, пошатываясь, сделал шаг из комнаты и получил удар в ухо, упал на бок и снова встал. Во рту был вкус крови, левый глаз начинал опухать.

Богдан заговорил снова:

– Слушай, чудила, у тебя есть ещё один шанс. Ты сейчас умоешься и принесёшь нам из ларька водки. Начнёшь снова ржать, как идиот – ещё въебём, на лекарства всю жизнь работать будешь.

– Так ты ж меня убивать собрался, какие ещё лекарства? Убивай.

Я стоял в центре круга и не знал, откуда прилетит хук; выпрямил спину и смотрел на Богдана. Но почему-то никто не пытался больше ударить меня, все стояли молча, а потом Богдан тихо сказал:

– Я думал, что ты – непуганый лох, который почему-то выёбывается: смотрит на пацанов, как на говно, ходит в этом дурацком костюме, хамит. А ты стоишь сейчас передо мной, как казак, смотришь гордо и не боишься смерти, твои глаза сверкают. Что случилось?

– Сегодня я понял, что живу неправильно. Моя вера – ложь, моя любовь – выдумка. Но этой ночью мои проблемы закончились.

– Что ж, достойный ответ. По твоим глазам вижу, что ты стал самим собой. Теперь тебя никто из нас и пальцем не тронет. Братцы, принесите перекись и бадягу, надо обработать синяк. Снимай свитер, его Чёрт в холодной замочит, чтоб кровь откисла. Дай лапу!

Он пожал мне руку, потом по очереди ко мне подошли все пятеро, и никто не смеялся.

– Может, ты хочешь выпить?

– Хочу.

Я набросил на плечи куртку, и мы с Богданом вышли на тёмную кухню. Он протянул мне огурец и железную кружку с жидкостью, которая едва уловимо пахла яблоками.

– За твою новую жизнь, – сказал Богдан, мы чокнулись кружками, и я выпил всё до дна.

Горячая волна обожгла, колени дрогнули, и тут же стало тепло; голова пошла кругом, и я присел на подоконник.

– Ты давай закусывай, – Богдан легонько ударил меня в плечо кулаком, – удивил ты меня, севастополец. Налить ещё?

Я утвердительно кивнул. Богдан ушёл, вернувшись через пару минут с бутылкой и чёрным хлебом. Мы выпили по второй, и я вдохнул аромат ржаной корочки. На кухню вошёл Чёрт, включил свет, протёр мой висок ватой с перекисью, потом намочил тампон в зелёной кашнице, размазанной по блюду:

– Стой спокойно, дай я намажу.

Кашница на лице подсыхала. Мы с Богданом выпили по третьей.

– Ну всё, хватит с тебя. Заходи к нам завтра. Ты извини, если что. Но мне сейчас кажется, что ты сегодняшней с удовольствием набил бы морду себе вчерашнему, если бы так можно было.

Я улыбнулся.

– Богдан, дай закурить.

Парень расхохотался, достал из кармана пачку красной Примы-люкс, протянул мне сигарету, потом чиркнул спичкой и махнул рукой на прощание. Я затаился – и кухня поплыла, я только успел схватиться за водопроводную трубу. За окном вдруг хором закричали: «Шара, приди! Шара, приди!» А потом кто-то из соседнего общежития запустил одинокую ракету фейерверка. Я посмотрел на часы – их корпус

оказался разбитым, но часы шли и показывали пять минут первого. Сегодня мой день рождения. И первый, и второй – в один день. Я смотрел в окно на огни общежития напротив и думал о том, что сегодня началась моя живая, невероятная жизнь, в которой не будет места духоте, смирению и покорности. Что я ничего не знаю о мире за окном, но он точно не такой, как мне пытались рассказать на занятиях «Сообразительного». Что этажом ниже спит в своей постели смелая девушка, губы которой пахнут кофе с молоком. Захочу ли я ещё раз поцеловать её? Я пока этого не знаю. Я вообще не знаю ничего, кроме того, что с этого дня всё будет иначе.

Глава 9. Запрещённый перевал

Некоторые люди представляют себе сумасшествие романтично, как свободу от запретов и морали, когда танцуешь вприпрыжку на площади Ленина в одних носках, а тебя ловит всё милицейское отделение под смех и улюлюканье толпы, и на завтра смешные фото – в утренних газетах. Сходить с ума на деле – это трогать ручку двери и сомневаться, закрыл или показалось; это надевать ночью на голову коробку, изрисованную рожами, чтобы бесы не шептали; это лезть в дорожную сумку за блокнотом и прокалывать палец жирной рыбьей костью, неизвестно откуда там взявшейся. И когда вдруг пелена спадает и ты выходишь на свет с ясной головой, то начинаешь жадно жить и не хочешь отказывать в полноте впечатлений ни себе, ни другим.

Я не был безвольным человеком, когда увидел в своей постели Надю и не смог отказаться от её объятий. Меня накрыла волна живой жизни, которую после ухода из секты я всегда ставил выше теории, выше планов, выше схем. Это был почти животный инстинкт, и когда я отдавался ему, я чувствовал себя настоящим. Но наутро я вспомнил Дашу в холодном лесу – и мне стало так тоскливо, что я не смог дождаться, когда Надя проснётся и уйдёт. Пришлось разбудить и соврать ей, что мне нужно на работу.

Через полчаса после ухода девушки я уже шагал с рюкзаком к остановке троллейбуса. В разговорах крымских татар, живших в Симферополе, мне постоянно встречалась фраза: «Испытаю себя». Она имела совершенно конкретное значение – нужно было в одиночку подняться на Чатыр-Даг и там заночевать. Я бывал на этой горе не раз и постоянно видел таких людей вечерами на обрывах. Все они выглядели плохо экипированными или одетыми не по погоде. Моя жизнь съезжала куда-то в сторону, разрушалась, расплывалась, мне хотелось вновь придать ей форму и осмысленность, и я тоже решил испытать себя в одиночном походе, привести в порядок мысли. На Чатыр не хотелось. Накануне я вычитал в краеведческой брошюре про два древних перевала Ай-Петринской яйлы – Миэсис-Сохах-Богаз, название которого переводилось как «Запрещённый перевал», и Аскер-Кач-Атан, по-русски «Воин потерял крест». Если название первого перевала я кое-как запомнил, то второй топоним всё время забывался, пока я не придумал смешную сцену: качок аскает на заправке «Атан». Прихватив с собой ржавую «мосинку», завёрнутую в целлофан, я отправился покорять перевалы и разбираться со своей жизнью. Добравшись до села Родниковое в Байдарской долине, я вышел на Капуркайскую тропу и успел дойти до водопада, поставив палатку чуть ниже его, на каменном уступе. Речка образовывала полукруг у моей скалы, бурлила, шумела, наполняла воздух звоном, отгораживая лагерь от остального леса. Я развёл костёр, пожарил

сосиски, открыл бутылку с вином. Когда нам тяжело и одиноко, мы часто вспоминаем детство – там мы были под защитой родителей, бабушек и дедушек. Там под тенистой виноградной лозой стоял старый диван, на котором легко забывалось зло и так сладко мечталось. И в этот вечер у костра над рекой мне не хотелось думать ни о чём другом, кроме как о далёком лете из детства.

Лето восемьдесят восьмого года казалось таким бескрайним. Я оканчивал второй класс и с нетерпением ждал заветного дня 25 мая: в дневнике напротив этого числа виднелась надпись «Торжественная линейка», потом не было никаких записей, и казалось, что сквозь грубые коричневатые страницы проглядывает море с белыми барашками, поля, заросшие цветами, тропинки через лес. Хотелось смаковать каждый день каникул: у меня впереди целых три месяца беззаботного лета, но сначала – ещё шесть дней мая! После линейки, размышляя о грядущих приключениях, я стоял в коридоре школы на третьем этаже со связкой учебников, ожидая учительницу, чтобы сдать книги и получить табель, когда вдруг справа и слева возникли двое бугаёв, класса из шестого или седьмого. Один, жирный, придавил меня к стенке своим животом, я почувствовал неприятное дыхание и подумал, что бугай ленится чистить зубы. Второй прохрипел: – Бабки есть?

Какой нахал! Да как он смеет так говорить о них?

–Есть. Две. Но только не бабки, а бабушки. А зачем тебе эта информация?

Хриплый отшатнулся и посмотрел на жирного:

– Слушай, он лунатик, ну его.

И ушли по коридору. Свиньи какие-то. Я обожал своих бабушек и не мог позволить, чтобы кто-то говорил о них грубо. Мои каникулы всегда проходили по такой схеме: я ехал к бабушке Маше, гостил у неё два-три дня, потом к бабушке Зине и лишь потом домой. Через несколько дней цикл повторялся. Исключением было время, когда родители покупали мне абонемент в кинотеатр «Дружба», и я каждый день ходил в кино к 10:30.

Бабушка Маша жила на Красной горке, и к ней мы с братом Львом приезжали на жёлтом «Пазике» номер 29. Перед зелёной калиткой росла раскидистая вишня, за забором виднелись фруктовый сад, огород и маленький белый домик с крыльцом, затенённым виноградной лозой. Домик стоял рядом с небольшой площадью, где находилась конечная остановка, поэтому, уезжая от бабушки, можно было до последнего сидеть в веранде и смотреть через занавеску, не мелькнул ли в окне жёлтый автобус. Дедушку я никогда не видел – он умер вскоре после войны, и бабушка осталась одна с тремя детьми. Поэтому, как и многие люди, прошедшие через ад, она была очень спокойной и ничего не боялась. Кроме нас со Львом, у неё гостили ещё трое внуков и две внучки. Нам бабушка разрешала всё: рыться в старых сараях в по-

исках клада и даже забирать с собой найденное – выгоревшие журналы «Польша», старые пластинки, странную одежду из шестидесятых. Мы объедали кусты малины, смородины и клубники, залезали на вишню, включали черно-белый телевизор в гостиной, выхватывали с тарелки только что пожаренные блинчики. Валялись на «олежках», мягкой перине в бабушкиной спальне, покрытой покрывалом с изображением трёх оленей, выходящих на залитую солнцем опушку. Нам даже разрешалось не спать всю ночь и приманивать ночных насекомых на свет старой керосиновой лампы. Существовал только один категорический запрет. В бабушкиной спальне, рядом с «олежками», висела странная деревянная картина, очень маленькая – помещалась на ладони; она крепилась к стене при помощи выгнутого гвоздика. На картине были изображены бородатые мужчины в белом, которые стояли на холме и глядели на такого же бородатого мужчину, парящего в воздухе. На головах у них виднелись космические шлемы, нарисованные схематично, но вот одежда совсем не походила на скафандры космонавтов.

– Бабушка, кто этот человек в небе и почему он летает?

– Внучек, это Бог. Он всех нас создал, живёт на небе и следит за нашей жизнью, помогает каждому.

Мне сразу вспомнился другой человек, о котором мне часто рассказывала вторая бабушка, Зинаида Васильевна. Который тоже был ласковым и добрым, обожал детей, создал мир вокруг нас и внимательно следил с портретов, чтобы мы,

октябрю, исполняли его заветы.

– Бабушка, Бог – он как Ленин?

Бабушка задумалась и перестала улыбаться.

– А можно я с этой картиной поиграю?

– Нет, нельзя.

Я был потрясен. Бабушка Маша впервые ответила: «Нет».

Строго оберегаемая картина сразу обрела в моих глазах мощь и волшебную силу. Теперь каждый раз, заходя поваляться на «олежках», я косился на Бога, жившего на картине.

Волшебство таилось и за зелёной калиткой. Всего триста детских шагов, и передо мной – место свободы, Степь. Каждый раз я выходил из веранды на конечную остановку, поворачивал за телефонную будку, жёлтую, с выбитыми стёклами, проходил мимо забора тёти Шуры и дяди Вити к тенистой каменной лесенке. Выбегал на холм и видел Степь, а также два острова из деревьев – лесопосадки. В первую, состоявшую из невысоких сосен, меня отпускали одного под честное слово, если старший брат в это время был занят. Я умел держать слово, доходил до края леса и смотрел вдаль на вторую посадку – высокую, шумевшую на ветру далёкой мечтой. По обе стороны от пыльной дороги росли сухие травы и колоски, которые набивались в сандалии и больно кололись. В Степи водились бабочки, которых я коллекционировал, поэтому всегда брал с собой сачок и старую, но прочную мамину сумку через плечо, куда укладывал бумажные конвертики для переноски трупиков бабочек и банку из-под

майонеза – если мне вдруг попадётся гусеница или куколка. Когда приезжал дядя, мы шли с ним по грибы во вторую посадку или ещё дальше: где-то там, в просторах Степи, затерялась далёкая Максимова дача, но мы никогда до неё не доходили. У дяди имелось трофейное ружьё, мы брали его и ходили на охоту, а потом, принеся перепёлок домой, выкладывали их на скользкую клеёнчатую скатерть и искали в тельцах дробь, пачкая пальцы в запёкшейся птичьей крови. Мы приносили Степи смерть, забирая у неё бабочек и перепёлок. Но я понимал, что Степь всё помнит и возьмёт своё назад: я узнал, что ни один бабушкин кот или пёс не умер дома. Когда приходило время, звери ночью убегали со двора, и больше их никто не видел. Позже, повзрослев, я думал о той необыкновенной свободе бабушкиного мира, когда пёс живёт не на цепи и может однажды уйти умирать в Степь, избавив хозяев от мук похорон, отдавшись в своём последнем побеге великой свободе Степи.

У бабушки Маши жил любимый кот Мурзик – чёрный, с белой манишкой. Мурзик никогда ничего не крал со стола, даже если стол ломился от деликатесов, а хозяйева выходили из кухни. Однажды кот упал в бочку с соляркой, после чего лишился шерсти, ослабел, а потом исчез. Мама плакала и говорила, что котик ушёл в Степь умирать. Через год вся семья собралась отмечать юбилей бабушки – семьдесят лет. Шумели, смеялись, пили вино. Вышли под виноградную лозу перекурить и сфотографироваться. Вдруг я вижу – по крыше

соседского дома идёт кот, перепрыгивает на крышу сарая, потом на козырёк над дверью, на бетонную дорожку, медленно подходит к нам. Чёрный, с белой манишкой, шерсть густая и лоснится. Живой Мурзик! Где-то жил год, лечился, как будто не хотел обременять нас своей болезнью. Это был лучший подарок бабушке на день рождения. После возвращения котик прожил ещё несколько лет, а потом снова ушёл в Степь, уже навсегда.

Бабушка Зина жила в новостройке – красивом девятиэтажном доме. К ней нужно было ехать с пересадкой: сначала на двадцать девятом автобусе до площади Революции, а потом на троллейбусе номер десять до Центрального универмага. Лев редко ездил со мной, ему больше нравилось у бабушки Маши – в одной из пристроек стоял столярный станок.

В комнате у бабушки Зины царил строгий порядок: у окна стоял дубовый шкаф с собраниями сочинений Гончарова, Тургенева и Алексея Толстого; правее – сервант, заполненный посудой для праздников, который венчала модель подводной лодки Северного флота, запечатанная в оргстекло. С балкона второго этажа виднелось море. На тяжёлом полированном столе всегда лежали свежие газеты и бабушкины очки: бабушка давала мне время поиграть, а потом всегда что-то читала или рассказывала историю. У окна стоял чёрно-белый телевизор, рядом с ним – проигрыватель пласти-

нок, очень старый, но рабочий. У него была двойная пере-
ворачивающаяся игла: тонкая для обычных пластинок на 33
и 1/3 оборота и толстая – для грамофонных на 78 оборотов.
Я пытался слушать на нём пластинки, добытые в сарае ба-
бушки Маши, но эта музыка мне не нравилась, в отличие от
пластинок бабушки Зины: я очень любил «Песенку фронто-
вого шофёра» и слушал её в каждый свой приезд, пока не
разбил пластинку; ещё мне нравились весёлые частушки про
Манечку, которая уехала в город учиться на агронома, но не
доучилась, вышла замуж, «разорвала связь с народом» и по-
лучила от колхозников пожелание «жить уродом».

Ещё мы с бабушкой слушали радиоточку, но она меня пу-
гала – ведущий постоянно ставил песню, в которой задорный
женский голос пел про подвиг и смерть Винни. Синий-синий
Винни ложился на провода, и я зажмурился, представляя,
как лопается и горит его кожа от прикосновения к высоко-
вольтному электричеству. Почему он выбрал именно такую
смерть, в песне не говорилось, но было отчётливо ясно, что
парень спас жизнь героине песни: в куплете пелось про меч-
ту и чьи-то глаза. Оставался только один вопрос – почему
же Винни синий? Как-то на улице я увидел пьяного, а по-
том услышал разговор двух женщин: «Совсем синий этот му-
жик!» Стало понятно, что Винни перед подвигом много вы-
пил водки – ведь и героям бывает страшно. Когда по радио
передавали эту песню, я смотрел на реакцию бабушки, но
она оставалась совершенно спокойной, видимо, привыкла.

В коридоре стоял огромный платяной шкаф, в котором висели дедушкины пальто, серое и чёрное. Дедушка умер три года назад, но бабушка никак не решалась раздать его вещи. Я очень любил трогать дедушкины ордена и кортик, но, когда просил рассказать бабушку о войне, она всегда отказывала мне. Я не мог понять, почему – ведь по телевизору почти каждый день подолгу рассказывали о партизанах, авиаконструкторах и тружениках тыла.

Зинаида Васильевна позволяла мне стоять ракетный крейсер – сооружение из стульев, табуреток и покрывал. Папа говорил бабушке каждый раз:

– Мама, Вадик уже все стулья поцарапал, зачем ты ему разрешаешь строить эту халабуду?

– Сынок, пусть внук играет, ничего страшного.

Я постоянно совершенствовал ракетный крейсер, переделывая его то в самолёт-штурмовик, то в атомную подводную лодку, а бабушка уходила на кухню – жарить пирожки с капустой, варить картошку и делать из неё пюре с мясной подливкой.

Иногда я выполнял важное поручение бабушки – носил газету «Известия» глухому дедушке из соседнего дома, матросу с погибшего «Новороссийска». Линкор подорвался на донной mine и затонул в 1955 году на глазах всего города в Севастопольской бухте, большая часть экипажа погибла. Дедушка Лёва любил сидеть на скамейке у входа в пятиэтажку, положив рядом с собой массивную трость. Он никогда ниче-

го не говорил, только улыбался сквозь белоснежную бороду и крепко жал мою руку, когда я клал газету рядом с его тростью. Бабушка рассказала мне о причине его глухоты: так я узнал о контузии.

Иногда к старому моряку я ходил с Игорем, одноклассником. Игорь называл себя поклонником фильма «Чужой», рассказывал мне, что посмотрел на видеокассетах все серии, которые одна страшнее другой: «Чужой», «Чужая», «Чужое», «Чужие» и ещё какие-то, названия которых он забыл. Игорь одевался как металлист: цеплял на джинсовую курточку десятки значков, на брюки – цепочку. Он презрительно отзывался о песнях, которые мне нравились: «„Песня фронтового шофёра“? Да это же совок отсталый!» Про совок было непонятно, но спросить, что это, я не решался.

Однажды Игорь позвал меня играть с мальчиками в Робин Гуда. Из оружия у бабушки нашлась только деревянная гимнастическая палка, которую я решил использовать как дубину. Игрой оказался охвачен весь район: мальчики с самодельными луками сидели в кустах, высматривая, не появились ли враги, рыцари. Вот из подвала Почты выбежал худой парень с длинными волосами, и я услышал шёпот: «Это он, Робин Гуд!» Парень раздавал приказы направо и налево, но на нас с Игорем даже не посмотрел, крикнул: «Все к катакомбам!» И мы побежали. Катакомбами называли глубокий ров, в стенах которого располагались входы в разрушенные казематы. Мальчики рассказывали, что во время войны фа-

шисты пытали там советских солдат. Внезапно я увидел рыцарей, они убегали прочь. Я погнался за мальчиком в красном пластиковом шлеме и настиг его на краю обрыва. Мы были одни, бой сместился куда-то далеко, но это не имело значения. Я мог столкнуть этого рыцаря вниз, и тогда мы точно победили бы, навсегда. И Робин Гуд принял бы нас с Игорем в лучники. Эта мысль оказалась такой сладкой, что я крепко сжал палку и сказал:

– Прощайся с жизнью. Я сейчас тебя сброшу в ров, и ты умрёшь, паршивый рыцарь.

Мальчик побледнел и хотел сделать шаг назад, но спохватился.

– Ты что? Мы же играем!

Я замешкался, и в этот момент мальчик ловко нырнул под мою гимнастическую палку, бросился наутёк к зданию почты, не оглядываясь. Больше я никогда не играл в Робин Гуда.

Бабушка Зина развивала во мне страсть к коллекционированию: мы высматривали в киосках «Союзпечати» марки и открытки, покупали самые интересные, потом раскладывали их по альбомам. Думаю, так бабушка хотела отвлечь меня от собирания насекомых, которое казалось всей нашей семье опасным: я постоянно рвался один в Степь, возился с иголками и даже попросил по телефону тётю из Москвы, медсестру, чтобы она привезла мне банку с эфиром – усыплять бражников. Но однажды, придя в гости к Игорю, я увидел на

его столе свежесклеенную модель бомбардировщика Ту-2 и пропал: решил собирать коллекцию моделей военных самолётов в масштабе 1:72. В новое увлечение я сорвался, как в прорубь прыгнул: прогулки стали неинтересны, всё свободное время проходило за поклейкой и покраской пластмассы. Однажды утром я попытался встать с постели и упал, потом меня начало тошнить. В больнице врач задавал странные вопросы – какой клей я нюхал, надевал ли мешок на голову. Оказалось, в моей крови нашли ацетон. Когда меня, обессиленного, вели по тускло освещённому коридору больницы, я слышал шепоток: «Наркомана повели!» Но опасная слава пришла ненадолго – хулиганы из палаты быстро определили для себя, кто я такой.

– Эй, Заммис! Чего валяешься, ботаник-коллекционер? Хватит изображать ломку! Слушай! А у тебя... бабки есть?

Я очнулся от воспоминаний, когда начал замерзать. Костёр почти потух и паялился на меня из-за камня кровавым глазом угля. Над палаткой с истошным криком пролетела сова. Я выпил вина, выкурил сигарету и забрался в спальник.

Проснулся на рассвете освежённый, сварил кофе и отправился дальше по тропе. Лес был моим другом, и он в очередной раз освободил от тяжёлых мыслей: теперь всё наладится, я спущусь ненадолго в город, чтобы забрать Дашу с собой – в мир цветущей яйлы, в край мшистых камней и чистых рек. Древняя тропа забиралась всё выше по ущелью. Она появи-

лась задолго до Римской империи, построившей мощёную дорогу за горой. В те времена Капуркайская тропа считалась резервной: если основной путь занимал враг, его можно было обойти вот такой лесной тропкой и ударить в тыл. Я уже запасся водой из реки и теперь собирался дойти до перевала Шайтан-Мердвень, потом повернуть на восток. Подходя к лесной развилке, я услышал собачий лай, а потом заметил двух бородатых мужчин в камуфляже, с ружьями. Лесники имели право выписать мне штраф, ведь пожароопасный сезон уже начался и посещение леса было под запретом, поэтому я обратился к бородачам очень вежливо.

– Добрый день. Подскажите, дорога на Чёртову лестницу направо?

– А ты в курсе, чудачок, что сейчас в лесу месячник тишины? Звери размножаются, а ты их пугаешь, гад. – Зло бросил один из них и поднял на меня двустволку. В этот момент я заметил, что никаких нашивок с государственным флагом у него на рукавах нет.

– Мужик, ты опустил бы ружьё, – ответил я спокойно. – Если я и нарушаю режим посещения леса, стрелять в меня не стоит.

– Да я таких бродяг, как ты, на месте стрелял бы и прикапывал, – повысил голос бородач. – Шумят, всех зверей зашугали, мешают нам вести подсчёт поголовья.

Его напарник захохотал:

– Семёныч, ну хорош, пусть парень идёт своей дорогой. В

другой раз сюда не сунется.

Потом обратился ко мне:

– Слушай, дружище, ты вот по этой балке налево съёбывай, а направо не ходи, нам там учёт вести.

Я молча повернул в балку и ещё несколько минут чувствовал спиной неприятные взгляды. «Браконьеры, – крутилось в голове, – не лесники. Лесник никогда не направит ружьё на туриста. Да и какой, нахрен, месячник тишины с псиной и ружьями». Приподнятое настроение улетучилось, я чувствовал себя подавленным, но понимал, что выяснять отношения с вооружённым бандитом – так себе идея. Правда, у меня с собой было ружьё, но оно, к сожалению, не стреляло. Инцидент не только испортил настроение, он стал паршивым знаком. Время, когда моё рерихнувшееся сознание воспринимало любую мелочь как знак свыше, давно миновало, но особенно яркие события я брал на заметку. Ведь если Бог всё-таки жив и действует, он может так проявлять себя. Эта теория была из той же сумеречной зоны, откуда и леший, и магический мат, и ружьё из дупла. У меня не находилось ответов, что это и как с этим взаимодействовать, но я надеялся когда-нибудь узнать.

Первый перевал, Миэсис-Сохах-Богаз, оказался настолько красивым, что ко второму я не пошёл. Спуск вниз начинался с каменного оврага, дно которого покрывала сыпучая порода, и над тропой нависала огромная каменная голова демона с острым клювом. Фигура словно охраняла проход,

уоставившись на путника: видимо, именно из-за этого татары назвали перевал Запрещённым. Вдали, за скалами, виднелся древний отторженец – гора Биюк-Исар, на вершине которой в Средние века располагался феодальный замок.

Дальше тропа терялась в узкой каменной щели. У меня оставалось совсем немного воды, поэтому я решил посидеть у обрыва, а потом спуститься для ночёвки к озеру у горы-отторженца. Край яйлы полнился жизнью – по цветкам ползали пчёлы, а над головой пел жаворонок. Я наблюдал гармонию и очень хотел, спустившись в мир, привести свою жизнь в её подобие. Мне предстояла ещё одна ночь под звёздами, ночь размышлений.

Слушая жаворонка, я начал спуск по тропе и пожалел, что из-за жары надел не ботинки, а кеды – каждый осколок скалы больно впивался в ступню, да и плоская подошва плохо держала на сыпучем грунте. По каменной полке подошёл к щели: здесь не лишней оказалась бы верёвка. Пришлось сбросить вниз рюкзак и съезжать по гладкому камню. Спрыгнув с последнего уступа, я поднял с земли рюкзак и осмотрелся: вниз, под высокие сосны, убегала уютная лесная тропа, засыпанная шишками. Теперь можно расслабиться, перевал пройден. И я пошёл вниз по тропе.

Всё-таки китайские кеды и шишки – это плохое сочетание. Всё случилось за секунду: вот я шагаю, предвкушая запах дыма от вечернего костра, и вот я уже валяюсь в известняковой пыли, скорчившись от боли. Левая нога распухла

на моих глазах: похоже, я сломал лодыжку, поскользнувшись на шишках.

У меня не было времени переживать и каяться. Я выкинул из рюкзака котелок и тяжёлую куртку, хлеб, тушёнку, бутылку с вином. Забросил под сосну ружьё, сказав про себя: «Как же ты ненавязчиво забираешь своё, Леший». Плотной обмотал лодыжку банданой, прикрепив к ноге ветку. Сделал посох, надел рюкзак, бросил прощальный взгляд на оставленные вещи. До темноты оставалось два часа.

Глава 10. Чёрная карма

«Я – радастея! Ты – радастея! Мы – радастея!» – Пелагея сидит на каремате, скрестив ноги по-турецки, под огромной сосной на обрыве мыса Мартьян. Под шумящими на ветру деревьями – две палатки и очаг, сыпучая тропка ведёт на каменистый пляж, который отлично просматривается из лагеря. Девушка весь день поёт нам под гитару песни Визбора, Кима, Городницкого, а сейчас у неё, как говорим мы с Маричкой, сектантская пятиминутка. Пелагея приехала из Костромы неделю назад и подошла к нам на ялтинской остановке междугороднего троллейбуса – посоветоваться, где отдохнуть у моря дикарём. Маричка предложила ей ехать с нами в заповедник. На девушке, кроме парео, ничего нет: придя на стоянку, она сняла с себя всю одежду, оставшись только в синих шлёпках, но потом, заметив наши смущённые взгляды, достала из рюкзака это оранжевое парео. Впрочем, соседи по стоянке, польские студенты, такие же бесстыжие – бородатого Йозефа я ещё не видел в одежде, а у его подруги, Марвины, белый сарафан очень короткий, и когда девушка наклоняется к сковородке с шкворчащими на огне мидиями, хочется отвести взгляд. Вот и провокационный сарафан сброшен – Марвина, доверив сковородку другу, идёт голышом к морю, купаться. Только мы не раздеваемся: я бы, на-

верное, и загорал без ничего, но Маричке эта идея не нравится, поэтому я в труснях; вслед за полячкой тоже спускаемся к морю. Мы с Маричкой – закадычные друзья, хоть и видимся очень редко. Она наблюдала весь мой процесс перевоплощения из рерихнутого сектанта в нормального человека – как я начинал хипповать, отращивал волосы и бороду; впервые в жизни пробовал вино; брал первые аккорды на гитаре. И поверила, что я изменюсь. Наши любимые сигареты – красная «Прима-люкс»: прикуриваю первую Маричке, потом себе, и мы беседуем, усевшись на огромном гладком камне, в который бьёт волна. Сейчас конец июня, но морская вода совсем тёплая. Мы расслабленно любимся облаками, затаиваясь, и смотрим на купальщиков. Вот наша бесстыжая краковская соседка нарезвилась в волнах и, улыбаясь, выходит из моря. Она очень красивая – длинные каштановые волосы, с которых стекают на бёдра струйки воды, высокая грудь, игривый юный взгляд. Модель для объектива Дихавичюса, без сомнения. Мы улыбаемся в ответ. Маричка говорит, выпуская дым:

– Вадик, а расскажи ещё раз историю про БГ и Шевчука? Которую ты в книжке про «ДДТ» прочёл?

– Сидит как-то БГ в «Сайгоне», накинув белый бараний полушубок на плечи, и потягивает мартини. Вдруг слышится шум и грохот, распахиваются двери, и в зал падает мертвецки пьяный Шевчук в чёрной кожаной куртке. Борис говорит: «А вот пришла моя чёрная карма!»

– Отлично! Давай договоримся: я – твоя чёрная карма! – девушка обнимает меня. – И если ты решишь вновь читать оккультную бредятину, я тотчас приду и выбью дурь из твоей головы. Напою вином, напущу «Примой» дыму, книжки эти злые повыкидываю!

– Мне нравится твой подход. И я тоже обещаю, что, если твой ум поработит какая-то гадкая идея, я тебе всё как есть скажу, как бы ты ни ругалась. И если прогонять меня начнёшь – не уйду. Я тоже – твоя чёрная карма! Идёт?

– Идёт!

Мы захватили полотенце и отправились в лагерь, из которого по горячему воздуху разливался аромат жареных мидий. Пелагея сидела на том же месте, отложив гитару.

– Эй, Поля, это мы – твоя чёрная карма! Мы идём ужинать!

Девушка вскочила, округлив глаза, и убежала в лес. Мы поняли, что перегнули – ведь Пелагея ходила в секту «Радастея» и, видимо, шутку не оценила. Я хорошо помнил, как это – прислушиваться к каждому звуку, задумываться над любой фразой, сказанной незнакомцем, и даже в форме облаков находить знаки высших миров. Анализировать общение с друзьями, размышляя, с кем ты развязываешь кармические узлы, а с кем, наоборот, вязнешь в трясине Сансары. Бояться читать книги, потому что Уринова снова сказала в воскресение, на коллективной медитации: «Эти книги ещё больше привяжут вас к грубому физическому миру. Читайте

«Агни-йогу», друзья! Читайте с утра, как только проснётесь, настраивая тело на огненные токи. Читайте на ночь, готовя сознание для встречи со своим высшим «я», а не астральными призраками. Читайте на свидании, вместо того чтобы предаваться похотливым игрищам. Читайте Учение, и будете в Шамбале вместе со мной!» И как хорошо было послать эту полоумную сучку ко всем чертям, и остальных оккультных сто-рух вместе с ней. Прийти на Симферопольское водохранилище ранней весной и проверить, хорошо ли горят три синих тома «Агни-йоги», если полить их бензином и поджечь. Разливать портвейн по стаканам друзей в тёмной каморке напротив филфака и знать, что не нужно молиться ни сегодня вечером, ни завтра утром, ни вообще никогда, – всем этим Владыкам Шамбалы с бесчувственными кривыми лицами, ведь Рерих совершенно не умел рисовать людей. Я не понимал только одного – как вся эта оккультная чепуха сочеталась в Пелагее с её милейшим эксгибиционизмом, когда она с улыбкой разгуливала голой среди одетых людей, ведь наша гуру настойчиво подавляла любые проявления эротизма. Может, версия сектантства от «Радастеи» была более мягкой, а может, девушка умела сочетать несочетаемое – я этого не знал, но мне очень хотелось помочь ей выбраться из болота. И вот мы неудачно пошутили, Поля сбежала в лес и совершенно неясно, как мы будем общаться дальше.

Тем временем, стемнело, с моря потянуло прохладой. Йо-

зеф накинул на плечи клетчатый плед, его красивая подруга нехотя надела свой сарафан. Ужин остывал, но без Поли не начинали. Я взял фонарик и пошёл в лес. Ночь была лунной, пьянила, завала плыть по серебряной дорожке к горизонту, пить вино и вытворять глупости. Мне хотелось найти Полю и сказать ей: «Ты такая красивая и замечательно поёшь. Давай сожжём эти глупые книги. Оставь их старости, женщинам, которые красят веки синим, мешают Второй концерт Рахманинова с первым томом „Тайной Доктрины“, и от этого коктейля наутро только изжога. А от красного сухого вина всё будет хорошо – и крепкий сон, и желание дышать». Я нашёл девушку на каменистом берегу – она стояла по колено в лунной дорожке, словно пытаюсь напитаться ей, набраться сил, чтобы противостоять колючему миру вокруг. Поля заговорила первая, продолжая стоять ко мне спиной.

– Я сидела и смотрела на море, когда вдруг рядом появилась белка. Я улыбнулась – ведь белка есть символ колеса Сансары. Эта встреча не случайна – Мироздание говорит мне через символ, что я должна буду родиться как минимум ещё раз. И в этот момент Маричка кричит мне, что вы – моя чёрная карма! А имя «Маричка» знаешь, что обозначает? Конечно, нет, дурачок. Ведь ты даже не понимаешь, куда идёшь, где твоя цель! Куда ты скачешь, мальчик, кой чёрт тебя несёт? – и вдруг улыбнулась ласково, обернувшись.

– Имя «Маричка» – это украинский вариант имени «Марина», что значит «морская».

– Ты – двоечник! Не от «Марина», а от «Мария», это восточнославянский вариант. Имя называет человека, который всегда говорит правду. Медиума, вербализирующего токи пространства. И эта девушка кричит про чёрную карму! Это значит, что каждый раз, родившись, я буду встречать вас. Вы будете пить своё мерзкое вино, смеяться над моими святынями, тянуть меня вниз. Но я хочу в Мир Огненный, понимаешь?

– Поля, когда я ушёл из секты Агни-йогов, то как будто удавку с шеи снял. Словно сбросил с плеч мешок с кирпичами. Поэтому говорю, не могу молчать, когда вижу такую же петлю на твоей шее. Ты такая хорошая, а эти псевдо-боги и псевдо-учителя беснуются в твоей голове. Мне бы хотелось помочь, но... Это твой выбор, вольный или нет, но твой. Прости, если сделал больно.

Пелагея смотрела куда-то вдаль и вверх, в лунном свете я увидел её профиль и вздрогнул – так она была хороша.

– Ты бы лучше себе помог, – ответила она тихо. – Я хорошо запомнила твои слова про Владыку Морию. За них в ответ и придёт чёрная карма, которая, как каток, вот-вот раздавит тебя, разорвёт, рассеет молекулами по вселенной. Такие слова нельзя говорить про Высших, про Учителей! А я не хочу, чтобы ты сгинул.

– Поля, все мои ласковые эпитеты, обращённые к этой компании махатм, – просто форма речи. Как можно всерьёз проклипать того, кто не существует? Владыка Мория живёт

только в твоей голове, да ещё в голове Марченко и прочих сектантов. И, если ты перестанешь бояться этого персонажа, он исчезнет. Сломаются все эти перегородочки, стеночки, засовы и замки в мозгу, и все страхи, трепет, этот раболопный взгляд недостойного червя снизу вверх на задницы Владык Шамбалы – всё смоеет океан, ты начнёшь дышать. Просто глубоко дышать, чувствовать весну и запахи трав, дождь и ветер. Ты ведь такая по сути, ты – стихия, ты – море. Не любишь носить одежду, тебе нравится гулять голышом. Почему же твоя душа вся стянута обручами? Ты читаешь свои магические книги, проснувшись и засыпая, твердишь мантры, всё время смотришь куда-то за облака, как будто Марченко неусыпно следит за тобой с неба, хмурясь. Но у неё нет никакой абсолютной власти над тобой, пока сама не позволишь. И у Мории нет – потому что нет никаких Владык Шамбалы. А ты – есть. Тёплая, живая, красивая, нежная.

Девушка молчала. Я разделся, зашёл в воду, взял Полю за руку, мы нырнули, а потом медленно поплыли по лунной дорожке.

– Поля, я монах-расстрига, который твердил днём и ночью Иисусову молитву и долбил в скале пещерного монастыря выемку для своего будущего гроба. А продолбил дыру вовне, увидел травы, солнце и пар от земли, услышал птиц и шелест осенних листьев, взбунтовался и убежал. Я больше не раб, и не буду им до смерти. В тот день, когда я вырвался, я сказал себе, что буду помогать таким же запутавшимся, как я,

людям – искать свет. Что мы найдём его вместе, или вместе умрём.

– Ты красиво говоришь, монах-расстрига. А если ты ошибся? Помнишь, как написано: «...горе тому, кто соблазнит малых сих». Ты соблазнишь меня, я поверю, а потом нас будут судить, – Поля была совсем рядом и почти шептала в ответ, глядя прямо в глаза: – Почему ты решил, что прав?

– Потому что я был в аду при жизни – как будто в моей груди колючки и иглы, а в голове злые голоса и вой. И чем больше я делал, как нужно по книгам, тем злее были голоса. А теперь я живой, чувствую гармонию в себе и в мире вокруг меня. И если Иерархия Света вдруг действительно существует, то она не от света. Она душит жизнь, любовь, наполняя нас страхом. Если все эти Владыки всё-таки существуют, я буду повстанцем, бунтарём, буду ломать эту гадость до конца.

– Имя тому, кто бунтует против Иерархии Света – Люцифер, Князь мира сего. И в его руках всё земное, все радости плоти. А правда огненная – она неудобна, она обжигает. Ты не смог принять Огонь, и хулишь его, превознося сиюминутное, плотское, майю! – Пелагея отплыла в сторону и начал говорить громче: – Иди к своему князю, бунтуй с ним вместе, но Шамбалу не сокрушить! Токи огня пронзят тьму, и Армагеддон грядёт.

– Поля, моя хорошая, как же ты боишься! Ты всё смешала в кучу! Любить мирское – это быть под властью денег, славы,

лести! Это не про травы, птиц и ветер! Огонь, о котором ты твердишь, – это и есть ад, и он уничтожит тебя.

– Ты – разрушитель! Чёрный медиум, который внушил себе, что он атеист! Но я вижу твою суть, уходи прочь! – крикнула девушка и поплыла брасом к берегу.

Я тоже вернулся на берег, оделся и побрёл по тропинке. В лагере пили вино, и Йозеф сразу протянул мне стакан. Пелагея пришла через полчаса и молча полезла в спальник, расстеленный на каремате у моей палатки. Я решил спать в гамаке, который пустовал у поляков: надел серую пайту с капюшоном и джинсы, забрался в гамак, прихватив с собой бутылку с вином. Звёзды над кронами сосен начали вращаться всё быстрее. Засыпая, я услышал, как на берегу запела под гитару Маричка. Это была песня моего тёзки, барда Егорова:

Не торопи. Всему свой срок. Не торопи меня ни в чём.
Всему свой счёт. Как ни крути – из девяти не выбить сто.
«Спешите жить», – сказал мудрец. Я этой мудрости учён.
Я верил ей, я так спешил. А толку что? А толку что?

Не торопи. И так полжизни поскакали на рысях.
Загнать коня – мы эту блажь оставим божьему гонцу.
Куда спешить, когда дожди уже осенне моросят,
И август тает на глазах, и лето близится к концу!

Передо мной мерцал в ночи лица любимого овал.

К нему влеком, я от него спешил неведомо куда.

И, торопясь, в чужих домах послушных женщин раздевал.

И, торопясь, хватал такси, глотал вино, листал года.

Но это лето подкралось, лучами южными маня, —

Я им пресытиться не смог, я в нем купался, как в раю,

И моря Чёрного качель качала медленно меня,

Прохладной струйкою цедя в меня медлительность свою.

Не торопи. Опять прибой солёной пылью окропи.

Когда ещё вдохнуть удастся этот бриз береговой...

Шалунья смерть срывает нас, как ветер крыши со стро-

пил, —

Поди узнай, когда дохнёт она над нашей головой.

Нам восемь дней ещё кутить под этим звёздным шала-

шом,

Нам восемь дней ещё коптить свои ленивые тела,

И в серебристую волну бросаться ночью голышом,

Цедить вино, сходить с ума – и все дела, и все дела!

Не торопи. Всему свой срок. Не торопи меня ни в чём.

Всему свой счёт. Как ни крути – из девяти не выбить сто.

«Спешите жить», – сказал мудрец. Я этой мудрости учён.

Я верил ей, я так спешил. А толку что? А толку что?

В лагере уже все спали, и я понял, что девушка пела не людям, а прибою, звёздному небу, тёплому ветру. Лету, которое промелькнёт, но останется с нами навсегда.

Мы сидим с Маричкой на берегу и смотрим на море, покрытое барашками. Временами нас окатывает брызгами и морской пеной. Пелагея загорает в стороне – она не хочет с нами разговаривать. Мы прощаемся с мысом Мартьян – скоро соберём рюкзаки и разъедемся.

– Вадик, полтора года назад ты ушёл из своей ужасной секты, и это замечательно. А ты когда-нибудь придёшь ко Христу? Вообще-то я купила крестик, зная, что ты крещённый в детстве, но не рискую дарить его без твоего согласия.

– Разве можно в начале пути знать, куда я приду в конце? Путь как раз хорош тем, что новый его поворот всё меняет.

– Скажи, а тебе не страшна вот такая свобода, почти абсолютная? Не молиться, не носить крест, жить как хочешь? У тебя нет ни Библии, ни иконы – только ветер в кронах сосен всегда с тобой.

– На самом деле, икона у меня есть. Но это иное. Икона моей бабушки. Когда бабушка умерла, все родственники собрались в доме под виноградной лозой, в последний раз. Дом готовили к продаже, и правнуки, внуки, дети и друзья прощались с ним – каждый хотел взять с собой какую-то одну вещь на память. И у меня не было сомнения в том, что забрать с собой. Потому что, когда я увидел эту икону впервые,

я впервые и услышал слово «Бог». Я не уверен, что он есть на самом деле, но, если Бог существует, он очень добрый. Вряд ли Создатель осудит меня за то, что я живу, как ветер в соснах. Хотя, если честно, мне всё больше нравится общаться с атеистами. Я встречал в их взглядах удивительное спокойствие – они понимают, что впереди лишь несколько десятков лет и никакой вечной жизни, но это знание не наполняет из души ужасом. Они не боятся невидимой кары, потому что её не существует. Их не мучает страх перед адом. Они не боятся, что их мысль материальна и может убить кого-то невзначай, или того хуже, что мыслить они не могут, а лишь, как антенны, притягивают готовые образы из пространства. Их умы не стонут под напором невидимых демонов – и можно заново открывать мир, находить красоту в камешках пляжа и рассветных облаках, не считая их бледными тенями мира идей.

Неожиданно мы заметили дельфинов, метрах в ста от берега. Они обедали, зажав со всех сторон косяк рыб, выпрыгивали из воды, не обращая внимания на купающихся людей. Я вспомнил военный дельфинарий в Казачке, где в советское время дельфинов обучали выслеживать и атаковать диверсантов, и думал о том, как всё-таки хорошо тем живым существам, кого люди не поймали и не обучили дурацким шпионским играм.

– Маричка, ещё я хотел сказать тебе про идею перевоплощения, как я вижу её теперь, когда начал думать, а не прини-

мать головой-антенной готовые мысли из пространства. Да, я уверен, вся проблема в том, что люди не задумываются, как это – родиться заново. Оккультисты говорят, что мы не помним свои прошлые воплощения, но наши действия, мысли, желания, образ жизни оседают в некую «чашу» и влияют на то, какими мы будем в новом теле. Чем же это лучше материализма, который говорит, что наши дети наследуют гены, привычки и даже иногда таланты? Что толку в перевоплощении, если я не могу сохранить память! Вот я в десять, а потом в двадцать лет – и это два совершенно разных человека. С тем десятилетним мальчиком меня объединяет лишь имя и понимание цепочки событий, которые изменили мою личность. Я могу посмотреть на мир его глазами, но всё равно буду чувствовать, что вырос из того сознания. А у оккультистов – новое тело, новое имя, новые родители, новая страна – почему все принимающие закон перевоплощения так легко верят, что получают в новом теле своё драгоценное «я»?! Если подумать, то материализм оказывается интереснее оккультизма – ведь мои дети получают не только мои гены и определённые склонности, способности – но и часть моей памяти! Они будут помнить истории из моей жизни, имена предков, названия городов и стран, дорогих мне. А если я сумею рассказать всё ярко и образно, дети никогда не забудут эти истории и передадут их моим внукам. И ещё – если жизнь одна, мы её ценим. А если думаем, что у нас сколько угодно жизней, мы не уважаем ни жизнь, ни смерть.

– Ты говоришь как человек, отринувший всех богов и хочущий на руинах храма. Мне нравится твоя живая мысль. Но я соглашусь лишь частично, потому что для меня один из этих богов настоящий, и я верю в него. Про перевоплощение – согласна. Пусть будет единственная жизнь.

Маричка обняла меня, мы снова закурили. Пелагея встала с гальки, красиво потянулась, расправила длинные волосы, но её лицо осталось непроницаемым. Накинула парео, бросив на нас долгий взгляд, и пошла по тропинке в лагерь.

– Вадик, я знаю, что ты записался на лето вожатым в детский лагерь. Как вернёшься в конце августа – сводишь меня в какое-нибудь интересное место в Севастополе, где я ещё не была?

– О, я знаю, куда мы пойдём. Я слышал про один странный маршрут. Это Тропа пьяного матроса. У нас на Горке, в самом центре города, есть несколько тенистых двориков, и в один из них матрос, которому остопиздела служба, сбегает ночью в самоволку, переодевается в штатское, спрятав форму в кустах сирени, пьёт вино из горлышка – до дна. И гуляет всю ночь так, что утром просыпается лежащим на простынях рядом со сладко спящей незнакомой девушкой. Через занавески слепит солнце, и сквозь остатки хмеля матрос понимает, что его уже хватились на службе – и всё пропало. Но говорят, что такой случай – самый простой. На этой тропе с человеком может произойти что угодно, ведь под Севастополем – целый подземный город с узкими ходами времён Пер-

вой и Второй оборон. Заходишь в бесконечные катакомбы – и попадаешь другое время, в другую эпоху, в конце тоннеля находишь вдруг не мирный ночной город, а вой сирен, пикирующие «Юнкерсы» и сползающие в облаке пыли взорванные стены домов; или вдруг другая картина – просоленное побережье, гречанка, высматривающая вдалеке тугой парус лодки, возвращающейся в Корсунь. Я хочу так потеряться в своём городе, чтобы переродиться душой, угодив в дикую, невероятную историю. Ну что, попробуем сходить?

Маричка рассмеялась:

– Вадик, тебе Пелагея говорила, что я вещаю правду и только правду. И вот как заправский медиум я тебе скажу – лучше придумай для нас другой маршрут.

– Ты не веришь, что я найду Тропу пьяного матроса?

– А зачем тебе искать эту тропу? Ты ещё ни разу в жизни с неё не сворачивал.

Глава 11. Последний урок

Помню, как я метался по севастопольской квартире с костяной ногой, как зверь по клетке. Шёл к балконной двери на костылях, прислонял их к цветному витражу, садился на старый стул, прикуривал от любимой бензиновой зажигалки. Балкон стеклили в конце девяностых два алкаша за ящик водки, они и притащили откуда-то этот витраж, вмонтировав его в балконное окно. Картина изображала прекрасную купальщицу с длинными золотыми волосами, беззастенчиво стоящую в морской воде вполоборота. Красавица смотрела пронзительно, прямо в душу. Неизвестный художник подглядел образ девушки в кинофильме, который показывали в моём отрочестве ночью по чёрно-белому телевизору.

Я курил, глядя на просыпавшийся город, потом возвращался в комнату и падал на диван, глядел в потолок. У Даши в доме не было телефона, и я не мог с ней связаться. Через три дня из переговорного пункта позвонил Глеб, который отыскал мой севастопольский телефон на обложке демо-кассеты. Я попросил его зайти к девушке, рассказать ей о переломе и передать мой номер. Но прошла уже неделя, а Даша не звонила. Телефонный аппарат стоял в коридоре, и чтобы снять трубку, нужно было взять костыли и пройти несколько шагов к трюмо. Я боялся, что девушка позвонит,

когда буду курить на балконе, – не успею взять трубку. На десятый день дождался. В наш разговор врвался ветер и шум дождя, и я мгновенно представил любимую стоящей в облезлой будке таксофона. Слушал голос и думал, что я мог бы сейчас гулять с ней под этим холодным дождём. Сквозь помехи мне удалось расслышать странную историю: в ту ночь, когда я сидел у костра над рекой, Даша вдруг обнаружила себя в одной ночной рубашке на школьном стадионе. Она тут же вернулась домой, но так и не смогла вспомнить, как вышла из дома. Больше Даша не звонила.

Гипс сняли в понедельник, десятого мая. Я был уверен, что уже во вторник сорвусь в Симферополь, но хирург, разрезая гипс, закашлялся, а потом ответил:

– Какой ты резвый. Ногу надо приводить в порядок, она три недели не ходила.

Нога, действительно, выглядела странно – казалась непривычно худой и немного посинела.

– Прописываю тебе процедуры и лечебную гимнастику, восстановление займёт четырнадцать дней.

Мне пришлось подчиниться – ходить было больно, пришлось попросить у соседней трость. Я стал исправно посещать кабинет лечебной гимнастики, пропахший несвежим потом, катал ступнёй по ковру бутылку, а за столом листала журналы равнодушная медсестра лет сорока. Стол находился у распахнутого окна, через которое в старый кабинет, крашеный разохшейся синей краской, втекал горячий майский воздух,

но несвежий запах от матов на полу всё равно не выветрился.

Через две недели больная левая нога порозовела и внешне уже почти не отличалась от правой, и я наконец мог ехать. По пути зашёл в «Медоборы» – только там продавались тво-рожные торты с апельсиновой начинкой.

– Девушка, – обратился я к продавщице, – скажите, этот тортик доживёт до вечера? Мне его нужно отвезти в Симферополь.

– Сейчас жарко, в автобусе может и скиснуть, – прищурилась брюнетка в коричневом фартуке. – Езжайте лучше на такси.

Рядом с автовокзалом, у паровоза «Смерть фашизму», по-сменно дежурили таксисты, поэтому я без труда нашёл машину, в которой уже сидел один пассажир – грузин с проседью в бороде. Он скептически наблюдал, как я, нежно придерживая коробку, закидываю в багажник чёрную дорожную сумку.

– Нэ доведеш, дорогой! Слюшай, я имею с собой бутылку «Хванчкары». Из Гори везу, между прочим! Давай выпьем, тортиком твоим закусим. Сегодня одна любовь, завтра дру-гая, а такого вина в этом городе нету.

Я промолчал в ответ, и грузин отвернулся к окну. Началась тополиная аллея, и белый пух влетал в салон «семёрки», щекотал в носу; потом алым сверкнуло маковое поле, показался Бахчисарай. Через час я, забросив вещи во времянку,

уже шёл по знакомой улице к Даше. Асфальт заканчивался у школы, дальше была просёлочная дорога, посыпанная гравием. В Дашином переулке лежала уже просто земля, раскисшая после дождей. Обходя огромную лужу, я прижимался к шершавому дощатому забору и наконец вышел к маленькой садовой калитке, позвонил. В тени яблони стоял низкий маленький дом с просторной деревянной верандой, между домом и зелёным забором виднелся серый квадрат земли. Три окна были плотно зашторены. Потом одна из занавесок дернулась, и через минуту на крыльцо вышла заспанная Даша – в белой растянутой футболке. Мы обнялись, и я почувствовал касание её нежной груди через тонкую ткань.

– Ты меня разбудил, – буркнула девушка, принимая торт, – я вообще-то собиралась валяться до вечера.

– Прости. Я не смог бы так долго ждать. Всё хочу спросить: почему перед твоим домом ничего не растёт? Какой-то серый газон вместо огорода.

– Вот и помоги вскопать, – улыбнулась девушка. – Но сначала – кофе.

Я присел на табурет в залитой солнцем веранде и наблюдал, как Дашенька достаёт чашки, засыпает в медную турку кофе и заливает водой, ставит на плиту. Она уже успела где-то загореть.

– Подозреваю, что ты на выходных ездила в Николаевку с подружками. Как водичка в море, нагрелась?

– Ты про загар? Нет, на море ещё не ездила. Пока мама

в санатории, я не одеваюсь, когда работаю в саду, вот и загорела.

– Совсем не одеваешься?

– Вижу, у кого-то разыгралась фантазия. Зачем мне одежда в собственном саду?

– О, а как к твоему внешнему виду относятся соседи?

Даша улыбнулась:

– Да мне пофиг.

Присела напротив меня, поставив на стол две ажурные чашки, потом начала разрезать торт.

– Даша, уже так много времени прошло с нашего похода на Чатыр-Даг, а мы с тобой ещё не поговорили серьёзно.

Девушка отложила мельхиоровый ножик, прикоснулась к моим ладоням, взяла их в свои.

– Вадим Викторович, я знаю, что ты хочешь сказать, но не нужно. Тогда был отличный день. И я рада, что ты сегодня пришёл, что нога больше не болит. Ты очень хороший, мне с тобой так легко и интересно. Но на ночном стадионе я вдруг поняла, что у нас ничего не получится. Я не знаю, почему. Просто всё прошло. Я вижу, как ты рвался ко мне, как хотел сделать приятно. Прости.

В дальнем углу стола зажуужал мобильный телефон, которого я раньше не видел, и я вдруг понял, что Даша могла позвонить мне в любой момент, если бы захотела. Она начала писать кому-то эсэмэс, улыбаясь, слегка прикусив губу, нажимая на клавиши не пальцами, а кончиками алых ногтей.

И клавиши телефона были уже немного стёрты.

Через час я вернулся домой, купив в киоске бутылку вина. Я знал, что во всём виноват сам, что поправить уже ничего нельзя, можно только смириться. И напиться, разумеется. На крыльце дома курила Валентина.

– Здравствуйте. Вам Глеб передал, что я получил травму и поэтому не приезжал? Я вернулся сегодня днём, готов заплатить за май.

– Здравствуй, Вадим, – неторопливо ответила Валентина, выпуская дым. – Платить за май не нужно. Тебе пора съезжать. Валентин умер в больнице неделю назад, и я начинаю готовить дом к продаже.

– Послушайте, я договаривался с Валентином об аренде до конца июня, потом ухожу в отпуск. Мне сейчас будет сложно найти жильё на месяц.

– Перекантуешься у кого-нибудь, вот проблема. Да, ты договорился с человеком, но он умер – и правила изменились. Давай, мотай удочки. Сегодня воскресенье, даю тебе три дня на поиски квартиры. Ключ можешь в дверях оставить.

Потушила окурок о крыльцо и бросила в огород, взяла сумочку, вышла за калитку.

Сказав себе мысленно: «Это очередной сраный тупик», я поднялся на крыльцо, включил свет. На столе стояла пустая бутылка из-под пива, которую я не убрал после ночи с Надей. Рядом лежал томик Набокова. Книга распухла от влаги – кто-то вылил на неё жидкость и выдрал часть страниц.

Рядом валялась моя бритва Gillette, забитая чёрной щетиной. Здесь явно орудовал Валентин, последний раз собираясь в больницу. Очень неприятно, когда твою вещь берёт в руки чужой человек. Ещё противнее было видеть поруганную «Машеньку». Я зашёл в комнату. Гитару, к радости, никто не трогал. Надо мной горели созвездия, нарисованные фосфором, и стихи сложились мгновенно. Я набросал два куплета и припев, подстроил гитару, выпил вина из горлышка и начал петь.

Небо над моей кроватью, были дни, улыбалось мне.

Вечностью сны на память, жизнь без дверей и стен.

Мы каждый день улыбались теплу, выпав из дней, где готова роль.

Где-то за кадром шла наша жизнь – шаг в поля за привычной канвой.

Если нет другого пути – остаётся жить.

Если нет другого пути – осуждён забыть.

Прощай, я лежу без сил, я невесом.

Моя судьба бежит вперёд – облезлым псом.

Небо над моей кроватью закрыто бетоном, коврами, людьми.

Сны – такие душные пятна, в них так тускло мерцают огни.

В них несбывшееся смотрит в упор, и я возвращаюсь
опять,

Отягощённый привычным злом, не повернувший реки
вспять.

Если нет другого пути – я буду ждать.

Если нет другого пути – собраться и встать.

Спрячу глубже тот тихий свет, скрою боль.

Открою окна, войду в свой день – жаль, что не с тобой.

Допев, я отложил гитару и, не снимая обувь, лёг на по-
стель. Последний поезд на небо ушёл по лунной дороге, вда-
ли гас стук его колёс. Но берданки уже нет. И звёзды не на-
стоящие, нарисованные. Правда, есть Дашина фотография и
полбутылки муската.

Кабинет директора наполнился светом, который отражался
от ореховой мебели, от грамот в стеклянных рамках, пере-
прыгивал солнечным зайчиком на графин и шариковую руч-
ку. Директор говорила монотонно и сухо, перечисляя мои
прегрешения.

– Вадим Викторович, коллектив недоволен вашей работой
в этом году. Мало того, что мы, поручив вам два года назад
классное руководство над примерными детьми, наблюдаем
сейчас вместо воспитанных школьников компанию троечни-
ков и избалованных хамов. А что с внеклассной работой?

Сегодня – двадцать четвёртое мая, завтра – последний звонок. Спектакль поставить уже не успеете. Пока вы лечили в Севастополе свою ногу, мы были вынуждены объясняться с методическим отделом, что спектакль не состоится.

– Вы хорошо знаете, что я отсутствовал по уважительной причине, у меня есть справка из больницы. Кроме того, вам известно, что комиссия по аттестации положительно оценила мою работу – как классную, так и внешкольную. Спектакль мы с детьми поставим в начале следующего года.

– Вы поставите в следующем году три спектакля. «Федота-стрельца» и ещё два новых – вы же видели методический план на следующий год! И, пожалуйста, не думайте, что ваша дружба с районо вам поможет отлынивать от обязанностей. В этом году я привлекаю вас к сдаче выпускных экзаменов старшеклассниками. И подумайте в течение отпуска, как оптимизировать свою работу, чтобы в следующем году её не провалить.

Я зашёл в свой пустой класс, снял пиджак и присел на стул. Они всерьёз думают, что я хочу стать директором этой несчастной школы. От этого и неприязненное отношение. Работать как раньше уже не получится. Значит, война. А если смогу победить? Тогда я должен буду принести всю свою жизнь в жертву. Но в феврале мне исполнилось двадцать пять, в армию меня уже забрать не могут, да и трёхлетняя отработка диплома завершена. Зачем держаться за школу? Зарплата ничтожная, нагрузка большая, отношение дирек-

ции скверное. Я могу теперь найти ту работу, которая избавит от необходимости проверять тетради по ночам, откроет мне весь мир. Захочу – накоплю денег и поеду к Грише в Сан-Франциско. Что же меня держит здесь? Я думал о раскисшей весенней дороге, о тенистой яблоне и доме в три окна. И о том, что момент упущен, что счастья с Дашей у меня уже не будет. Оставались только глаза моих шестиклассников.

Выйдя из школы, я отправился к Глебу. Через три часа мы уже сидели во дворе у моей временки, держа в руках по бутылке с вином. Развели небольшой костёр у забора, жарили сосиски на прутиках. Глеб внимательно выслушал меня.

– Вадик, я, кажется, понимаю, о чём ты думаешь. Что тебя догнала чёрная карма.

Я рассмеялся.

– Ты не угадал. Сейчас я принимаю внешние удары, но внутри свободен и спокоен, а в секте было наоборот: моя жизнь протекала безоблачно, но весь ад находился внутри. Агни-йога, представляя своих последователей как праведников и носителей культуры, делает их ущербными душой, лишает воли и счастья, поэтому её учение не может отражать суть мира, его законы. Следовательно, и справедливой кары за отказ от этого учения быть не может. Если за обретение свободы я должен понести наказание, то духовные владыки этого мира – подонки, деспоты и сволочи. Ну или второй вариант ответа – что мои нынешние беды никак не связаны с

тем, что я пошёл против этих йогов.

– Вадик, тогда тебе нужно искать другую причину проблем. Помнишь «Перекрёсток» Макаревича? Ты где-то не там свернул, выбрал неверную дорогу. Может, ещё не поздно всё исправить.

– Дружище, я свернул не туда, снова переспав с Надей.

– Вадик, ты прости, но я не помню, чтобы ты раньше этим парился. Я думал, ты живёшь со строчками «Есть одна любовь – та, что здесь и сейчас, есть другая – та, что всегда».

– Да, не парился. И думал, что так можно, ты прав. Но получается, что в какой-то момент два человека оказываются на одной радиочастоте, которую не хочется выключать. А отношения с другими партнёрами создают помехи, перебивают эту частоту. Можно быть отличным лжецом, и любимая никогда не узнает об измене, но ваша связь будет всё хуже. Даша не знает о том, что Надя приходила ко мне в гости, но чувства Даши ко мне исчезли. Это значит, что нашу жизнь определяют эти радиоволны. Или внутренние течения. Реки, соединяющие тех, кто любит. И если один предаёт, второй чувствует. Без слов.

– Вадик, есть один способ снова наполнить реку, вернуть любовь. Помолись. В силах Бога и не такое исправить.

– Глеб, не приму ничьей воли над собой, даже его воли. Меня несколько лет ломали сто-рухи, управляли разумом, пытались заставить меня жить так, как хотят они. Пусть после смерти Бог, если он есть, судит. А я буду честным, буду

жить так, как сам хочу. Я отвечаю за свои поступки, пусть они кривые и дурные, понимаешь? И я не хочу отравлять свои дни страхом ада, страхом кары, страхом нарушить его волю.

– Может, именно так сейчас и проявляется его воля?

– Эй, это уже софистика пошла. Давай лучше выпьем!

Мы допили вино и перешли к коньяку. Пили прямо из горлышка, не закусывая.

– Глеб, я не могу больше оставаться в этой школе, она меня душит. Скажи, если я завтра напишу заявление – это правильно?

– Вадик, я думаю, так надо поступить.

– Ну тогда в этом костре мы сегодня будем жечь прошлое. Я начну со своих черновиков. Пусть останутся лишь те стихи, что стали песнями, остальные – в огонь!

Я сбегал во времянку за двумя пухлыми тетрадями, на которых был изображён звездочёт, приподнимающий полог миров, и сжёг их. В костёр полетела поруганная «Машенька», какие-то грамоты и календари. Когда все вещи были собраны, я вынес во двор сумку и гитару.

– Может, ты хочешь как-то отомстить этой твари? – сказал Глеб. – У тебя в очках сейчас играет такой яркий блик от пламени, ты похож на пиромана. Давай сожжём времянку?

– Господи, Глеб, ты же христианин. Нет, конечно. Пойдём лучше за пивом.

Я зашёл в кабинет директора перед торжественной линей-

кой и молча положил на стол заявление. Во рту было очень сухо, меня немного мутило, хотелось минералки. Директор прочитала и подняла на меня глаза.

– Вадим Викторович, очень жаль. А заявление вам нужно переписать, добавив следующую формулировку: «Прошу уволить меня по собственному желанию в связи с переездом в другой город на постоянное место жительства». И после линейки, когда соберёте ваших детей на итоговый урок, скажите им, что уходите. Я не буду вас нагружать приёмкой экзаменов, послезавтра заберёте документы, расчёт – и ступайте себе в новую жизнь.

Директор понимала, что увольнение учителя, который хорошо проявил себя при аттестации, вызовет вопросы району. А формулировка «переезд на постоянное место жительства» снимала все вопросы. Я молча переписал заявление и вышел на линейку. Одиннадцатый класс стоял у порога школы, рядом с трибуной. Краем глаза я видел, что Даша смотрит в мою сторону, но мне не хотелось встречаться с ней взглядом. Был ветреный день, и флаг шумно хлопал, пытались сорваться в небо причёски и белые банты. Что-то говорили в дрянной кашляющий микрофон, потом старшеклассники танцевали вальс, и Даша прошла в танце совсем рядом, вальсируя с высоким юношей из её класса. После линейки все пошли по классным комнатам, и мои шестиклассники быстро расселись, ожидая начало короткого урока, на котором не будет проверки правил и домашнего задания.

– Ребята, мои любимые ученики. У нас сегодня итоговый урок. Поговорим о том, чему вы научились за этот год и что вам предстоит в следующем. Но сначала я хочу прочитать вам своё любимое стихотворение. Его изучают в старшей школе, и может так получится, что в одиннадцатом классе вам будет преподавать литературу кто-то другой. А я хочу, чтобы вы слышали эти стихи от меня.

– Вадим Викторович, – начала Алиса возмущённо, даже не подняв руку, – не говорите так! Мы с вами будем до выпуска, пообещайте сейчас же!

Я обвёл взглядом притихший класс. Одиннадцать мальчиков и семь девочек. Библиотека в шкафу у дальней стены. Картина «Пушкин в селе Михайловском». За окном – ласковая, манящая тень платанов. На пригорке стоит дом, и моя ученица Маша, девятиклассница, постоянно прогуливающая уроки, покрывает белилами каменный забор. Она уже измазала в краске и лосины, и клетчатую рубашку.

Я сделал шаг от окна к доске и начал читать Гумилёва наизусть, глядя на свежий венок из одуванчиков в руках Алисы.

Шёл я по улице незнакомой
И вдруг услышал вороний грай,
И звоны лютни, и дальние громы,
Передо мною летел трамвай.

Как я вскочил на его подножку,
Было загадкою для меня,
В воздухе огненную дорожку
Он оставлял и при свете дня.

Мчался он бурей тёмной, крылатой,
Он заблудился в бездне времён...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон.

Глава 12. Каркаде

Всё, что произошло потом, было как будто не со мной. Дети плакали, узнав о заявлении на увольнение, потом их родители пытались меня отговорить. Через день я получил трудовую книжку и расчёт. Очнулся уже на автовокзале. Все мои вещи поместились в чёрную сумку, рядом лежала гитара в чехле. Автобус на Севастополь всё не приезжал. Две симпатичные девчонки, смеясь, курили у Mercedes-Sprinter, который отправлялся до посёлка Форос. На точно таком же автобусе шесть лет назад я ехал в летний лагерь после нескольких дней на мысе Мартьян, проведённых с Маричкой и Пелагеей, и искрящееся за окном море манило, обещая летнее приключение.

Я вышел из автобуса, свернул под бетонный козырёк остановки, прячась от полуденного солнца. Поставил сумку на скамейку, достал пачку Camel и зажигалку, закурил. За кромкой Ай-Петринской яйлы начиналась синева июньского неба. На исполинской каменной глыбе Байдаро-Кастропольской стены приютились сосны, они походили на альпинистов, карабкающихся вверх по скале. Забросив сумку на плечо, я взял гитару, перешёл через дорогу, ведущую в Форос, и начал спускаться по склону к искрившемуся внизу мо-

рю. Крымские вожатые, которые приезжали в детский оздоровительный лагерь уже не в первый раз, обычно шли здесь, по узкой тропе вдоль жёлтой газовой трубы – идти через проходную всем было лень. Знакомая дырка в заборе – и вот уже сквозь кусты видна кухня столовой, там гремят кастрюлями. В нашем корпусе окна нараспашку, кое-где сушатся купальники и полотенца, через одно из окон видно, как девушка в чёрных трусиках, лёжа на животе, читает книжку. Спускаюсь по заросшей плющом лестнице. У крыльца под раскидистым платаном стоит Майк, высокий улыбчивый англичанин с маленькой бородкой, и беседует с садовником. Я помню Майка с прошлого лета.

– Hey, Mike! Glad to see you!

– Vadim! What a surprise!

Подхожу, жму ему руку. Из педагогов он самый открытый и общительный. Мы садимся на скамейку в тени платана, Майк рассказывает. Англичанам в Форосе понравилось: первый летний сезон прошёл успешно. Будет много нового. Большой пляж. Новые программы для школьников. Хотят выкупить пустующий ресторан и сделать в нём паб для вожатых (смеётся).

Майка позвала жена, и он убежал. Я не спешил – работа начиналась завтра с приходом новой смены. Сегодня буду загорать и курить у моря. Завтра к вечеру придут автобусы – они привезут из Киева школьников, которые решили провести каникулы у моря, изучая язык. Большинство вожатых

– киевские студенты и студентки, нас же, крымских, в этом году всего двое: у Оксаны очень хороший английский, а я знаю горные тропы – директору понравились мои однодневные маршруты на Ильяс-Кая и Шайтан-Мердвен. А вообще, англичане не любят нанимать местных, считают их лентяями и любителями выпить.

Лагерь английской школы стоит отдельно от других корпусов, и скаутам не рекомендовано контактировать с другими отрядами. Обычный, украинский отряд видно сразу: дети держат вожатых за руку. В английской школе это недопустимо, любое прикосновение – сек. Но зато много послаблений: купания по свистку нет, сиди только на пирсе и смотри, чтоб никто из детишек не утонул; подростки спокойно отходят за корпус или в лесочек – курят там, приносят в рюкзаках из Фороса крымское вино, ночью с девочками пьют, отбой – формальный. Все украинские отряды в том году завидовали. Ведь директор англичан – неформал, играет на саксофоне по киевским клубам! А вот и он собственной персоной, на балконе. Поднимаюсь, здороваюсь с Джеком. Он копается в холщовом мешке, набитом компакт-дисками. Наконец-то послушаю звук не с кассеты, а с фирменного лазерного компакт-диска. Ого – Led Zeppelin, R.E.M., Oasis. Мне повезло!

У англичан прослеживалась довольно странная логика расселения вожатых: все иностранные преподаватели, а также киевляне селились в главном корпусе, там же находились и комнаты скаутов. Крымчан же решено было селить

в стороне, вместе с вожатыми остального лагеря: то в деревянных домиках, которые сильно нагревались от полуденного солнца, то в странном здании с колонным залом, заставленном железными кроватями. Я приезжал в этот лагерь уже второй год подряд и прошлым летом жил в колонном зале с вожатыми из Днепропетровска, которые привезли с собой магнитофон. Их староста ворвался в музыку Nirvana, взяв у меня кассету. Каждое утро начиналось с песни «Rare me, my friend» – вожатые тут же вскакивали с коек и начинали бегать по комнате, напяливая на себя майки, а я закрывал голову подушкой, потому что мне к девяти, а им к восьми.

– Вадим Рейган, распишись вот здесь, – буркнула кастелянша и протянула постельное белье, – твой домик номер 13. Это вверх по тропинке через дубовую рощу, возьми ключик.

Я взял простыни с расплывшейся синей печатью и пошёл в домик номер 13. «Domik», как писали в своих планах англичане, оказался замечательным, хоть и жарким: деревянным, крашеным тёмно-зелёной краской, с просторной верандой. Моими соседями стали на редкость тихие вожатые из Харькова: они приходили глубокой ночью и без слов валились в свои койки, не включая свет. Поставив сумку с вещами у кровати, я взял кассетный плеер Casio, включил U2, повернул ключ в ветхом замочке и пошёл по дорожке к морю. Штормило – сквозь ветки деревьев я видел белые барашки на волнах. Вспомнил, как прошлым летом повёл детей в Форос на пансионатский пляж – там в кафе предлагали отлич-

ное мороженое. Мы не знали, что человек, сидящий на конце пирса, сделан из железа, и замерли, увидев, как огромные волны окатывают его с головы до ног. Вот-вот его должно было сбросить волной – а он всё сидел. Нужно обязательно проведать старого знакомого!

Спустившись к главному корпусу, я свернул с дорожки, ведущей на лагерный пляж, прошёл мимо столовой и через маленькую калитку шагнул за территорию лагеря на узкую тропинку. Сразу за столовой начинался участок дикого побережья – покаты́й холм, поросший жухлой травой, а на берегу лежали огромные валуны, чередовавшиеся с хаосом более мелких. Если пройти по берегу дальше – попадёшь на галечный нудистский пляж, который все в Форосе знали. Мне хотелось одиночества, поэтому я выбрал относительно гладкий камень в стороне от тропинки, разделся и растянулся на нём. Нашупал сигареты, закурил. Надо поставить себе цель. Я хочу купить хорошую гитару и американские струны к ней. Напишу песни о секте и победе над безумием, о крымском солнце и жажде воли. А потом я соберу группу, мы начнём играть по выходным в пабе, запишем альбом, который пошлём в Питер Шевчуку. Юра позвонит среди ночи и пригласит в гости. Вся общага тут же соберёт нам деньги на билеты, мы прилетим в назначенный день, станем пить с Юрой водку на ленинградской кухне, а за окном полетит снег, и сквозь метель будут проглядывать жёлтые квадратики окон. И станет так тепло, как бывает только тогда, когда на улице

зима, а ты за одним столом с легендарным музыкантом – и он, шурясь, улыбается тебе сквозь сигаретный дым.

Когда я проснулся, догорал закат, и я понял, что пропустил ужин. Пока я спал, рядом со мной, метрах в десяти, на огромном камне расположилась красивая семья nudистов: мужчина наливал в бокалы красное вино, женщина с длинными чёрными волосами, закрывавшими её грудь, читала книгу, а девушка лет шестнадцати, их дочь, – стояла на краю камня, и закат блестел на её маленькой груди, на загорелых бёдрах, на щеках, как будто вынуждал девушку застесняться – но она совсем не стеснялась.

На следующий день я получил фирменную футболку с логотипом английской школы, кепку и зелёную папку формата А4. К вечеру позвонили с КП, что автобусы въехали на территорию, и вот уже жёлтые фары сверкнули из-за поворота. Смена началась. Среди подростков я узнавал хитрые лица прошлогодних скаутов – они, помня расслабленную атмосферу лагеря, вернулись в надежде отвести здесь душу. Но их ждал неприятный сюрприз – вечером на общем сборе Джек зачитал правила летней школы, сделав вид, что правила всегда такими и были. Видимо, с ним в Киеве провели разъяснительную беседу – рассказали, что иногда бывает, если мальчики и девочки ходят по ночам под кипарисами и в рюкзаке у них вино, а в головах – ночное купание. Итак, дети и подростки теперь ходят по территории лагеря только в сопровождении вожатых. Отбой в десять вечера, и никаких

закрытых дверей – шпингалеты сняты, дежурный может без стука войти в любую комнату. Что значит «если не одеты»? Дома будете голыми ходить! В Форосе вожатые должны контролировать все покупки скаутов, рюкзаки проверяются на входе в здание. Купание в море – два раза в день, когда дежурит спасатель – и скажите спасибо, что без свистка. По-русски и по-украински общаться только между собой – к вожатым и учителям обращаться исключительно по-английски.

Я видел, как румынец сошёл с лиц всех подростков. Вот ко мне подходит волосатый шестнадцатилетний Шурик, с которым мы так замечательно орали под гитару на крыше главного корпуса год назад.

– Вадик, слушай, а я ехал и думал, что мы вечером с тобой выпьем – белого или красного? И что теперь делать? Слушай, поведи нас завтра в Форос за мороженым – мы хоть вина там на разлив купим!

– Купим, Шурик, купим, – кивнул ему я. – Вижу по твоему лицу, что к такому сюрпризу ты был не готов!

Утром, выйдя на широкую веранду, я увидел, как Джек мелом на доске выводил аккуратные слова – расписание на первую половину дня, и имена вожатых, которые отвечали за мероприятия.

«10 – 12-30. Tennis: Oksana, David.

10 – 12-30. Seabathing: Dima, Daniel.

10 – 12-30. Trip to Foros: Vadim, Tonya».

Улыбнувшись, я направился к длинноволосой стройной

Тоне, которая стояла в стороне и смотрела на море. Она приехала из Киева – сопровождала детей в дороге. Конечно, я обратил внимание на девушку ещё вчера вечером и узнал её имя у Майка, но постеснялся познакомиться. На девушке были короткие джинсовые шорты, открывавшие совсем белые ноги – значит, Тоня не работала здесь в первую смену. О намечающейся авантюре напарницу стоило предупредить.

– Тоня, здравствуй! Я – Вадим. Есть дело. Мы с тобой сейчас поведём всех желающих в Форос, и старшим, которых знаю по прошлому году, я разрешу выпить немного вина. Конечно, будет скандал, если англичане узнают. Если хочешь, можно поменяться с Оксаной, Джек будет не против.

– Нет, Вадим, всё в порядке, – улыбнулась в ответ девушка.

В Форосе Шурик и его друг Андрей, отправившиеся в банк за переводом Western Union, видимо, очень долго возились в кассе – дети успели съесть по паре мороженых. Вот подростки бегут назад – вижу по довольным лицам, что шалость удалась. Мы идём по дорожке Форосского парка, усыпанной сухой хвоей. Шумит прибой, кричат чайки, над головой ветер играет кронами сосен, воздух пахнет смолой. Тоня рассказывает мне про Дом с химерами, её любимое здание в центре Киева, построенное в начале двадцатого века. Стены дома украшены диковинными мифическими существами, но ходят слухи, что скульптуры внутри выглядят ещё безумнее. Сейчас здание закрыли на реставрацию, потому

что возникла опасность обрушения старых стен, но, когда откроют, можно будет попасть внутрь и всё посмотреть! Осенью Тоня любит гулять по улицам старого Киева, наблюдать, как Андреевский спуск становится огненно-рыжим, как Подол купается в утренних туманах. И если ей хочется сбежать с университетских пар, она уходит на Подол, читает, пьёт крепкий кофе, собирает листву для гербария.

Останавливаемся за Форосом – где асфальтовая дорога превращается в просёлочную, ждём, когда Шурик и Андрей выкурят по очередной сигарете.

– Тоня, а ты любишь крымское вино?

– Не знаю, я пила пару раз в жизни какое-то вино, и это было шампанское, – смеётся девушка.

– Я купил бутылочку ялтинского муската – давай его выпьем вечером.

Шурик смотрит на меня с завистью, толкает друга, и парни начинают наперебой читать друг другу Децла.

– Давай. Ты не против, если я позову Лесю? Мы с ней живём в одной комнате, она умница.

– Конечно, не против, – улыбаюсь я. – Предлагаю после отбоя встретиться у платана и пойти к морю.

За ужином почти никого не было – скаутам не понравилась еда из столовой. Они притащили из Фороса кильку в томате – к удивлению Майка, который проверял рюкзаки на входе в главный корпус и посчитал все купленные банки. Подростки жрали кильку, давились ей в комнатах, запивая

солёной «Крымской». Я же сидел в полупустом зале, резал ножом омлет и глядел в окно на огромную тучу, которая закрывала небо над морем. Мысли пропали – я был этой чёрной тучей, был кусочком бирюзового неба, летел белой чайкой по линии их войны.

В десять вечера мы уже сидели на скамейке у моря, под железным навесом, и держали в руках пластиковые стаканчики с мускатом. Нас было трое на всё грозное побережье – никто не пожелал прийти на берег в такой свирепый шторм. Тоня и я молчали, а Леся говорила без остановки – про далёкие гуцульские сёла, про колдунов, про привороты, про звёзды над ночными Карпатами. Ей приходилось почти кричать, чтобы мы, сидевшие рядом, могли услышать её. Рядом кипела и бурлила нефть, загораясь у горизонта ярко-красными пятнами, деревья гнулись к земле, по пляжу носило пустые пакеты и газеты. Перед полночью Леся ушла, пообещав подруге оставить открытой дверь в их комнату. Я всё ждал, что пройдёт двенадцать – и Леся вернётся с пятнами крови на блузке, бесцветным взглядом и длинными синими ногтями, чтобы выпить нашу кровь и унести нас на Шипот, на древние каскады, в непроходимые карпатские леса. Я бы даже не сопротивлялся – только чтоб Тоня была рядом. Между тем, девушка замёрзла. Я достал из рюкзака клетчатую рубашку и набросил ей на плечи, а она вдруг прижалась своим плечом к моему плечу. Я повернулся, чтоб поцеловать её, но она отстранилась.

– Вадик, прости. Я не умею.

– Что – не умеешь?

– Целоваться.

Я улыбнулся, разгладил её волосы, прикоснулся губами к её губам. Мне казалось в эти секунды, что ветер смолк, море успокоилось и вокруг нас с Тоней – стены комнаты, мягко светящиеся синим.

Потом мы встали и, пошатываясь, пошли вверх по шершавому бетону.

– Вадик, я не хочу, чтобы мы сегодня расставались – давай гулять всю ночь! – Она уже засыпала, но не собиралась признаться в этом.

– Пойдём лучше в мой фанерный домик – поспим немного.

– Но только... Ты не будешь ничего делать, ладно?

– Конечно, не буду, – я взял её за руку, и мы пошли вверх к домику номер 13 через дубовую рощу.

Мои соседи из Комарово уже сладко спали. Я снял с кровати матрац, вытащил его на веранду, застелил постель. Раздел покорную Тоню – снял с неё футболку, шорты и белый лифчик, но когда дошёл до трусиков, она меня остановила:

– Ты мне обещал.

Я улыбнулся, разгладил её волосы и ещё раз поцеловал. Уложил на бок в постель и лёг, прижавшись, рядом, положив ладонь ей на грудь. Ветер начал стихать, пошёл мелкий дождь. Тоня спала, а я боялся пошевелиться, чтоб не

разбудить, – лежал, пьяный от нечаянной радости, и слушал дождь.

Утром меня разбудил чей-то взгляд – один из соседей-харьковчан никак не мог уйти, всё смотрел на нас с Тоней, спящих на полу веранды в обнимку. Заметив, что я проснулся, он ошалело повёл бровью, отвернулся и убежал. «Какой наглец!» – подумал я. Потом заметил, что одеяло сползло и стала видна Тонина грудь. Я поправил одеяло и поцеловал девушку в шею. Она проснулась.

– Доброе утро! Как спалось?

– Мне понравилось спать в обнимку, – улынулась она. – И ты не трогал ночью мои трусы, поэтому я буду тебе доверять!

Совсем не хотелось одеваться, и мы валялись ещё полчаса – нас заставила подняться только угроза опоздания на утренний сбор. Мы шли через освежённый ночным дождём дубовый лес, и я думал о том, что у тех, кому не о чем говорить, скоро появится новая тема для разговора. И обсуждать эту тему будут как минимум на трёх языках. Ну и пусть упражняются.

В этот раз Джек не поставил нас на мероприятие вместе – мне до обеда дали свободное время, а Тоня должна была играть на балконе в настольный теннис со всеми желающими.

– Я уверена – ты пойдёшь на море. Я даже догадываюсь, куда именно.

– Не угадала! Останусь тут, на балконе, и буду любоваться, как ты бегаешь с ракеткой и нагибаешься за теннисным шариком!

Я устроился в углу на красном пластиковом стуле, достал из кармана шорт плеер, вставил первую попавшуюся кассету и нажал «play». Тоня играла ужасно, хотя рассказывала вчера, что ходит в спортивную секцию на большой теннис. Она промахивалась, пропускала подачи и постоянно оглядывалась на меня. Через час детишки, желавшие поиграть с вожатым, начали неплохо справляться сами, и запыхавшаяся Тоня подседа ко мне.

– Что ты тут слушаешь? Признавайся!

– Давай я плёнку отмотаю, мы послушаем эту песню с начала, – ответил я и протянул ей наушник R.

Я купил кассету как раз перед отъездом в Форос: на обложке были изображены голые мужчина и женщина, у женщины на руках лежал ребёнок. Они сидели в железной клетке, а снаружи на них пялились зебра, тигр, кенгуру и лама – Тоня прыснула, увидев эту дурацкую обложку. Но голос Клауса Майне звучал как никогда хорошо.

When you came into my life,
It took my breath away.
And the world stopped turnin' round
For your love.
When you came into my life,

It took my breath away.
Cause your love has found it's way
To my heart,
Into my heart.

– Хорошая песня. Дашь мне эту кассету послушать?

– Забирай хоть сейчас.

– А что ты будешь вечером делать?

– Хотел снова пригласить тебя на пляж.

– Я приду.

Настал вечер – и первый раз за смену не штормило. Мы сидели на узком пяточке гальки за большим камнем на краю пляжа и смотрели на закатное небо, а когда совсем стемнело – на звёзды, соскальзывавшие с небосклона в море.

– Тоня, пошли купаться! Ты же ещё не купалась ночью?

– Да, я давно хотела искупаться в море ночью, и знаешь – мне совсем не страшно. Но я не брала с собой купальник.

– Да ну, какой купальник. Ночью все в Крыму купаются только голыми. Вот у меня нет ни одного знакомого или знакомой, которые ночью купались бы в одежде. Это дурной тон.

– Ну ладно, давай купаться голыми. Но я тебя пока стесняюсь – ты заходи первым, а я разденусь и пойду за тобой.

Я зашёл по пояс в воду, остановился. Вода и небо сливались впереди в одну матовую черноту. Казалось, сейчас нырнёшь и потеряешь меру берега, моря и неба. Можно запу-

таться, потерять нить и вынырнуть в другом измерении. Или просто утонуть. Тоня подошла и взяла меня за руку. Рука её уже покрылась гусиной кожей.

– Надо быстро нырять – иначе замёрзнешь. Давай – на раз, два, три!

Мы нырнули, потом поплыли прочь от берега. В воде быстро согрелись, и Тоня не хотела выходить.

– Вадик, ты можешь принести моё платье? Я выйду и сразу оденусь.

– Держи.

– Спасибо. А ты так и будешь стоять голым?

– Мне совсем не холодно!

– Слушай, я никак не могу найти свои трусы – что мне делать? Нам же сейчас идти назад!

– Думаю, ты их потеряла! Но никто кроме меня не знает, что на тебе, кроме платья, ничего нет. А я буду хранить секрет.

Мы вышли на бетонную дорожку и начали подниматься вверх, к domikam. Навстречу шёл Майк – он явно собирался купаться.

– Hey, guys! Nice to meet you!

– Hey, Mike! Good night!

Тоня шла и сконфуженно улыбалась.

– Как ты думаешь, он догадался, что я без белья?

– Слушай, ну на тебе же не прозрачное платье! Он никак не мог увидеть. И вообще, очень многие девушки так ходят

постоянно.

– А это ты откуда знаешь?

– Я читал в мужском журнале результаты анонимных опросов! Кстати, ты будешь сегодня спать со мной в домике?

– Конечно, мы идём к тебе – пугать твоих ужасных соседей, – улыбнулась она, – хотя, я подозреваю, кто украл мои трусы. Кто-то знает, что я не пойду в корпус за новыми, и рассчитывает, что я буду спать сегодня совсем голой. Но он зря так переживает – я же утром сказала, что верю.

Мы остановились и долго целовались, потом присели на бордюр – очень хотелось курить.

– Вадик, я совсем забыла – у меня для тебя есть подарок, – Тоня протянула пачку красных Marlboro, – Лесю попросила сегодня в Форосе купить. Тебе же нравятся такие?

– Очень нравятся, это самые вкусные сигареты. Такие дорогие. Спасибо. Я буду открывать эту пачку иногда – когда случится самый прекрасный или самый ужасный момент.

– А сейчас какой?

– Конечно, ужасный, – сказал я и ущипнул её на ногу.

– У Marlboro лучшая реклама, — Тоня ущипнула меня в ответ, – на всех фото в буклетах один красавец мужчина, ковбой. Скачет на лошади с лассо в руках или задумчиво курит, глядя вдаль.

– Тоня, а ты знаешь его судьбу?

– Расскажи.

– Уэйн Макларен, американский актёр, который снимался

в самой популярной рекламе сигарет, он же ковбой Мальборо, умер от рака лёгких. Ещё несколько мужчин, участвовавших в этой рекламе в разные годы, также умерли от рака. Но все они подписали контракт на использование своих изображений. Поэтому мертвецы, скончавшиеся страшной смертью от курения сигарет, всё еще их рекламируют. Не знаю, как в Америке, но у нас точно эти буклеты в ходу, ты сама видела!

– Поэтому ты с удовольствием закуливаешь ещё одну, да?

– Конечно! Потому что это рок-н-ролл.

Я докурил и мы, стараясь не шуметь, поднялись в domik. Я постелил постель на веранде, стянул с Тони платье и бросил его на стул, где уже лежали мои вещи.

– Вадик, только... ты же помнишь, да?

– Не бойся. А целовать ведь можно?

– «Ты целуй меня везде, восемнадцать мне уже» – смеясь, продекларировала Тоня, мы прыснули со смеха, и в комнате кто-то застонал и выругался. Мы накрылись простыней с головой и долго целовали, гладили друг друга, пока не уснули.

На следующий день приехал Пол, крепкий ирландец лет сорока пяти, и тут же завладел вниманием всего лагеря. В отличие от американских и некоторых английских преподавателей, пытавшихся улыбаться всегда, даже когда они раздражены или подавлены, Пол вёл себя совершенно естественно – бывал и мрачен, и зол, не пытаясь скрывать эмоции. Он, в числе немногих, здоровался при встрече за руку, постоянно угощал меня сигаретами Marlboro, которые, несмотря на за-

мечания директора, курил прямо у крыльца и даже, о ужас, мог приобнять ребёнка, положить ему руку на плечо. Он сразу оценил внешность всех девушек-вожатых и, похоже, положил глаз на некоторых. Позже мои догадки подтвердились – девушки рассказывали Тоне о повышенном внимании со стороны Пола. Про нас с Тоней он понял всё мгновенно, хотя мы пытались скрывать от лагеря свои отношения: улыбаясь, посмотрел на меня в упор, потом скосил взгляд на Тоню и, слегка приподняв к груди руку, показал мне большой палец. С моей подругой Пол вёл себя в высшей степени деликатно. А ещё он знал русский и украинский языки, причём и весьма неплохо! Это казалось удивительным – ведь англичане, жившие в Киеве годами, работая в образовательном проекте, и не собирались учить языки – они знали в лучшем случае десяток слов. В тот же день мы с Полом договорились сделать совместный музыкальный номер – исполнить вдвоём песню, в которой я пел бы по-русски, а мой новый друг – по-английски. Мы быстро нашли подходящую песню, которую и исполнили тем же вечером перед всем лагерем под гитару.

Мой поезд едет в Стамбул —

Yeto cool.

Но денег нет на обед —

Yeto bad.

Кто мне покажет стриптиз —

Tomu kiss!

А кто покажет кулак —
Тому fuck!

Когда повсюду ты свой —
Yeto joy.

Когда ты всюду один —
Yeto splin.

Когда никто не звонит —
Yeto sheet...

Когда вокруг всё не так —
Yeto fuck!

Давай, лама, давай,
Давай открывай свой англо-русский словарь!

Джек с каменным лицом ушёл прочь с площадки во время исполнения песни.

С вероломным прибытием Пола среди педагогов и вожатых наметился раскол в отношении к скаутам. Большинство старалось не только держать дистанцию с подростками 13-16 лет – похоже, им начало нравиться унижать их проверками, задирать по мелочам. Девочки жаловались, что Джек без стука заходил в их комнату после отбоя, когда они раздевались ко сну. У Шурика с Андреем постоянно рылись в вещах – искали сигареты и алкоголь. Во многих украинских лагерях происходило подобное – но скауты никак не могли привык-

нуть к тому, что прошлым летом всё было можно и никто не наказывал, а в этом году всё запретили. Вторая группа сочувствовала подросткам: это были Майк, Пол, Оксана и мы с Тоней. Хуже всего пришлось Андрею – Джек возненавидел его с первого дня смены. Андрей отлично язвил по-английски, отпускал шуточки по поводу порядков в лагере, передразнивал Джека. Он постоянно оказывался в списках тех, кому запрещали выход на дополнительные мероприятия – на экскурсию, на прогулку в горы. Однажды я заметил чёрный джип прямо у крыльца – это было странно, частным машинам не позволяли парковаться у входа. Потом из дверей здания вышел бледный Андрей, рядом с ним шёл Джек и несколько незнакомых бритых наголо мужчин. Бритые что-то напоследок сказали Андрею, пожали руку Джеку и уехали. Я зашёл в комнату Андрея.

– Андрей, что это был за цирк?

– Сука, он позвал бандитов, чтоб меня запугать. Сказал, что это его крымские друзья, и хоть он по правилам лагеря не может притронуться ко мне, они – могут. Бритоголовые грозились забрать меня на джипе и поговорить в другом месте. Вадим, я ведь ничего не делал! Ничего не украл, не сломал, никого не ударил, к девочкам под юбки не лез. Ну, поязвил немного, покурил, пиво мы пили – что такого?

Стало очень противно. Образ интернационального летнего лагеря, директор которого – саксофонист и улыбака, рушился.

На следующий день мы собрались на веранде: Пол мелом на доске писал распорядок на день. До обеда я должен был вести группу в Форос за покупками, а Тоня – играть в волейбол. В списке послеобеденных мероприятий мы с Тоней своих имён не нашли.

– Paul, what about my second work-time?

– Oh, Vadim, this is your free time, – улыбнулся Пол и подмигнул Тоне. – And your free time too!

Мы переглянулись.

Невероятно – после обеда мы оба свободны, до самого вечера. Спасибо, Пол!

Десять минут на то, чтобы забежать в домик, – и вот мы вышли за калитку, направляясь на дикий пляж. На Тоне короткое белое платье в синий горошек и коричневые кожаные сандалии. Мы находим камень, с которого легко спуститься в воду.

– Эй, Тоня, тут же никого нет – зачем ты надеваешь купальник?

– Вадик, ну одно дело ночью, но днём... Я стесняюсь. Прыгай со мной!

Я прыгнул солдатиком – сразу за камнем начиналась глубина – и окатил Тоню снопом брызг.

– А тебе понравилось это ощущение – купаться без ничего?

– Да, это очень приятно. Но вдруг кто увидит?

– Ты ведь уже зашла в воду – и никто не сможет подгля-

деть. Ты не против, если я его сейчас с тебя сниму?

– Хорошо, снимай, но не убирай далеко – я потом надену.

Я снял в воде с Тони синий купальник и с размаху закинул его на хилый приморский кустик.

– Ну вот что ты сделал? Она посмотрела укоризненно. И кто мы с тобой после этого?

– Нудисты.

– Нудииисты, – протяжно сказала она и улыбнулась.

Мы долго плескались в чистой воде, ныряли до дна – нужно было обязательно вынырнуть с камнем или водорослями, чтобы доказать, что достал до дна. Потом я выбрался на камень и вытащил за руку девушку. Тоня стояла на камне, нагая и не прикрывалась, по её телу стекали струйки воды. А я стоял и любовался. Потом мы легли на горячий камень и наблюдали за маленькими облачками, которые показывались из-за горы Спящий Рыцарь.

– Вадик, я так мало знаю тебя. Давай поиграем в игру. Ты будешь спрашивать меня о себе, своих привычках – а я попробую ответить. Или угадать. А ты честно-честно скажешь, угадала или нет!

– Давай. Моя любимая рок-группа?

– «ДДТ»?

– Очень хорошая группа. Но самая любимая, всё-таки – «Алиса». И дело не только в песнях: Костя Кинчев – такой же ренегат, как и я. Только он сейчас совершает путь от нигилизма к вере, а я иду в обратном направлении. Мой люби-

Мый цвет?

– Синий?

– Зелёный.

– Конечно, зелёный! Я же подумала сначала про зелёный.

Ладно. Давай ещё!

– Мой любимый поэт?

– Это уже сложнее! Ты читай стихи, а я угадаю.

Я помолчал, потом прочёл стихотворение – спокойно, почти не интонируя:

Не спят, не помнят, не торгуют.
Над чёрным городом, как стон,
Стоит, терзая ночь глухую,
Торжественный пасхальный звон.

Над человеческим созданием,
Которое он в землю вбил,
Над смрадом, смертью и страданием
Трезвонят до потери сил. . .

Над мировой чепухой;
Над всем, чему нельзя помочь;
Звонят над шубкой меховой,
В которой ты была в ту ночь.

– Я знаю, кто написал эти стихи, – Тоня открыла глаза, –

это Александр Блок. Мы в школе проходили поэму «Двенадцать» про революцию. Я тогда не понимала, почему тонкий, ранимый Блок мог быть за красных.

– Он только сначала был за красных. А потом всё понял.

– Это значит, что, если бы сейчас случилась революция, ты был бы за белых, – она серьёзно посмотрела на меня.

Я кивнул.

– Представила, что мы с тобой на набережной в Севастополе – стоим и смотрим, как на рейде дымятся трубы кораблей генерала Врангеля. И думаем – сесть на корабль или остаться? Как думаешь, ты бы мог эмигрировать?

– Думаю, я бы остался.

– И нас бы расстреляли, – она разгладила мои волосы. Потом перевернулась на спину и лежала молча.

– Тоня, какой мой любимый напиток?

– Это вино! Ты его постоянно пьёшь, и даже меня научил.

– Обожаю вино. Но нет, жду другие версии!

– Может, виски?

– Думаю, виски – это прекрасная штука. Но я ещё его не пробовал. Тот напиток, о котором я говорю – это чай из суданской розы. Каркаде.

– Каркаде? – Тоня удивлённо посмотрела на меня. – Странно, я никогда не пила кракаде! Да-да, я буду называть его «кракаде»!

– Почему же?

– Теперь, когда ты будешь пить свой суданский чай, бу-

десь всегда вспоминать меня и этот пляж. Потому что только я называла этот чай так: кра-ка-де!

– Я не хочу так.

– Ты не хочешь меня вспоминать?

– Не хочу. Давай по-другому. Мы будем вместе с тобой пить чай каждое утро. В квартире с большой светлой кухней. И обязательно, чтоб окна на восток.

– Договорились, – улыбнулась Тоня.

Мы стоим над перевалом Шайтан-Мердвен, держась за руки. За нашей спиной лесок, в нём Пол рассказывает про Ирландию группе скаутов, которая пошла с нами на день в горы, – сейчас привал. Мы с Тоней смотрим на белую змею дороги, которая ползёт под перевалом, на грозовое небо, на далёкие домики санатория. Как будто не лето теперь, а сентябрь, и Тоня осталась со мной в Крыму, и мы ушли в поход с палаткой.

– Расскажи мне про это место, – тихо говорит она. – Я слышала, что здесь из Гурзуфа в Бахчисарай проходил Пушкин.

– О да, Александр Сергеевич тут бывал. Хотя, как по мне, этот перевал ну очень неудобный. Пушкин писал, что они не могли здесь ехать на лошадях и шли, держась за их хвосты.

– Он, наверное, чувствовал себя счастливым в этих местах?

– Угадала. Это была ссылка, которая исцелила его душу.

Тут, в Гурзуфе, Пушкин влюбился.

– Влюбился и писал стихи о своей любви, а не пытался научить девушку купаться голой и делать другие бесстыдства, – Тоня поглядела на меня с улыбкой.

– Ну в то время не было купальников, вообще-то, – парировал я, – поэтому и учить было не нужно. Александр Сергеевич, кстати, вставал в Гурзуфе очень рано – чтобы подняться на скалу в оливковую рощу и оттуда подглядывать, как его возлюбленная купается без ничего.

– Ну ты врунишка! Пушкин – солнце русской поэзии, а ты говоришь «подглядывал»! Признайся, ты эту историю прямо сейчас и придумал.

– Не придумал, нам её в университете на лекции рассказывали.

– Ваши преподаватели – совсем бессовестные, если студентам такие байки травят! Ну вот представь – ты сам стал известным поэтом и музыкантом. И какой-нибудь профессор давай в твоей жизни копать: читать письма, расспрашивать твоих друзей, с кем ты целовался в таком-то году и какую песню написал по этому поводу. Будет рассуждать, голые вы купались или нет, что пили и что ели. Или вообще назовёт твою форосскую девушку художественным вымыслом. Начнёт студентам рассказывать, а те будут хихикать. И что ты сделаешь?

– Знаешь, а всё литературоведение ведь построено на таком копании. Но, конечно, я бы в этого исследователя чем-

нибудь кинул. Скажем, пепельницей.

– А если он возникнет после твоей смерти – откуда будешь пепельницей кидать?

– Из ада, конечно, – улыбнулся я и провёл рукой по её бедру.

Мы взяли рюкзаки, пересчитали скаутов по головам и спустились Чёртовой лестницей на старую Ялтинскую дорогу. Возвращались в лагерь, ускорив шаг: быстро темнело, поднялся ветер, который кружил по асфальту сухую листву. На душе было тяжело. Через две недели заканчивалась последняя смена и я возвращался в Симферополь на учёбу. Тоня тоже уезжала домой, в Киев. Это обозначало разлуку, о которой я так не хотел думать. Я смотрел на загорелые ноги Тони, её тонкую талию, на растрепавшиеся волосы и представлял, как мы покоряем перевал за перевалом, спим в обнимку в палатке под шум дождя, готовим на костре кашу с тушёнкой.

Мы вошли в главный корпус с первыми каплями дождя – гроза шла за нами по пятам, но не догнала. На веранде, перекрикивая раскаты грома, перед скаутами выступал Джек, малиновый от ярости – случилась какая-то очередная скверная история. На стуле рядом с ним я заметил красивую бутылку с импортным алкоголем и несколько пачек Davidoff. Оказалось, что англичане раскрыли преступление: вожатая Оксана пронесла в своём рюкзаке для Андрея и Шурика ром, сигареты. Троицу выследил лично Джек – когда они за корпусом

разливали ром в украденные из столовой гранёные стаканы. Оксану завтра отвезут в Севастополь и лишат летней зарплаты. Андрей и Шурик до конца смены не смогут ходить в Форос, купаться в море, в Киеве будет поднят вопрос об их отчислении из английской школы. Все трое, поникшие и бледные, сидели рядом – одна двадцатилетняя и двое шестнадцатилетних. Заметив мой взгляд, Шурик зловеще прищурился, а потом подмигнул мне: он явно вынашивал план мести.

Наступил последний день перед отъездом. Я сидел на деревянных ступеньках домика и курил. Размышлял о мире, в который вернусь через несколько дней. Опять учёба и любимое общежитие. Снимать квартиру даже на пару с другом – нет, невозможно, слишком дорого. Максимум комната в квартире с бабушкой. Я представил, как Тоня приезжает, радостная, ко мне из Киева, идёт в ванную мыться, а бабушка слушает, сколько она тратит воды. Гадость какая-то. В прошлом году я на время съехал из общаги и жил в районе Седьмой горбольницы, с бабушкой мне повезло. Она часто стояла под дверью моей комнаты и слушала, как я играл на гитаре. Бабуля говорила: «Вадик, гитара... как будто плачет». Соседнюю комнату у бабы Нади снимала неженатая пара, уже семь лет. По выходным ребята разъезжались к своим родителям – она в Саки, он – в Ялту, но раз в две недели девушка оставалась на выходных одна, и тогда я слышал, как она ревёт.

Сигарета догорала, я зажёл от неё следующую. Ладно. Я могу честно сказать Тоне про свои перспективы. Про учёбу на бюджете, которую нужно будет обрабатывать три года в сельской школе. Можно, конечно, иногда ездить в Киев, можно звонить. Тоня явно из состоятельной семьи. И я, у которого богатство – косуха, гитара и стопка кассет. Ни квартиры, ни машины, ни даже банковской карты. Но есть мечты: собрать группу, записать отличный рок-альбом, сыграть концерт перед стадионом. Как всё это соединить? Поставить бы всё на паузу и остаться с ней здесь, в *domike*, в этом августе. Мы бы утром ходили на море, а после обеда я бы курил и писал новые песни. А за забором остались бы все эти шакалы, лоси, бараны. Ну и пусть плятятся – мы бы сидели тут в обнимку, счастливые.

Я закинул очередной окурок в пустую бутылку из-под пива и вдруг увидел, как по тропинке ко мне с радостной улыбкой поднималась Тоня.

– Уже собралась, – сообщила она, – и буду теперь с тобой.

Я усадил её на колени, и мы долго целовались.

– Мне сегодня приснилось, – начал я, – что мы с тобой живём в маленьком городке недалеко от Сан-Франциско – снимаем квартиру над ковбойским салуном, на втором этаже дощатого дома. В тех местах, несмотря на жару, мужчины ходят в кожаных штанах, жилетках и узконосых рокерских казаках. А женщины и девушки гуляют совершенно обнажёнными, только на ногах – высокие сапожки, на бёдрах –

золотая цепочка с кулоном, в кулоне – яд. Но девушек никто не обижает, потому что почти все мужчины в городке – геи. Ход в нашу квартирку один – через металлический шест, который расположен над барной стойкой, вместо двери – железный люк в полу квартиры. Каждое утро мы спускаемся в салун завтракать: я спрыгиваю через люк первым, потом по шесту легко соскальзываешь ты, одетая по последней местной моде, и на твоём плече – огромный ручной осьминог. Я беру тебя на руки, целую волосы и несу к деревянному столику на веранде, где уже дымятся две чашки с крепким кофе, а геи, пьющие бурбон со льдом за стойкой, удивлённо смотрят на нас.

Тоня зарумянилась:

– Я бы не отказалась так пожить с тобой. И, наверно, даже местную моду бы поддержала. А потом мы поехали бы дальше, в новые невероятные страны, где люди живут и думают иначе, чем мы.

Она взяла меня за плечи:

– Ты так вкусно рассказал мне про каркаде, а мы его так ни разу не пили. Разъедемся, а вместе чаю не попьём... Купила сегодня. Я пойду, заварю.

Зашла в домик, а я всё сидел на ступеньках, опустив голову.

– Ну где же ты, Вадик? Чай готов.

Тоня вынесла на крыльцо две дымящиеся чашки и присела рядом со мной на горячие ступеньки.

– Не знаю, как ты переносишь эту жару. Лично я теперь буду ходить, как женщины из твоего сна, – шепнула девушка и сняла через голову платье в горошек.

– Похоже, я сделал из тебя нудистку, – присвистнул я. – Давай-ка мы зайдём в дом, пока все вожатые не сбежались пялиться на твою красоту.

Я взял Тоню за руку и завёл в комнату, отодвинув серую рваную занавеску в дверном проёме, служившую москитной сеткой. Мы присели у открытой двери на сброшенные с кровати подушки.

– Вадик, я подумала – мы можем попробовать, если хочешь, – сказала девушка еле слышно.

Меня как будто ударило током, но я не подал виду, и обнял её. Принёс постель, разделся, мы легли и смотрели друг на друга.

– Тоня, я очень хочу тебя. Но я не могу так поступить. Нужно, чтобы у нас были дни впереди.

– Я согласна, сейчас не тот момент, – тихо ответила она, – давай потом. Но знай, что я готова.

И поцеловала меня.

Вдруг снаружи раздались голоса. Тоня прикрылась простынкой, я же не стал одеваться, встал и отодвинул занавеску. За ней стояли смущённые Андрей и Шурик.

– Ой, извините, если мы помешали... Правда, мы не хотели, но очень надо. Вадик, нам нужна помощь твоей девушки.

– Да ну?

- Серьёзно. Мы тут создаём образ. Тоня, только ты можешь нам помочь. Ты кого-нибудь когда-нибудь стригла?
- Нет, и не думайте, я вам уши случайно отрежу.
- Тоня, ну ты же девочка, вы, девочки, умеете стричь. Это важно. Нам с Шуриком нужны косые чёлки. Пожалуйста.

Настало утро отъезда. Джек на террасе вручил мне конверт с зарплатой – это была моя будущая новая гитара, я сложил конверт пополам и сунул в задний карман. Джек не протянул мне руку и не предложил приехать следующим летом. Подошли автобусы, вожатые помогли уложить чемоданы и сумки в багажные отделения. Скауты прощались с вожатыми. Вдруг я услышал громкий смешок, потом ещё один, и вот уже все дети и подростки зашлись хохотом. В дверях главного корпуса стояли два Адольфа: ветер трепал их чёлки, под носом у каждого красовались нарисованные маркером усы, а на щеках – эмблема английской школы и свастика. Мятые рубашки подростки застегнули под горло. Стараясь держать шаг, оба подошли к автобусу, таща за собой чемоданы на колёсиках. Поравнявшись с багровым от ярости Джеком, Андрей вскинул вверх правую руку. Потом юноши с каменными лицами полезли в салон. Автобусы уже тронулись, а Джек так и остался стоять у желтеющего платана. И тут одинокий детский голос затянул песню, неожиданно её подхватили все остальные. Водителю оставалось только выруливать по дорожке и слушать.

Только скажи —
Дальше нас двое.
Только огни
Аэродрома.
Мы убежим,
Нас не догонят.
Дальше от них,
Дальше от дома.

Небо уронит ночь на ладони.
Нас не догонят, нас не догонят!
Небо уронит ночь на ладони.
Нас не догонят, нас не догонят...

Я наклонился к водителю:

– Вы высадите меня в Симферополе?

– Хорошо. На центральном автовокзале подойдёт?

Я утвердительно кивнул и сел в кресло рядом с Тоней. Мы миновали тоннель, потом справа замелькали посёлки Большой Ялты. Когда автобус начал подъём к Ангарскому перевалу, Тоня положила голову мне на плечо и уснула. Ветер ласкал подол её короткого платья, открывал загорелые колени. Я смотрел на эти красивые колени и всё не мог понять, как это происходит: вчера я мог вмиг снять с девушки платье и целовать прекрасное тело; сейчас я могу лишь

любоваться подругой и чувствовать её дыхание; а через два часа уже не смогу увидеть. Я надену косуху и поеду по ночному Симферополю в паб, где любимые друзья разольют по бокалам тёмное пиво. Закрою за собой стеклянную дверь студии звукозаписи, надену наушники и подключу гитару. Проснусь дождливым утром в прокуренной комнате: «Пирамида зеленых штыков, россыпь кассет – это наш сумбурный still life...» Буду пить дешёвый кофе в университетской столовке, пойду холодным коридором университета в библиотеку, и за заклеенными в зиму окнами читального зала начнётся снегопад. Проснусь в палатке на нижнем плато Чатыр-Дага, замёрзшими руками разведу огонь, а потом возьму рюкзак и зашагаю мимо луж осеннего шоссе. И Тони рядом со мной – не будет. Я представил, как она в коротких шортах и маечке играет в теннис на залитой солнцем лужайке, подпрыгивает с ракеткой и как поднимается её грудь. Идёт со стопкой книг по брусчатке Андреевского спуска. Кутается в серое пальто рядом с памятником князю Владимиру и смотрит, как на Днепре начинается ледоход. Засыпает в вышитой буковельской рубашке при мягком свете жёлтой лампы, обнимая подушку, а за окном шумит дождь.

Мы въехали в Симферополь, миновали центр, свернули на улицу Воровского. Вот справа осталась Петровская балка, замелькали скалы Неаполя Скифского.

– Эй, парень, там стоять нельзя, я приторможу на минуту – и ты выйдешь, ладно?

Я прикоснулся к щеке Тони, она проснулась и секунду не могла понять, что происходит, где мы.

– Тоня, надо идти.

– Иди, – она улыбнулась. – Я тебя ещё увижу?

– Конечно, – ответил я и поцеловал её.

Автобус притормозил, я взял гитару, сумку и спрыгнул на траву газона. Мерседес тронулся, выехал на кольцо, а потом скрылся за поворотом. Я перешёл дорогу у гостиницы «Москва», спустился по ступенькам к речке, остановился у чёрных железных перил над водой. Начал искать сигареты и не мог найти. Руки не слушались. Вспомнив, я присел на корточки, открыл боковой карман чёрной сумки и вытащил оттуда пачку красных Marlboro. Оказалось, что в пачке – последняя сигарета. Я облокотился на железную ограду и посмотрел на Салгир.

В прозрачной воде проплывала пожелтевшая листва, над тополями вдоль реки поднимались кучевые облака.

Я чиркнул спичкой и закурил.

08.02.2016 – 25.11.2022, Севастополь

Список литературы

В романе «Тропа пьяного матроса» процитированы следующие литературные произведения:

«Куда ты скачешь, мальчик» [1979], автор Юлий Черсанович Ким.

«В янтаре сентября мы уже не состаримся...», автор Николай Николаевич Ярко.

«Брич-Мулла» [1980], автор Дмитрий Сухарев.

«За миллиард лет до конца света» [1976], авторы Аркадий Натанович Стругацкий и Борис Натанович Стругацкий.

«Сосны» («Сосни») [2000], автор Святослав Иванович Вакарчук (Святослав Иванович Вакарчук).

«Деньги ни за что» («Money for Nothing») [1985], авторы Марк Нопфлер (Mark Knopfler) и Стинг (Sting).

«Нет, женщина, не плачь» («No Woman, No Cry») [1975], авторы Винсент Форд (Vincent Ford) и Боб Марли (Bob Marley).

«Сказка о рыбаке и рыбке» [1835], автор Александр Сергеевич Пушкин.

«Листы сада Мории. Книга первая. Зов» [1924], автор Елена Ивановна Рерих.

«Сказочная тайга» [1995], автор Глеб Рудольфович Са-

МОЙЛОВ.

«Первая любовь» [1994], автор «Красная плесень», рок-группа.

«Прогулки по воде» [1991], авторы Илья Валерьевич Кормильцев, Вячеслав Геннадьевич Бутусов.

«Про Федота-стрельца, удалого молодца» [1987], автор Леонид Алексеевич Филатов.

«Дубровский» [1996], автор Борис Борисович Гребенщиков.

«Инквизитор» [1984], автор Эдмунд Мечиславович Шклярский.

«Манечка» [1954], автор Яков Грей.

«Синяя песня» [1968], автор Альберт Сергеевич Азизов.

«Империя „ДДТ“» [1998], автор Николай Харитонов.

«Южный романс» [1981], автор Вадим Владимирович Егоров.

«Живая вода» [1995], автор Илья Валерьевич Кормильцев.

«Заблудившийся трамвай» [1920], автор Николай Степанович Гумилёв.

«Когда ты вошла в мою жизнь» («When You Came into My Life») [1996], авторы Клаус Майне (Klaus Meine), Рудольф Шенкер (Rudolf Schenker), Тайтик Пюспа (Titiek Puspa), Джеймс Ф.Санда (James F. Sundah).

«18 мне уже» [2001], автор Сергей Жуков.

«Англо-русский словарь (Давай, лама)» [1997], автор

Александр Георгиевич Васильев.

«Не спят, не помнят, не торгуют...» [1909], автор Александр Александрович Блок.

«Нас не догонят» [2001], авторы Сергей Галоян, Елена Кипер, Валерий Полиенко.

«Натюрморт» («Still Life») [1995], автор Вадим Игоревич Демидов.